
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЮ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И рече Олегъ Кіеву се буди мати градамъ русскимъ
ВИЛЬНА
1869.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ коммисіонерамъ „Вѣстника“ А. Ѳ. Базунова въ С. Петербургѣ и А. Н. Ѳерапонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: **„Очерки бѣлорусскаго Полѣсья“** (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА XI.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено цензурою февраля 11 дня 1869 г. Вильна.

I.

№ 12.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Заявленіе королевскихъ чиновниковъ объ отнятіи у православныхъ и передачѣ уніятск. митр. Потѣю виленскихъ церквей. 1609 г.

Я Войтехъ Сенковскій, столникъ Цѣхановскій, а я Янъ Краевскій, дворяне его кор. милости озиайиуемо тымъ нашимъ листомъ, ижъ въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ девятомъ, мѣсеца Августа шестого дня, водлѣ выроку и росказаня его кор. мил. пана нашого милостивого, будучи мы на то зъ ражени его кор. мил. зослани, а маючи при собѣ двохъ повѣту виленского: пана Езофа Янковскаго а пана Яна Карвовского и пети шляхтичовъ: пана Андрея Домбровского, пана Войтеха Корсака, пана Крыштофа Закревского, пана Андрея Жарновского а пана Яна Августиновича,— были есмо въ церкви соборной виленской Светое Пречистое и въ дворѣ каменицы митрополее, при той церкви соборной будучое, также и

въ иншихъ окрестныхъ виленскихъ, которые первѣ того отъ людей своволныхъ духовныхъ и свѣцких релiи греческое, яко бунтовниковъ и противников звирхности его кор. мил., праву носполитому и тех пастырству и владзы старшого преложоного их велебного въ Бозѣ его м. отца Ипатiя Потѣя, архi епископа митрополита кiевскаго и галицкаго и все Россiи, непослушныхъ, за збутованiемъ се через нихъ, своволне и кгвалтовне зъ моцы его милост отца митрополита забраны были; зась для взятья одысканья зъ рукъ тыхъ бунтовниковъ во владзу моцъ маестатови его кор. мил., яко найвышого по давцы и оборонцы церквей Божыхъ, тамъ же напер вѣй самую соборную церковь Светое Пречистое дворъ съ каменицою митрополею пры той церкв соборной будучою, а затымъ и иншые церкви вилен скiе меновите: Перенесенье Светого Николы, Воскре сенье Спаса, Покровы, Пятницы, Светого Юрья, Све того Петра, Светого Козмы и Демьяна, Рождеств Христова, другую церковь светого Николы, светог Ивана, зъ рукъ тыхъ бунтовниковъ одобравшы в моцъ и во владзу его кор. мил. взяли и прывернули есмо. А потомъ тогожъ року мѣсеца Августа один надцатого дня все по достатку зревизовавшы тую церковь соборную светое Пречистое зъ дворомъ, каменицою митрополею и иншые вси вышей помсненые церкви виленскiе окрестные зъ домами, мѣщаны, кгрунтами и зо всѣми доходами и пожытками до тыхъ церквей належачыми, зо всими скарбами, апаратами церковными, яко на его кор. мил., *одобрано* было, водлѣ тогожъ выроку его кор. мил., за волею и росказанемъ его кор. милости, отцу Ипатею митрополиту кiевскому водлѣ давныхъ привилевъ митрополихъ въ першую владзу, въ моцъ и держанье его милости черезъ насъ отъ его кор. мил., моцью *зверх-*

юсти его кор. мил., подано и привернено есть и реестръ того всего по достатку списавшы, его милости отцу митрополиту при тыхъ церквахъ подали смо. И на то дали есмо его милости отцу митрополиту сесь нашъ листъ съ печатми и съ подписами рукъ нашихъ. Писанъ у Вильни, лѣта Божого отъ нароженья Сына Божого тисеча шестсотъ девятого, мѣсеца Августа одиннадцатого дня. До тогожъ листу розные и шляхта печати свое прыложили.

Слѣдуютъ подписи и печати вышепоименованныхъ лицъ.

2.

Обязательство, данное архимандритами и иноками, протопопами и священниками гг. Вильны, Гродна, Минска, Новгородка, Жировицъ и др. въ томъ, что они присоединяются къ уніи и будутъ повиноваться уніатскому митрополиту. 1609 г.

Мы архимандритове, игуменове, протопопове, еромонаси, клерици и свещенници, которыесмо ся подъ сесь листъ нашъ доброволне а не съ примушенья якого подписали, освѣдчаемо всѣмъ вобецъ и каждому зособна, кому бы о томъ вѣдати належало, теперь и на потомные часы будучимъ, ижъ мы за рознымъ и подступнымъ уданьемъ противниковъ единости светое, а меновите братства виленского новое церкви Светого Духа, а потомъ давныхъ здрадецъ и отступниковъ его милости отца митрополиты кіевского и всея Руси, зверхнего пастыра нашого, то есть одъ Варѳоломея Жашковского, бывшого протопопы и одъ Самойла Сенчила, бывшого архимандрита светое-

Троицы, виленскихъ, до отступства одъ владзы и зверхности пастыра нашого, а затымъ и до списовъ противко нему, нѣкоторые зъ насъ притяганы были, а то за таковымъ ихъ уданьемъ, якобы его милость отецъ митрополитъ и зъ другими помочниками своими мѣлъ за тою единостью съ костеломъ рымскимъ всю вѣру православную, одъ отцовъ светыхъ гроческое церкви намъ преданую, зъ кгрунту выворочати и церемонее старожитные церкви восточное одмѣняти и въ нивошто оборочати и насъ до незвыклыхъ речей примушати. Вшакже теперь достаточне и скутечне ся тому всему присмотрѣвши, ижъ тая ихъ повѣсть есть щирая потварь, изъ ненависти такъ противко особѣ власной его милости, яко тежъ противко той светой единости одъ нихъ змышленая, освѣдченье тое наше до вѣдомости всѣхъ православныхъ хрестьянъ подати умыслили. А затымъ обтяжливе ускаржаемося на тыхъ помененыхъ противниковъ, ижъ насъ въ спокойномъ житью нашомъ турбуютъ, людъ посполиты до розруховъ приводятъ, въ сумнѣнью тревогу великую чинятъ и до легкого уваженья зверхнихъ пастыровъ нашихъ доводятъ. А такъ, если ся што коли одъ нѣкоторыхъ зъ насъ противко зверхности пастыровъ нашихъ и тое светое единости дѣяло, какъ ни откуль, одно съ того уданья фальшивого, пошло, тогды яко за речь подступную и неважную одъ всѣхъ мѣти хочемо, и пана Бога просимо, абы тотъ неуважный нѣкоторыхъ зъ насъ поступокъ намъ за грихъ (яко въ невѣдомости пополненный) не былъ одъ него почитаный. Наконецъ шлюбуемо подъ обовязкомъ вѣчного проклятья статечне въ послушенствѣ зверхнихъ пастырей нашихъ, въ единости светой будучихъ, трвати и тое единости светое вшелякимъ способомъ боронити. Што все сумнѣньемъ нашимъ доброволне печатуючи, руками ся

своими подписуемо. Писанъ у Вилни дня двадцать пятого мѣсеца іюля року тисяча шестьсотъ девятого.

Собственноручныя подписи: Іосифъ Велиминъ Рутскій, архимандритъ виленскій светое живоначальное Троицы, рукою власною. Богданъ Бодкинскій, Клементей, архимандритъ городенскій, игуменъ браславскій, рукою; Софроній Велковичъ, архимандритъ Менскій, рукою власною; Захарей Стефановичъ, протопопа городенскій, рукою власною; іеремонахъ Іоасафъ Кунцевичъ, рукою власною; іеремонахъ Селивестръ, рукою своею; Александръ Львовъ, писаръ клиросу собору виленского, рукою своею; Максимъ Юрьевичъ, священникъ Воскресенія Христова города.... Григорей Олексѣевичъ Сула, священникъ жировицкій, рукою власною; Миколай Ивановичъ, протопопа царискій, рукою власною; Григорій, съ повѣту собепского зъ Лѣска священникъ, рукою власною; Иванъ Никитовичъ, протопопа торчинскій.... Тимоѳей Ивановичъ, протопопа любартовскій, рукою власною; Василей Андреевичъ, священникъ троецкій Марковскій, рука власная; Есифъ Уковичъ, священникъ бабицкій Богородицкій, рукою власною.... еродьяконъ, митрополитовскій.... рукою власною; Михаилъ, іеродіаконъ рукою власною; Генадій еродеаконъ, рукою власною; Генадѣй еродаконъ, рукою власною; Яковъ Гримошевичъ, священникъ Никольскій зъ Мозира, рукою власною; Кондратей Ивановичъ, священникъ, рукою власною; Игнатей инокъ, рукою власною; Ѳеодосій еродяконъ, рукою власною; Анастасей Селава инокъ, рукою власною; Макарей Годкинскій инокъ, рукою власною; Лар онъ Агеевичъ, протопопъ новогрудскій, рукою власною; Михаилъ Михайловскій..... и въ Менску презвитеръ, власною рукою; Гаврилъ Левковичъ, священникъ вознесенскій, рука власная; Константинъ Григорьевичъ, протопопа новогрудскій, власною рукою

Іоанъ Быстрицкій, троецкій Менскій, рукою власною; Макарей Ивановичъ, священникъ новогрудскій Ивановскій, власною рукою.

Писанъ на листъ. Ветхъ.

3.

Реестръ прихода и расхода денегъ чиншевыхъ, братскихъ и другихъ суммъ Пречистенскаго собора въ Вильнѣ. 1649 г.

Реестръ приходовъ церкви соборное виленское, въ року 1649 презъ мене Севестьяна Ѳеодоровича еклезіарху тое церкви одобранныхъ, также и расходовъ.

Лекгацые на священники соборовые теперь до часу на слуги церковные оберненые.

Генвара 11 взялемъ отъ велебнаго отца протопопы золотыхъ 12 и грош. 15, абы се заплатила решта за чверти прошлыя панамарови и Григоріеви дякови, которому тогожъ мѣсяца 15, далемъ копъ двѣ литовскихъ и панамарови тогожъ мѣсяца 31, далемъ копъ 2 литовскихъ водлугъ росказаня отца протопопы, на тотъ часъ на визытацыю священниковъ одъѣждзаючого.

Февраля 1-го дня жита зъ Детеля солянокъ 15, то есть бочокъ 10 привезено; бочекъ 4 продалемъ за готовые гроши но золотыхъ 8 на 32 зл., бочекъ шесть роздалемъ на торгъ но 9 злот. на 54, всего суммою учинить золотыхъ 86. При томъ житѣ дано 5 злот. Февраля 11 Сыкутовичъ швецъ далъ цыншу зъ дому своего (а мѣлъ отдати на Боже Нароженe) золот. 5. Септембрія 27 на святый Михалъ свято рымское, Шпаковскій далъ фруктификацыю отъ копъ 50 мунтушовскихъ злот. 12 гр. 14. Декабря 21, то есть на

Новое лѣто по новому, съ каменицы Солтановское дано зл. 20. Зъ дому Сыкутовича шевца за двѣ раты на святый Петръ и Божое Нарожене за грабежемъ дано 10 злот. Сумма приходу, опрочъ копъ пяти дякови и пономарови, золотыхъ 138 грошей 15.

Росходъ того приходу. Максимови спѣвакови отъ дня 15 генваря до дня таковогожъ въ рокъ зуполный зол. 45. Томужъ за недѣлъ двѣ до первого дня февраля грошей 50. Григоріеви дякови опрочь копъ двохъ, штомъ далъ отъ отца протопопы, за три чвертки по золотыхъ 8,—зол. 24, а за недѣлъ двѣ до первого Новембра зол. 1,—суммою учинить 25 зол. Отцу Дорофиевичови за спѣванье чверть цалую до 1-го дня февраля отъ перваго Новембра—зол. 10. Панамарови за рокъ зуполный на чверть платячи по коп. тры отъ перваго февраля до дня таковагожъ, опрочъ копъ трохъ, штомъ далъ одъ отца протопопы, зол. 30. Росходу учинить зол. 111 гр. 20. Решты зостаетъ зол. 26 гр. 25.

Приходъ зъ братства на воскъ, вино и ладанъ зол. 100, а отецъ протопопа одъѣждзаючи на вино надалъ зол. 1. Росходъ того приходу. Воску за рокъ цѣлый отъ дня 11 генваря до дня таковагожъ и свечами на рокъ прышлый позосталыми вышло камени два; за первый далемъ зол. 24, а за другій зол. 23,—учинить всего 47. Зъ недогарковъ, за лѣта прошлые позосталыхъ, по зданю отца протопопы перепустившы, досталемъ чверть воску. Одъ роботы воску того всего далемъ зол. 2 гр 15. Вина вышло за рокъ цѣлый и недѣль полшести отъ дня 20 генваря до 1-го марта въ року 1648 кгарцы 5 и 2 кварты, кгарнецъ по гр. 80 польск., учинитъ 15 зол. 10 гр. Ладану за рокъ и недѣлъ шесть вышло фунтовъ два и чверть, фунтъ по грошы 40 польск. учинить зол. 3. За евангеліе на папѣрѣ рекгаловымъ друкованое зъ интроликгаторемъ

далемъ зол. 15 гр. 6. Зъ Евангеліемъ росходу учинитъ зол. 83 и гр. 1. Решты зостаетъ 17 зол. 29 гр.

Приходы акцыденталные, а позвонное на три части дѣлится—до скрынки церковное, еклезіаршѣ и звонникомъ. Генваря 15 панамаръ далъ одъ отца протопопы зол. 3. Февралa 11 по шевцу Кляцѣ одъ звоновъ дано золотыхъ полторы, до скрынки 15 гр. Марца 2, кгды несли тѣло рѣзника якогось, за позвонъ дано 1 зол. до скрынки 10 гр. Марца 10 по Селявѣ райцы одъ звоновъ дано зол. 3 и гр. 2, до скрынки зол. 1 и гр. 1. Марца 14 по бурмистру Холявцѣ дано зол. 4, до скрынки 1 зол. 10 гр. Марца 18 по паней Глѣбовичевой дано зол. 6, до скрынки зол. 2. Апрѣля 4 одъ мѣйсца въ церкви по детяти Друрка въ недѣль 6, дано 1 зол. 20 гр. Апрѣля 19 по детяти млынаря за два разы дано зол. 2, до скрынки 20 гр. Мая 1 по паней Стенковичевой дано зол. 4, до скрынки 1 зол. 10 гр. Мая 19 одъ мѣйсца въ притворѣ Станислава пивовара дано 2 зол. 15 гр. Іюня 2 по Селисровскомъ дано полтора золотыхъ, до скрынки 15 гр. Іюня 12 по новому, кгды тогожъ несли тѣло, дано золотыхъ полтора, до скрынки 15 гр. Августа 9 по пану Петрѣ Рудоминѣ одъ разовъ шесть звоновъ зол. 10, до скрынки 3 зол. 10 гр. По Бурцевичу, кгды несли тѣло, дано гр. 17, отдалемъ звонникомъ. Приходу учинить зол. 18 гр. 11.

Росходъ. Въ року томъ же на нагробное зол. 3. Одъ замурованя окна въ олтару зол. 1. Сентемвра 7 отъ штуки побочное у олтаря одъ вѣтровъ стлучоное направованя 15 гр. На постронки и мазь до звоновъ розными часы зол. 1. На углѣ до церкви на зѣму 6 ар. Росходу учинитъ 5 зол. 21 гр. Решты зостаетъ 12 зол. 20 гр. Приходу всего сумою учинитъ 257 зол. 26 гр. Расходу сумою учинитъ 200 зол. 12 гр. Решты зостаетъ готовыми деньгами зол. 57 гр. 14.

Року 1650 іюня 21 дня, за волею и выразнымъ росказаньемъ въ Бозѣ превелебного его милости отца Антонія Селявы метрополиты слухалемъ личбы велебного отца Севастьяна Өедоровича еклезіархи церкви соборное виленское при велебныхъ отцахъ капитулы виленской. А же и приходы не болшые и расходы звычайные и церкви Божой потребные все, яко слушные, принято есть и руку мою подписалемъ. Подпись: Laurentius Kollenko Wolkowicz Or. S. Bas. M. ieromonachus.

Писанъ на двухъ листахъ in 8-о.

4.

Рѣшеніе королевскими комиссарами спора православныхъ съ уніятами г. Вильны о томъ, что православные незаконно избираются въ городскія должности. 1666 г.

Предъ нами—Христофоромъ на Бакштахъ Завишей, великимъ маршаломъ великаго княжества Литовскаго Христофоромъ Пацомъ, канцлеромъ великаго княжества Литовскаго, Кипріаномъ-Павломъ Бржостовскимъ, рефсрендаріемъ и писаромъ в. к. Л., Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ, маршаломъ оршанскимъ, комисарами его корол. м., засѣдающими въ судебной комиссіи, явились достопочтенный отецъ Маркіанъ Бялозоръ, виленскій архимандритъ св. Тройцы, а также и магистратъ русской лавицы, состоящій въ уніи съ римскимъ костеломъ, оберегая права и привиллегіи, данныя блаженной памяти великими князьями литовскими и королями польскими людямъ русской вѣры, состоящимъ въ уніи и по преимуществу пребывающимъ здѣсь въ столичномъ городѣ Вильнѣ, и заявили намъ, что люди русской вѣры, состоящіе въ

дизуніи, вопреки правамъ, обычаямъ и распоряженіямъ касательно избранія въ городскія должности, осмѣливаются разными способами вторгаться въ магистратъ и занимать городскія должности; какъ напримѣръ въ недавнее время, при послѣднихъ выборахъ бурмистра, благородный Прокопій Дороѳѣевичь, благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ, избранъ въ бурмистры, хотя достопочтенный о. архимандритъ противился тому и предъявлялъ два рескрипта его кор. м.,—первый слѣдующаго содержапія: Янъ Казимиръ и пр. Стефану Былинскому войту виленскому, секретарю нашему, а также благороднымъ и достопочтеннымъ бурмистрамъ, радцамъ, лавникамъ и всему магистрату нашего столичнаго города Вильны и др. Хотя мы не сомнѣваемся, что ваша милость при выборахъ въ городское управленіе пріобыкли дѣйствовать согласно съ постановленіемъ вашихъ предковъ и съ правами, данными имъ отъ насъ и отъ нашихъ предшественниковъ—покойныхъ королей; однако и мы обязаны внушать в. м., чтобы въ этомъ случаѣ поступали со всемозможною осторожностью — мы того желаемъ и требуемъ отъ васъ, и чтобы не смѣли принимать не унитовъ въ ратушу, а поступали бы согласно съ прежними порядками, бывшими при выборахъ, оберегая права и вольности, принадлежащія всему городу. Иначе поступать и по долгу нашему и въ угоду намъ вы не будете. Данъ въ Могилевѣ, 3-го Апрѣля 1664 года. Подписали: Янъ Казиміръ. Кипріанъ Павелъ Бржостовскій, референдарій и писарь великаго княжества Литовскаго. Содержаніе другаго рескрипта слѣдующее: „Янъ Казимиръ и проч. Стефану Былинскому и проч. (прежній адресъ). Не безъ великаго удивленія мы получаемъ предостереженія отъ достопочтеннѣйшаго ксендза бискупа виленскаго и отъ другихъ пановъ наше-

го совѣта и чиновниковъ, состоящихъ при насъ, что ваши милости, вопреки основнымъ законамъ, оставляете въ пренебреженіи свободы и вольности, данныя вамъ и всему городу нашими предшественниками и нами утвержденныя, нарушая эти права особенно при выборахъ въ магистратъ лицъ иновѣрныхъ, которыя незаконно и вопреки запрещенію стали наполнять лавицы. Въ самомъ дѣлѣ и насъ опечаливаетъ такой безпорядокъ и васъ предостерегаемъ, чтобы такимъ образомъ не повергали въ опасность и себя самихъ при свободномъ выборѣ въ магистратъ. Напоминаемъ в. м. и настоящимъ рескриптомъ обязываемъ, дабы отселѣ вы не смѣли пускать въ магистратъ какихъ бы то ни было диссидентовъ и не допускали ихъ въ число кандидатовъ, и держались бы законовъ, издревле данныхъ для выборовъ; а всѣ тѣ выборы, которые произведены съ нарушеніемъ и съ ниспроверженіемъ законовъ, вы должны объявить недѣствительными, и всѣ дѣйствія, незаконно при этомъ произведенныя, признать ошибочными. Иначе впредъ подъ страхомъ наказанія.... поступать не будете. Въ Варшввѣ 26 Сентября 1665 дня. Подписи. Когда же въ противность этимъ рескриптамъ Дороѳѣевичъ и виленскій магистратъ приступили къ выборамъ въ бурмистры, тогда упомянутые жалобщики просили и требовали, чтобы мы, признавъ незаконнымъ избраніе г. Дороѳѣевича, признали эти выборы недѣйствительными, и на будущее время опредѣлили, чтобы виленскій магистратъ не смѣлъ избирать и принимать православныхъ на какія бы то ни было городскія должности.

Съ противной стороны заговорили достопочтенный о. Даніилъ Дороѳѣевичъ, настоятель виленскаго св. Духовскаго монастыря и благородный Прокопій Дороѳѣевичъ, избранный бурмистръ, отъ своего име-

ни и отъ всѣхъ мѣщанъ виленскихъ православныхъ, ссылаясь на привиллегіи города Вильны особенно на привиллегію бл. памяти Казимира, данную въ Парчовѣ въ 1451 году, а также на пакты (договорныя грамоты) между обывателями Короны и великаго княжества Литовского греческой религіи, какъ находящимися въ уніи такъ и не унитами, заключенные при избраніи блаженной памяти Владислава короля и утвержденные конституціею 1635г., а также на древніе обычаи и практику сего города, по которымъ неуниты допущены къ пользованію магдебургскимъ правомъ, а равно—и всѣми вольностями, прерогативами и должностями—наравнѣ съ людьми вѣры католической. Почему и обжалованный нынѣ Дороѳѣевичъ шестнадцать лѣтъ уже состоитъ въ лавицѣ и магистратѣ и безъ всякаго прекословія доселѣ участвовалъ въ веденіи и утвержденіи дѣлъ магистратскихъ и въ послѣднее время, какъ человѣкъ оказавшій много услугъ городу, выбранъ на текущій годъ въ бурмистры. И такъ просили насъ, чтобы упомянтый Дороѳѣевичъ, выбранный бурмистръ, допущенъ былъ къ принесенію присяги на должность и къ засѣданіямъ на учиненномъ ему мѣстѣ и къ отправленію обязанностей бурмистра,—и чтобы всѣмъ людямъ греческой религіи, не состоящимъ въ уніи, открытъ былъ свободный доступъ въ магистратъ и къ должностямъ городскимъ.

Возражая на это, сторона исковая—господа уніяты съ достопочтеннымъ отцемъ архимандритомъ представляли, что на основаніи законовъ и привиллегій господа неуніаты не могутъ быть допущены къ отправленію должностей въ магистратѣ города Вильны; потому что всѣ городскія привиллегіи, данныя людямъ русской вѣры, относятся къ уніятамъ, а не къ неунитамъ, и даже привиллегія, данная въ Парчевѣ блаженной памяти королемъ Казиміромъ 1451 года,

въ которой упоминаются неуниты, не можетъ служить имъ опорой,—такъ какъ по намѣренію государя она дана была на увольненіе мѣщанъ виленскихъ отъ подводъ, а не на магдебургское право, и эта оговорка въ видѣ прибавленія (нечаянно) туда проскользнула, и допущенный случай, что неунитовъ взяли въ магистратъ, имъ не помогаетъ, поелику всякій разъ ихъ избирали съ условіемъ ихъ обращенія въ унію, какъ и господина Прокопія Дороѳѣевича приняли въ магистратъ и на лавицу на этомъ только условіи.

Наконецъ (уніяты) готовы были разными привиллегіями, декретами, рескриптами королей и великихъ князей литовскихъ и другими документами доказать, что преимущество исправленія магистратскихъ должностей въ Вильнѣ принадлежитъ только уніятамъ, и что неуниты исключаются изъ такихъ должностей; но поелику, по причинѣ нынѣшняго небезопаснаго положенія отъ враговъ внѣшнихъ, по волѣ и приказу пречестнаго отца митрополита нашего, архивъ съ другими вещами и съ указанными привиллегіями и правами, касающимися уніи, препровождены и вывезены въ болѣе безопасныя мѣста и подальше изъ княжества, такъ что скоро пріискать ихъ не могутъ; то просили насъ, чтобы мы дали законную отсрочку дѣлопроизводству по этимъ документамъ и привиллегіямъ,—а между тѣмъ, дабы избранный господинъ Дороѳѣевичъ удержанъ былъ отъ присяги и засѣданій въ бурмистровской должности—до рѣшенія тяжбы, поелику имѣются противъ него граматы короля, представленныя въ нашъ судъ. И такъ мы коммисары его к. м., выслушавъ споръ обѣихъ сторонъ, постановляемъ; такъ какъ магистратъ греческой вѣры, находящейся въ уніи и достопочтенный отецъ архимандритъ заявляютъ, что по причинѣ безпокойствъ, врагами причиненныхъ въ настоящее время всему

Великому Княжеству Литовскому и городу Вильнѣ, архивъ съ привиллегіями, опредѣленіями, относящимися къ рѣшаемому дѣлу, по распоряженію достопочтеннѣйшаго отца митрополита, препровожденъ изъ Троицкаго монастыря въ болѣе безопасное мѣсто, гдѣ эти документы и хранятся, такъ что они не могутъ воспользоваться ими на защиту своего дѣла, не имѣя ихъ подъ руками и просятъ, чтобы дѣло было отложено до времени, когда имъ можно будетъ воспользоваться привиллегіями,—то, дабы не судить ихъ безъ разсмотрѣнія ихъ правъ и безъ изслѣдованія дѣла ихъ,—позволяемъ имъ отложить это дѣло до будущаго засѣданія, которое имѣетъ быть при возобновленіи нашихъ судовъ, и отпускаемъ не нарушая ни въ чемъ правъ сторонъ. На этотъ срокъ обѣ стороны имѣютъ становиться со всѣми своими правами и привиллегіями—безъ всякаго особаго приглашенія. Что же касается избранія и присяги шляхетнаго Прокопія Дороѳѣевича на должность бурмистра на сей годъ, то, поелику рескриптами его к. м., предъявленными въ нашемъ судѣ вмѣнено магистрату, дабы онъ не смѣлъ принимать неунитовъ на лавицу русскую, мы, не дѣлая снисхожденіе познанію членовъ магистрата и не нарушая законовъ, обычая и привиллегій сторонъ, пунктъ о томъ, имѣетъ ли Дороѳѣевичъ, прежде рѣшенія дѣла, быть допущенъ магистратомъ къ принесенію присяги на должность бурмистра нынѣшняго года и будетъ ли онъ засѣдать въ качествѣ бурмистра—предоставляемъ рѣшенію его к. м., а между тѣмъ, чтобы не остановлено было судопроизводство, допускаемъ, чтобы магистратъ поступалъ во всемъ по обычаю доселѣ употребительному, по силѣ этого нашего декрета. Писанъ въ Вильнѣ года, мѣсяца и дня вышеприсаннаго.

II.

ВИЛЬНА ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

(по Брауну и другимъ источникамъ).

Въ виленской публичной библіотекѣ находится, между прочимъ, значительное собраніе географическихъ атласовъ и ландкартъ. Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ атласъ и описаніе городовъ: *Брауна*, — изданіе, составляющее библіографическую рѣдкость. Въ виленской библіотекѣ есть два изданія этого капитальнаго труда. Перваго изданія имѣются томы: I, II и III; втораго—томы: II, III и IV. Три тома перваго изданія заключаются въ одной книгѣ, второе изданіе—въ двухъ книгахъ, всѣ они in folio. На выходномъ листѣ перваго тома *), въ срединѣ, означено

*) На этомъ выходномъ листѣ находится рисунокъ весьма тщательной отдѣлки, вырѣзанный на мѣди. Рисунокъ представляетъ четырехъ-угольный пьедесталъ на широкомъ основаніи; посрединѣ пьедестала написано означенное выше заглавіе; на верху пьедестала изображена полная женщина съ обнаженною высокою грудью и обнаженными до локтя руками, въ правой рукѣ она держитъ ватерпасъ, а въ лѣвой циркуль и треугольникъ; подъ ея ногами, на пьедесталѣ, надпись: „*Ornament. orb. terr.*“ (*Ornamentum orbis terrarum*). По обѣимъ сторонамъ пьедестала, съ одного съ нимъ основанія, возвышаются двѣ четырехъсторонніа колонны съ орнаментами, на верху которыхъ лежитъ по шару, на одномъ шарѣ написано: „*Posterit*,“ на другомъ: „*consultum.*“ При одной колоннѣ стоитъ молодой человѣкъ въ сандаліяхъ, на головѣ у него глубоко надѣтый шлемъ съ развѣвающимися перьями, откуда выглядываетъ сова; въ правой рукѣ онъ держитъ длинное копье, а въ лѣвой щитъ съ изображеніемъ человѣческой головы, около шеи которой обвилась змѣя; у его

заглавіе: „Civitates Orbis terrarum". внизу: „Tomus primus." Мѣсто и время печатанія, какъ обыкновенно принято было въ изданіяхъ XV и XVI вѣка, обозначено въ концѣ сочиненія: „Coloniae Agrippinae apud Petrum a Brachel, Sumptibus avctorum. Anno reparatae Salutis humanae MDXXIII (1523), Mense Martii."

Изъ привиллегіи нѣмецкаго императора Максимиліана II, выданной въ 1576 г. и приложенной къ 1-му тому, видно, что изданіе цѣлаго сочиненія принадлежитъ Георгію Брауну и Франциску Гогенбергію. Браунъ былъ кельнскій житель и принадлежалъ къ духовному сословію. Въ предисловіи къ III-му тому онъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: „можетъ быть, найдутся люди, которые будутъ упрекать насъ за этотъ трудъ, за способъ изслѣдованій, основанный на наукахъ, которымъ мы посвятили себя, но пусть припомнятъ, что Іеронимъ, Исидоръ, Беда, Орозій... и многіе другіе, бывшіе также духовнаго званія, избрали предметомъ своихъ занятій исторію; я думаю, ихъ никто не станетъ укорять за это." Францискъ Гогенбергій былъ искусный и знаменитый рисовальщикъ и картографъ, его мастерскою рукою сдѣланы почти всѣ карты для атласа Ортелія, онъ же изготовилъ планы городовъ для атласа Брауна и вообще помогалъ ему въ этомъ изданіи.

Томъ II-й атласа озаглавленъ такъ: „De praecipuis totius universi urbibus liber secundus", тоже съ великолѣпнымъ рисункомъ *). Предисловіе къ этому тому помѣчено 1575

ногъ сидитъ сова, а подъ ногами надпись: „*Arcium inventrix*." У лѣвой колонны стоитъ пожилыхъ лѣтъ мужчина, полуодѣтый, босой, съ открытою головою, мускулистый; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ лошадиную челюсть, у ногъ его виднѣется большой пукъ злаковъ, подъ ногами надпись: „*oppidorum avctor*." Главное основаніе, на которомъ стоятъ колонны и пьедесталъ, украшено миніатюрами, изображающими первобытное состояніе и занятія людей.

*) На заглавномъ листѣ II тома изображена на пьедесталѣ „*Cybella sive Vesta*," какъ показываетъ надпись, въ правой рукѣ

годомъ. Время печатанія неизвѣстно. Въ концѣ II тома на 47 листѣ помѣщена Москва, за нею на л. 48 Гродна (Grodna), потомъ Римъ, Мантуа и проч.

III-й томъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Urbium praecipuarum totius mundi liber tertium.“ Тоже съ рисункомъ *). Послѣ предисловія читаемъ: „Coloniae Agrippinae MDLXXXI“ (1581 г.)

Второе изданіе не имѣетъ выходныхъ листовъ; на предисловіи ко II-му тому помѣченъ годъ 1575 также, какъ и при первомъ изданія, но мѣсто печатанія обозначено: Кельнъ и Антверпенъ. Послѣ предисловія къ III-му тому напечатано: Coloniae Agrippinae MDCVI (1606)

она держитъ два колоса, а лѣвою придерживаетъ лежащій на колѣнѣ кругъ, она помѣщается на сѣдалищѣ, висящемъ на канатахъ, прикрѣпленныхъ къ шеѣ двухъ львовъ; по правую сторону Сивиллы женщина съ крестомъ и съ книгою, а на книгѣ голубь, это—„*Religio*“; по лѣвую сторону—другая женщина съ книгою, свиткомъ и ключами въ правой рукѣ, а въ лѣвой держитъ трость, надпись показываетъ, что это „*Politia*.“ Миніатюры на основаніи пьедестала изображаютъ состояніе людей уже въ большей противъ перваго степени ихъ развитія.

*) По срединѣ страницы на пьедесталѣ стоитъ женщина съ устремленнымъ кверху взоромъ, въ правой рукѣ она держитъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы; у ногъ ея надпись „*Justitia*“ (правосудіе), выше надъ ея головою, изображена баранья голова, изо рта которой спадаютъ къ ногамъ юстиціи гирлянды цвѣтовъ. Съ обѣихъ сторонъ ея изображены женщины: съ правой стороны *Pax* (миръ), держитъ жезлъ обвитый двумя крылатыми змѣями, на головѣ у этой фигуры сидитъ филинъ. Пониже представлена другая женщина съ рогомъ изобилія, изъ котораго свѣшиваются гирлянды цвѣтовъ, при ней надпись: *Opulentia* (богатство), еще ниже третья женщина съ смиреннымъ взоромъ, она опирается на заступъ, при ней надпись: *communitas* (общность). Съ лѣвой стороны, сверху изображена женщина, которая держитъ въ одной чашѣ нѣсколько сосудовъ, при ней надпись: *concordia* (согласіе). Ниже ея стоитъ женщина съ какимъ-то четырехъ-угольникомъ подъ мышкой, при ней надпись: *obedientia* (повиновеніе). Еще пониже женщина вся въ цвѣтахъ съ подписью: *securitas* (попеченіе). Внизу, при основаніи, на которомъ стоитъ пьедесталъ, изображены двѣ фигуры, держащія цвѣты, а между ними миніатюра. Весь этотъ рисунокъ убранъ цвѣтами. Всѣ вообще рисунки изящно отдѣланы.

Томъ IV не имѣетъ выходнаго листа, не видно и года его выхода въ свѣтъ. Второе изданіе отличается отъ перваго тѣмъ, что во 2-мъ карты раскрашены, а въ 1-мъ не раскрашены, текстъ же и рисунки, сколько мы могли замѣтить изъ сличенія того и другаго изданія, одинаковы.

Атласъ Брауна составляетъ, какъ уже сказано, библіографическую рѣдкость: редакторъ такъ называемыхъ „Визерунковъ" Игнатій Шидловскій напрасно отыскивалъ этотъ атласъ довольно продолжительное время. Въ библіотекѣ виленскаго университета атласъ Брауна былъ, но безъ плана (карты) города Вильны; наконецъ Шидловскому удалось найти этотъ атласъ въ Щорсахъ, въ библіотекѣ Адама Литавора Хрептовича *). На атласѣ, принадлежащемъ виленской публичной библіотекѣ, на внутренней сторонѣ крышки I-го тома, написано: P. P. (т. е. Patrum) Bernard. (Bernardinorum) Vilnen. (Vilnensium). На другомъ изданіи, тоже на внутренней сторонѣ крышки III-го тома написано: „Dono oblatus ab ill. (illustrissimo) domino Makourecky Castellano Słonimensi in Bibliothecam Patrum ords. (ordinis) Minorum observantium Cntus (conventus) Słonimensis." Атласъ Брауна содержитъ въ себѣ подробныя и весьма интересныя описанія городовъ — топографическія и этнографическія; на одной сторонѣ полулиста помѣщается описаніе на латинскомъ языкѣ, на оборотѣ, на цѣлой сторонѣ листа, изображенъ городъ **); рисунокъ показываетъ вообще мѣстность города, рѣки, мосты, улицы и самыя зданія какъ общественныя, такъ и частныя. Зданія болѣе замѣчательныя намѣчены цифрами, а внизу плана, на старонѣмецкомъ языкѣ, напечатаны названія зданій. Изданіе это заключаетъ въ себѣ весьма большое собраніе горо-

---

75*) *Wizerunki*. Томъ 23/60 стр. 1, 2. Слич. томъ 22/58 стр. 64, по примѣч. 1.

**) Менѣе обширные города изображены на одномъ листѣ два.

довъ, составленное съ особенною тщательностію. Всѣхъ плановъ городовъ въ атласѣ Брауна, въ 4-хъ томахъ, считается 234 листа; въ 1-мъ томѣ 58 листовъ съ планами, во 2-мъ 59, въ 3-мъ 59, въ 4-мъ—58. Въ предисловіи ко II-му тому издятель говоритъ: „можетъ быть, въ своемъ изданіи мы опустили нѣкоторые города; пусть на насъ за это не посѣтуютъ, пусть знаютъ, что если мы какого либо города не помѣстили въ своемъ изданіи, это произошло не отъ невнимательности нашей и не отъ того, что мы жалѣли расходовъ на изданіе, нѣтъ; мы не помѣщали того, чего не знали. Пусть пришлютъ намъ свѣдѣнія о городѣ, нами опущенномъ, и мы помѣстимъ его или въ этомъ, а если угодно, то и въ I-мъ томѣ, или въ слѣдующемъ III-мъ.

Въ самомъ концѣ III-го тома помѣщена Вильна (карта 59) планъ или карта ея занимаетъ цѣлую сторону большаго листа, здѣсь изображены улицы, рѣки, сады, частныя и общественныя зданія, городской колодезь, лавки, множество домовъ и нѣсколько людей въ тогдашнихъ костюмахъ. На планѣ отмѣчены цифрами съ поясненіемъ внизу слѣдующія зданія:

1. Das hoche Slochs.
2. Däs Slochs.
3. Die Jonge Königinne haus.
4. Die Slochs Kirche.
5. S. Barbara Kirch.
6. Der Schatzmeister haus.
7. Der König Stall.
8. Der Lucerne.
9. Das Deutsch haus.
10. Das Trabanten haus.
11. Die Wersope.
12. Die Bernardiner Clost.
13. Die Cancelrie.
14. S. Johan Kirche.
15. Das Wyeweten haus.
16. Das Bischops haus.
17. Der Grichen Kirche.
18. Das Rathaus.
19. Das Moscoviten hoff.
20. Die Schwartze munche.
21. Das hospital.
22. Die Keur Kaste.
23. Die Slotgosse.
24. S. Johan gosse.
25. Der Kletken.
26. Kletkens dor.
27. Die dir garde.
28. Uber wasser. *)

*) 1. Высокій Замокъ.
2. Замокъ.
15. Воеводскій домъ.
16. Домъ бискупа.

На верху плана находится надпись: Wilna Lituaniae Metropolis. Планъ этотъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ было перепечатанъ въ уменшенномъ видѣ; такъ во 1-хъ онъ находится въ сочиненіи Андрея Целлярія «Regni Poloniae, magnique ducatus Litvaniae.... novissima descriptio. Amsterlodami. Anno 1659», и занимаетъ одну сторону $\frac{1}{6}$ части листа; на верху плана стоитъ надпись „Wilna", на томъ мѣстѣ, гдѣ изображена рѣка, напечатано: „Wilde flu." (т. е. fluvium); больше нѣтъ никакихъ надписей, объясненій. Во 2-хъ, издатель «Визерунковъ» Игнатій Шидловскій говоритъ *), что въ атласѣ Янсонія 1649 г. находилась подобная карта Вильны. Въ 3-хъ, нѣмецкій географъ Габріель Бондеръ (Bodenehr) во второй половинѣ XVII вѣка издалъ копію съ плана Вильны Брауна, уменьшивши его въ четыре раза, подъ заглавіемъ: Wilna, oder Wilda, die Haurt-Stadt in Lithaneu, съ очень краткимъ на поляхъ, описаніемъ и съ изъясненіеиъ нумеровъ. Въ 4-хъ, въ 1822 году ксендзъ Станиславъ Черскій, учитель виленской гимназіи, издалъ копію плана Вильны Бондера подъ заглавіемъ: Видъ древней Вильны съ краткимъ объясненіемъ. Въ 5-хъ, очень сходный съ Брауновымъ планъ Вильны находится при 1-мъ томѣ сочиннія Крашевскаго „Wilno", только въ уменьшенномъ видѣ и съ нѣкоторыми произвольными поясненіями.

---

3. Дворецъ молодой королевы.
4. Замковая церковь.
5. Церковь св. Варвары.
6. Домъ подскарбія.
7. Королевскія конюшни.
8. Люцерна.
9. Нѣмецкій домъ.
10. Домъ тѣлохранителей.
11. Версупа.
12. Бернардинскій монастырь.
13. Канцелярія.
14. Костелъ св. Яна.
17. Греческая церковь.
18. Ратуша.
19. Дворъ Московитовъ.
20. Черные монахи.
21. Госпиталь.
22. Монетный дворъ.
23. Замковая улица.
24. С. Яна улица.
25. Клетки.
26. Ворота къ клеткамъ.
27. Садъ.
28. Зарѣчье.

*) Томъ $^{24}/_{60}$ стр. 3, примѣч.

Въ объясненіяхъ къ плану Вильны Брауна, подъ № 5, какъ выше сказано, находится церковь Св. Варвары, между тѣмъ на планѣ Вильны совсѣмъ нѣтъ цифры 5; потому нельзя съ достовѣрностію сказать, какое именно зданіе на планѣ нужно считать церковію Св. Варвары. Можно полагать, что церковь эта находилась въ пространствѣ, занимаемомъ нѣкогда зданіями нижняго замка, гдѣ нынѣ ботаническій садъ и площадь каѳедральнаго костела, такъ какъ всѣ №№ отъ 2 до 10 обозначаютъ зданія, находившіяся именно въ этой чертѣ. Крашевскій на своей копіи съ атласа Брауна или можетъ быть съ атласа черскаго, обозначилъ 5 тамъ, гдѣ у Брауна на планѣ стоитъ 6; такимъ образомъ (казначейскій) подскарбія домъ счелъ у Крашевскаго церковью Св. Варвары.

№ 17. Греческая церковь, т. е. православная. Крашевскій говоритъ, что это церковъ Пятенка, т. е. Пятницкая. Объясненіе Крашевскаго ошибочно, потому что греческая церковь, что подъ № 17, на планѣ стоитъ на правой сторонѣ большой улицы, если идти отъ костела Св. Яна къ ратушѣ и не далеко отъ ратуши. Между тѣмъ извѣстно, что Пятницкая церковь находилась на противоположной сторонѣ, именно тамъ, гдѣ она и теперь находится. Церковь № 17, по всей вѣроятности, Воскресенская, которую изслѣдователи старины именно тамъ и указываютъ—на углу теперешней Стеклянной улицы, выходящей на ратушную площадь.

№ 20. Черные монахи—по всей вѣроятности, указывается на Свято-Троицкій монастырь. *)

№ 8 Люцерна—это большая, двухъ-этажная башня на западной сторонѣ нижняго замка. Кажется, это та башня, которая извѣстна была подъ именемъ „круглой замковой

*) № 20 на планѣ не обозначенъ, потому нельзя съ совершенною рѣшительностію указать, какое именно зданіе на планѣ вмѣщало въ себѣ чернецовъ.

башни“ (turris arcis rotunda), подъ этимъ именемъ она не разъ упоминается въ памятникахъ XV вѣка, не смотря на то, что она была восьмигранная, она же носила таинственно-страшное имя башни пана Твардовскаго, извѣстнаго чернокнижника и чародѣя; въ этой башнѣ онъ занимался, будто бы, чародѣйствомъ и вызываніемъ тѣней умершихъ, между прочимъ, вызывалъ тѣнь королевы Варвары для слабоумнаго мужа ея Сигизмунда Августа. Почему она названа люцерной—фонаремъ, на это нѣтъ указаній въ памятникахъ; полагаютъ, что она такъ названа потому, что въ верхнемъ этажѣ ея были со всѣхъ сторонъ окна, отъ чего она похожа была на фонарь, а можетъ быть и отъ того, что она освѣщалась ночью и на самомъ дѣлѣ была фонаремъ. *)

№ 25. Клетки, т. е. небольшія купеческія лавки. Въ копіи у Бодонера вмѣсто kletken, напечатано, вѣроятно по ошибкѣ, klenken. Ксендзъ Черскій въ планѣ Вильны это мѣсто назвалъ семинаріею рим.-кат. Kleriken), а Крашевскій, который отличался удивительною легкостію соображенія, замѣтя, что семинарія находится по плану совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, не стѣняясь, перенесъ № 25 въ другое мѣсто на планѣ и въ объясненіи тоже написалъ „семинарія“; но при этомъ произошла маленькая ошибка въ слѣдующемъ: на планѣ Крашевскаго помѣчено, что этотъ планъ составленъ около 1550 г., а римско-кат. семинарія, какъ извѣстно, основана въ 1582 г... Замѣтивши что значитъ „kletken“, мы не можемъ, подобно Черскому, и Крашевскому, „Kletkens dor“ № 26, считать Клецкими воротами, потому, что въ стѣнѣ окружавшей Вильну, древніе памятники не упоминаютъ о существованіи Клецкихъ воротъ. Поэтому названіе „Kletkens“ произвольно, кажется, давно городскимъ воротамъ отъ слова kletken. Такъ названные

---

*) *Wizerunki.* Томъ $^{24}/_{60}$ стр. 36—40.

ворота извѣстны были подъ именемъ „Вилейскихъ", какъ можно судить по указанію мѣста ихъ на планѣ Вильны. № 29—„Зарѣчье"—на планѣ показываетъ не на то мѣсто, которое теперь извѣстно подъ названіемъ Зарѣчья; а вѣрнѣе на то, гдѣ теперь „Снипишки".

Кромѣ того, въ концѣ улицы, ведущей отъ ратуши на востокъ, мимо русскаго гостиннаго двора, на планѣ написано „Die Deutsche dor" т. е. нѣмецкія ворота. Ворота эти прежде назывались Кревскими, потомъ Мѣдникскими, а потомъ, какъ и до сихъ поръ, называются Острыми. Почему у Брауна онѣ названы нѣмецкими—неизвѣстно. Вообще планъ Вильны нельзя считать безукоризненнымъ, особенно замѣчается недостатокъ геометрической точности въ расположеніи улицъ и въ соотношеніи между зданіями, замѣчается недостатокъ на планѣ важныхъ зданій города, какъ напр. церковь Св. Николая, церковь Св. Троицы, митрополитальный соборъ Пречистыя или Успенія Божіей Матери, несомнѣнно тогда существовавшія, не обозначены, равно и нѣкоторыя другія церкви, бывшія въ то время въ Вильнѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что особенно рельефно изображенъ нижній замокъ, онъ снятъ съ возвышенности съ замѣтною тщательностію. Для любителей и изслѣдователей старины это тѣмъ болѣе важно, что зданія нижняго замка нынѣ, какъ извѣстно, уже не существуютъ и ихъ можно видѣть только на этомъ планѣ.

Кромѣ плановъ городовъ, въ атласѣ Брауна, какъ выше замѣчено, находится предъ каждымъ изображеніемъ города и его описаніе, въ которомъ излагаются свѣдѣнія географическія и этнографическія, касающіяся не только города, но и цѣлаго государства, къ которому принадлежитъ городъ. Между многими очерками этого рода ближе всего къ намъ, разумѣется, описаніе Вильны, тѣмъ болѣе, что описаніе это одно изъ подробнѣйшихъ. Въ немъ

изображается топографія Литвы и столицы ея города Вильны, описаніе городскихъ улицъ, построекъ, храмовъ, дворцовъ, домовъ, домашней утвари и вообще цѣлой внутренности помѣщенія виленцевъ, говорится объ ихъ пищѣ, одеждѣ, обуви, сообщаются этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ Вильны (нравы ихъ изображаются мрачными чертами), описывается религіозное настроеніе жителей, религіозные ихъ обычаи и нѣкоторые обряды. Словомъ, обиліе и разнообразіе любопытныхъ свѣдѣній о Вильнѣ въ этомъ очеркѣ стоитъ вниманія.

Время составленія этого описанія можно опредѣлить, соображая историческія данныя и обстоятельства, изложенныя въ описаніи, и сопоставляя ихъ одни съ другими. Въ описаніи говорится о существовавшей въ то время въ Вильнѣ религіозной свободѣ, о дозволеніи послѣдователямъ разныхъ исповѣданій каждому слѣдовать своей вѣрѣ; извѣстно, что римскіе католики вообще отличались чрезмѣрною нетерпимостію къ послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій; а если была въ Вильнѣ вѣротерпимость въ прежнія времена, со времени появленія разныхъ сектъ, такъ это только отчасти во времени Сигизмунда Стараго или 1-го и въ первые годы правленія Литвою сына его Сигизмунда Августа, пока іезуиты не овладѣли слабымъ симъ государемъ. Въ описаніи ничего не упоминается о іезуитахъ въ Вильнѣ, стало быть, ихъ еще не было въ то время здѣсь. Исторія свидѣтельствуетъ, что іезуиты призваны въ Вильну въ 1569 г., по этому нужно полагать, что описаніе составлено до 1568 г., иначе въ немъ непремѣнно упоминалось бы объ іезуитахъ; составитель описанія, такъ подробно все изложившій, не могъ умолчать о такихъ дѣятеляхъ, какъ іезуиты. Въ описаніи говорится объ отличной отдѣлкѣ комнатъ въ дворцѣ нижняго замка. Извѣстно изъ свидѣтельствъ историческихъ, что отдѣлка нижня-

го замка окончена при Сигизмундѣ Августѣ*), въ первой половинѣ XVI вѣка. Къ этому времени и должно отнести составленіе описанія Вильны, помѣщенное у Брауна.

Чтобы составить понятіе, о томъ, насколько достовѣрны свѣдѣнія о Вильнѣ сообщаемыя въ описаніи Брауна, мы обратимъ вниманіе на одно мѣсто въ его предисловіи къ III-му тому атласа, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „что касается историческихъ свѣдѣній о городахъ, то онѣ заимствованы изъ древнихъ и новыхъ, достойныхъ полнѣйшаго вѣроятія, сочиненій извѣстныхъ ученѣйшихъ мужей и наконецъ изъ собственнаго нашего наблюденія.“ Далѣе говорится, что онъ пользовался знаменитѣйшею и драгоцѣннѣйшею библіотекою нѣкоего Франциска Думстроссія, собранною съ величайшимъ тщаніемъ и европейски извѣстною. Это внѣшніе признаки серьезнаго значенія и научнаго достоинства свѣдѣній, изложенныхъ въ атласѣ Брауна. Чтобы точнѣе оцѣнить свѣдѣнія о Вильнѣ, изложенныя въ этомъ атласѣ, нужно сличить ихъ съ свѣдѣніями, сообщаемыми о томъ же предметѣ другими писателями. Но прежде познакомимся съ тѣмъ, что говорится о Вильнѣ у Брауна.

ВИЛЬНА.

(переводъ съ латинскаго.)

„Вильна (Wilna) епископальный городъ Великаго Княжества Литовскаго, очень многолюдный и обширный. У мѣстныхъ жителей носитъ названіе Виленшки (Wilenszki) **) отъ рѣки того же имени, у нѣмцевъ по-просту называется

*) *Wizerunki*. Томъ 24/60 стр. 5.

**) У другихъ писателей это названіе пишется иначе, какъ напр. въ атласѣ Меркатора говорится такъ: *Wilna indigenis Wilensi*. (*Atlas minor Gerardi Mercatoris. Amsterdami 1634*, стр. 128). У Целларія читаемъ такъ: *Quam* (*Wilnam*) *indigenae Wiletzki aut Wilenski... vocant*. (*Regni Poloniae magnique ducatus Litvaniae... novissima descriptio... Amstelodami 1659*. Въ VI 12 дол. л., стр. 274).

die Wilde (Дикая). Означенная рѣка, получивши начало въ Литвѣ и соединившись съ Нѣманомъ, течетъ въ Пруское (Балтійское) море.

„Вильна огорожена стѣною и воротами, которыя никогда не запираются.

„Домы въ Вильнѣ вообще деревянные, тѣсные, отдѣльныхъ комнатъ, кухни, двора для скота при нихъ нѣтъ, хотя рабочаго скота и другихъ животныхъ есть много. Домы разбросаны и построены безъ порядка, исключая нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ городѣ улицъ, на которыхъ иностранцами, часто пріѣзжающими въ Вильну для торговли, построены отличныя, каменныя зданія. Зданіями этими украшаются улицы: нѣмецкая и дворцовая.

„Изъ княжескихъ дворцовъ въ Вильнѣ одинъ очень обширный, замѣчательный чистою отдѣлкою комнатъ; другой на горѣ замѣчателенъ башнями. При подошвѣ горы находится арсеналъ, въ которомъ можно видѣть не мало всякаго рода боевыхъ снарядовъ, хотя по всей Литвѣ нѣтъ ни одного рудника и не добывается ни какихъ металловъ.

„Въ Вильнѣ много храмовъ каменныхъ, а нѣкоторые деревянные. Послѣдователямъ различныхъ исповѣданій позволяется держаться каждому своего вѣроисповѣданія. Весьма хорошъ бернардинскій монастырь изъ тесанаго камня, отличающійся изящною архитектурой. Также весьма хорошъ дворъ русскихъ, на которомъ они складываютъ свои товары, привезенные изъ Московіи, именно: мѣха волчьи, лисьи, по преимуществу бѣлыхъ лисицъ, куницъ, соболей, горностаевъ, леопардовъ и другіе благородные мѣха того же рода.

„На городскихъ улицахъ въ разныхъ мѣстахъ есть водные источники для общественнаго употребленія горожанъ, всѣ они вытекаютъ изъ одного главнаго источника подлѣ нѣмецкихъ воротъ.

„Отдѣльныхъ городскихъ предмѣстій, съ особыми на-

званіями, какія бываютъ при городахъ хорошо устроенныхъ, Вильна не имѣетъ; она окружена однимъ сплошнымъ предмѣстьемъ, которое состоитъ изъ множества маленькихъ хижинъ, не красиво выстроенныхъ; улицы идутъ безъ порядка, какъ попало, какъ бы по грубой прихоти варваровъ. Съ разныхъ мѣстъ переносятъ сюда хижины и ставятъ въ безпорядкѣ, какъ попало; хижины эти отдѣлки грубой, срублены изъ сосноваго дерева.

„За воротами, которыя принадлежатъ королевскому замку, въ разстояніи полумили отъ Вильны, король Сигизмундъ для прогулокъ и отдыха отъ городскихъ занятій устроилъ королевскій домъ, впрочемъ весь деревянный съ рощицею и звѣринцемъ *). Въ этомъ звѣринцѣ содержатся всякаго рода звѣри, содержаніе ихъ стоитъ большихъ расходовъ. Мѣсто это въ просторѣчіи называется Вирсупа (Wersupa) т. е. близь водъ, съ которыми оно смежно.

„Виленскій народъ и тѣ, которые живутъ въ избенкахъ на предмѣстьи, грубы, необразованы, ни свободными науками, ни искусствами не занимаются и понятія объ этомъ не имѣютъ, занимаются убійствами, глупы, праздны и вялы, свободою не пользуются ни какой, но совершенные рабы; дворяне считаютъ ихъ за невольниковъ и, дивное дѣло, живя такимъ образомъ, повидимому, еще наслаждаются жизнію. Господъ своихъ очень любятъ, бываютъ имъ болѣе вѣрны и послушны въ такомъ случаѣ, когда господа хоршенько выругаютъ ихъ и крѣпко прибьютъ; а отъ тѣхъ господъ, которые ихъ не больно бьютъ, они убѣгаютъ, какъ отъ такихъ, которые не производятъ на нихъ вліянія добрыми обычаями, или какъ отъ такихъ, которые не благосклонны къ нимъ.

„Вина хотя не имѣютъ, а стаканами забавляются, медъ и пиво овладѣли ими. Отъ частаго употребленія ви-

*) Звѣринецъ устроенъ, какъ полагаютъ, Сигизмундомъ I-мъ. Крашевскій Вильно. стр. 289, томъ I.

на—горѣлки, луку и чесноку, въ курныхъ, постоянно наполненныхъ дымомъ домахъ своихъ (потому что домы ихъ совершенно безъ трубъ) они теряютъ зрѣніе, такъ что нигдѣ нѣтъ столько слѣпыхъ, какъ въ этомъ городѣ.

„Ни одного украшенія, ни одной дорогой вещицы въ домахъ у нихъ нѣтъ. Родители съ дѣтьми, съ рабочимъ скотомъ и другими животными располагаются вмѣстѣ въ одной теплой, грязной избѣ, при очагѣ; въ избѣ ужасная вонь и смрадъ; тутъ же жена родильница лежитъ на жостой скамьѣ, а на третій или на четвертый день, послѣ родовъ она уже должна отправлять весьма тяжелыя работы дома и внѣ дома.

„Никто въ цѣломъ городѣ не имѣетъ мягкой кровати, да и за порокъ считается мягко лежать. Много, много если болѣе богатые имѣютъ скамью, покрытую медвѣжьею шкурой. У самыхъ аристократовъ обстановка не лучше этой, тѣмъ только даютъ знать о своемъ благородномъ происхожденіи, кто выходятъ въ болѣе дорогой одеждѣ, увѣшанные и разукрашенные серебромъ и золотомъ. Горожане любятъ одѣвать своихъ женъ въ одежды яркихъ цвѣтовъ. У всѣхъ деревенскихъ жителей такой же самый дешевый вкусъ къ такимъ же цвѣтамъ.

„Въ этомъ обширномъ городѣ нѣтъ ни одной гостинницы, нѣтъ никакого пріюта для бѣдныхъ, гдѣ бы они могли воспользоваться милосердіемъ ближнихъ.

„Медомъ и виномъ—горѣлкою, или грубымъ пивомъ, опьяненные жители ссорятся, бранятся, жестоко дерутся между собою; если убьютъ чужестранца, то это не считается уголовнымъ преступленіемъ, платятъ за это только 16 талеровъ пени; а если убьютъ литовца и убійцѣ удастся убѣжать, то родственники и знакомые намащаютъ благовоніями трупъ убитаго, чтобы онъ могъ сохраниться и оставляютъ непогребеннымъ на тотъ конецъ, чтобы, если убѣжавшаго убійцу удастся схватить, представить бездуш-

ное тѣло убитаго, въ противномъ случаѣ убійца не подвергается смертной казни за свое злодѣяніе. Если случится похоронить убитаго прежде поимки убійцы, въ такомъ случаѣ убійство не считается уголовнымъ преступленіемъ и даже большой денежный штрафъ за него не налагается; а преступникъ наказывается только розгами.

„На предмѣстіи живутъ по большей части татары, земледѣльцы, извощики, переносчики тяжестей; услугами ихъ зимою пользуются купцы, которыхъ они только зимою перевозятъ въ повозкахъ въ сосѣднія мѣста. Въѣздъ и выѣздъ изъ этого города (Вильны) возможенъ не иначе, какъ зимою, отъ того, что вся Литва затоплена болотами и озерами и заросла боромъ; зимою же, когда болота и озера покроются толстымъ льдомъ и когда нападетъ снѣгъ, она становится проходимою, впрочемъ не по торнымъ и пробитымъ дорогамъ, ихъ нѣтъ, а кто сколько можетъ различить путь по звѣздамъ.

„Рабочій скотъ, трудами котораго пользуются жители, отличается такою же жестокостію, какъ и извощики. Жители питаются хлѣбомъ черным, невкуснымъ и чеснокомъ, вообще пищею самою дешевою; для сидѣнія выбираютъ скамью или камень и садятся на пыльномъ мѣстѣ.

„Животныхъ покрывалами не накрываютъ; утомленныя и покрытыя снѣгомъ, они прогоняются въ лѣсъ и тамъ копытами отрываютъсебѣ пищу, скрытую подъ снѣгомъ, прокладываютъ себѣ дорогу и выходъ.

„Извощики—татары отличаются вѣрностію вообще въ отношеніи къ купцамъ и даже къ иностранцамъ. Если не представятъ господамъ своимъ, у которыхъ они состоятъ въ услуженіи (quorum servi sunt), свидѣтельства о своей вѣрности и честности за подписью тѣхъ, которыхъ повезли, то ихъ все непремѣнно ожидаетъ висѣлица (?).

„Религію въ этомъ городѣ исповѣдуютъ особенную—удивительную. Литургію въ храмахъ слушаютъ съ боль-

шимъ благоговѣніемъ; священникъ, совершающій святыя тайны, находится за распростертою завѣсою, которая его закрываетъ и когда эта завѣса отодвигается, удивительно сказать, съ какимъ благоговѣніемъ предстоящіе не только въ грудь, но и въ лицо сокрушенно ударяютъ себя*). Тѣ, которые въ предшествующую ночь воспользовались брачными удовольствіями, законно или вопреки закону, на слѣдующій день по религіозному чувству не вступаютъ въ храмъ, но предстоя внѣ, на паперти, созерцаютъ жертвоприносящаго въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. И этотъ обычай исполняютъ съ такою строгостію, что въ религіи ихъ можно узнать нескромныхъ юношей и лишенныхъ невинности дѣвицъ.

„Въ другое время, часто совершаютъ молитвенныя стоянія и крестные ходы съ иконами святыхъ, преимущественно носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ они особенно почитаютъ и поклоняются имъ, а собирающійся во множествѣ народъ въ этихъ процессіяхъ несетъ на головѣ обувь свою или пару башмаковъ; этимъ онъ хочетъ показать самую глубокую свою рабскую подчинность господамъ своимъ.

„Простой народъ имѣетъ обувь дешевую, а тѣ, которые побогаче, украшенную золотомъ и шелкомъ. Когда отъ жестокаго рабства, въ которомъ они (простой народъ) впрочемъ не считаютъ себя бѣдствующими, избавляетъ ихъ смерть: то хорошо одѣтые и снабженные деньгами, какъ бы въ путь—дорогу, предаются погребенію съ письмами отъ знакомыхъ и отъ тѣхъ съ которыми хорошо жили, писанными къ Петру Апостолу. Въ письмахъ этихъ ихъ рекомендуютъ Петру, какъ небесному привратнику, чтобы

*) Здѣсь, безъ сомнѣнія, говорится о томъ благоговѣніи, съ какимъ предстоящіе осѣняютъ себя „крестнымъ знаменіемъ," когда отодвигается завѣса, что въ церкви при царскихъ вратахъ; эта завѣса очевидно указываетъ на то, что здѣсь говорится о литургіи, совершаемой въ православномъ храмѣ.

удобнѣе открыть умершимъ своимъ близкимъ доступъ къ небеснымъ радостямъ. Хотя они просвѣщены христіанскою религіею, но еще держатся этихъ и многихъ другихъ предразсудковъ; по этому неудивительно, если они въ прежнія времена поклонялись и почитали за пенатовъ—боговъ: змѣй, солнце, молотки (?) и огонь."

Въ этомъ описаніи обращаетъ на себя особенное вниманіе: 1, то мѣсто, гдѣ говорится о религіи жителей Вильны. Издатель атласа, самъ римскій католикъ, говоритъ, что въ Вильнѣ исповѣдуютъ религію особенную, удивительную, значитъ не ту, которую исповѣдывалъ онъ, иначе не назвалъ бы ее „удивительною." Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ описаніи говорится о православныхъ храмахъ и слѣдовательно о православныхъ богомольцахъ въ нихъ. Равнымъ образомъ не многія, но весьма ясныя указанія изъ описанія крестныхъ ходовъ, даютъ понять, что, говоря объ этомъ, авторъ имѣетъ въ виду православныхъ жителей Вильны: въ крестныхъ ходахъ, свидѣтельствуетъ онъ, они носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ особенно почитаютъ. Извѣстно, что римскіе католики изъ апостоловъ болѣе другихъ почитаютъ св. Петра, а не Павла. Исторія свидѣтельствуетъ, что православные жители Вильны особенно почитали Св. Николая Мvрликійскаго: самая древняя православная церковь въ Вильнѣ, воздвигнутая во имя святого Николая, а потомъ и другая во имя того же святителя, служатъ памятникомъ особаго почитанія православными св. Николая Мvрликійскаго: его православные считали покровителемъ Вильны, тогда какъ римскіе католики королевича Казиміра. Нельзя не обратить вниманія, что составитель описанія, говоря о томъ, что въ Вильнѣ существуютъ послѣдователи разныхъ религій, описываетъ религіозные обычаи православныхъ, оставляя безъ вниманія послѣдователей другихъ исповѣданій, конечно, потому, что сіи

послѣдніе составляли незначительное меньшинство между православными жителями Вильны. Напротивъ православные составляли большинство, какъ можно заключать изъ самаго описанія ихъ религіозныхъ молебствій и изъ того, что на эти молебствія они собирались во множествѣ. Что касается писемъ, которыя даютъ умершему родственники и пріятели его, по выраженію составителя описанія, будто бы, къ апостолу Петру, то этимъ авторъ ненамѣренно свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ римскій католикъ: по его понятію, если умершему кладутъ въ гробъ рукопись, то это ничто иное, какъ рекомендательное письмо къ апостолу Петру, чтобы онъ пропустилъ въ рай такъ какъ, одинъ только по понятію римско-католика, апостолъ Петръ исправляетъ должность небеснаго привратника при входѣ въ рай. Существующій доселѣ въ православной церкви обычай—класть съ умершимъ въ гробъ „вѣнчикъ" „разрѣшительную мокитву" ясно, кажется, даетъ понять, что составитель описанія замѣтилъ у православныхъ существовавшій, можетъ быть, еще въ то время подобный обычай, только не понялъ его значенія и объяснилъ его по своему. Извѣстно, что разрѣшительная молитва, которую кладутъ въ гробъ умершему, въ просторѣчіи называется „рукописаніе", не смотря на то, что она не рукописная, а печатная. Это названіе указываетъ на древность обычая класть покойнику разрѣшительную молитву.

2, Нельзя не обратить вниманія на чрезвычайно мрачныя черты, которыми изображается у Брауна состояніе простаго народа, низшаго класса жителей, населявшихъ предмѣстье Вильны. По свидѣтельству хроникъ и историковъ XVI вѣка, простой народъ—литовцы жили дѣйствительно бѣдно, избы строили себѣ низенькія, деревянныя, изъ круглыхъ, очищенныхъ отъ коры бревенъ, крыли ихъ соломой, драницей и древесною корою. Избы ихъ были курныя, дымъ выходилъ чрезъ двери или въ узкое окошко, отъ этого внутренность избы была закопчена. Но

для выпуска изъ избы дыму отъ лучины, употреблявшейся для освѣщенія, устроивалась труба изъ лубу, обмазаннаго глиной. Польскій историкъ XVI вѣка Гваньини, описывая жилища жмудиновъ, говоритъ: „простой народъ живетъ въ хатахъ малыхъ, низкихъ, продолговатыхъ, въ нихъ и вечеромъ и утромъ посрединѣ горитъ огонь такимъ способомъ, посреди избы виситъ отъ потолка труба, сдѣланная изъ лубу, обложеннаго глиной, при трубѣ виситъ желѣзо сдѣланное на подобіе рѣшетки, въ эту рѣшетку вкладываютъ одну за другою лучину для непрерывнаго освѣщенія хаты. Подъ рѣшеткой ставится корытцо съ водою, въ которое сверху падаютъ угли“ *).

Литовцы и жмудины устроивали свои хаты одинаково. При хатахъ у литовцевъ строились загоны для скота, а иногда скотъ помѣщался вмѣстѣ съ людьми въ одномъ жилищѣ. Такого рода жилища извѣстны подъ именемъ „нумовъ“, которые на Жмуди сохранились и доселѣ. О нихъ упоминаетъ Михелонъ, писавшій въ началѣ XVI в. *). Но обстоятельное описаніе ихъ находимъ въ статьѣ Діонисія Пашкевича. Мы коснемся этихъ нумовъ потому, что въ описаніи ихъ говорится объ образѣ жизни жмудиновъ, изображается внутренняя обстановка ихъ жилища; а извѣстно, что литовцы жили также, какъ жмудины. „Въ княжествѣ Жмудскомъ“, говоритъ Пашкевичъ, „во всѣхъ трехъ его уѣздахъ: Россіенскомъ, Шавельскомъ и Тельшевскомъ, особенно же около границъ Курляндіи и Пруссіи нашелъ я нѣсколько тысячъ (?) нумовъ: это строеніе отъ 10—15 саженей длиною, отъ 5—6 шириною, устроенное изъ круглыхъ бревенъ, крыша его утверждена на столбахъ, выстлана сперва еловой корой для безопа-

*) *Obraz Litwy* Ярошевича. Томъ I, стр. 87. Сравн. Учебно-историч. сборникъ по Русской Исторіи Добрякова, т. I, отд. I, С.Прб. 1865, стр. 92—93.

**) *De Moribus Litvanorum... Epitome fragm. v. p. 23. Basileae 1615 an.*

сности отъ огня, а сверху покрыта соломой. Оконъ нѣтъ, или иногда одно окно, двери съ обоихъ концовъ нума, изъ нихъ одна не такъ широкая для выхода людямъ, другая шире для загона скота и вывоза навоза; надъ дверьми небольшія оконца для выхода дыма и для свѣта, закрываемыя извнутри. По срединѣ нума выкопана широкая яма для огнища, имѣющая форму квадрата или круга, шириной въ три или четыре локтя въ разрѣзѣ и въ локоть глубиною. Въ этой ямѣ разводится огонь изъ сухихъ березовыхъ или ольховыхъ дровъ. По краямъ огнища накладены камни, заступающіе мѣсто лавокъ для живущихъ, которые въ холодное время расположившись около огня, производятъ здѣсь всѣ работы. Но какъ лѣтомъ жарко и чтобы не было также опасности отъ огня, вокругъ огнища, отступя три или четыре локтя, дѣлается въ формѣ четырехъ—угильника стѣна изъ бревенъ, досокъ или просто изъ плетня, но не выше, какъ въ полтора локтя, или уже много въ два, чтобы люди, работающіе и ходящіе вкругъ огня. могли видѣть скотъ, который стоитъ кругомъ, близъ стѣнъ строенія; пространство между огнемъ и мѣстомъ, гдѣ стоитъ скотъ, содержится въ чистотѣ, часто метется. Навѣсъ крыши всегда значительно выдается для того, что подъ нимъ складываются хозяйскія орудія: телѣги, сохи, бороны, а къ стѣнѣ нума иногда приставляются малые, трехстѣнные хлѣвки для свиней и домашней птицы. Однимъ словомъ, въ одномъ нумѣ часто помѣщалось все хозяйство. *).

Андрей Целларій въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: „Новѣйшее описаніе Царства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго", говоритъ, что „домики въ Вильнѣ, особенно на предмѣстьи дешевые, низкіе, деревянные, крытые сломою или драницею. Родители, дѣти и слуги

---

*) Варшавскій дневникъ 1829 годъ. Январь № 44. Слич. цитован. Сборникъ Добрякова стр. 93.

находятся вмѣстѣ со скотомъ" 1). Сожительство съ животными и курныя, дымныя хаты, равно какъ и особаго роду литовцевъ, не у одного Брауна считаются причиною вредно дѣйствовавшею на ихъ зрѣніе. Целлярій говоритъ: что „въ Вильнѣ не мало есть слѣпыхъ, причину слѣпоты приписываютъ курнымъ избамъ, также употребленію луку и чесноку, равно какъ грубаго пива и горѣлки" 2). Вообще въ пищѣ литовцы были очень не взыскательны. Гваньини говоритъ, что литовцы употребляли хлѣбъ самый простой и грубый, на половину съ мякиной 3).

Простой народъ находится въ безусловной зависимости отъ пановъ, обращеніе ихъ съ подданными своими было вообще грубое и жестокое; разсердившись на мужика, панъ отбиралъ у него все, что можно было взять, такъ что у мужика не оставалось ни скота, ни хлѣба, ни пищи, ни одежды. Объ этомъ находимъ свидѣтельство у Гваньини: „Простой народъ на Жмуди и Литвѣ", говоритъ онъ 4), „терпитъ большое преслѣдованіе отъ богатѣйшихъ, когда панъ разгнѣвается за что нибудь на подданнаго, оберетъ его, изобьетъ, иногда отберетъ у него всѣ съѣстные припасы, такъ что мужичокъ съ женою, съ дѣтьми не имѣетъ въ ротъ что положить. Крестьяне каждый день отправляютъ тяжелую работу. Когда крестьянину нужно пойти зачѣмъ нибудь къ пану, то безъ подарка и не приступай; а если и дойдетъ до пана, то панъ отсылаетъ его къ управляющему и всюду дай у пановъ, потому что у нихъ каждое слово золото. Пять дней работаютъ на

1) *Regni Poloniae magnique ducatus Litvaniae novissimo descript o*, стр. 281.
2) Тамже.
3) *Chron. Sarm. evrop.* Толков. Пашковск., кн. V, ч. III, стр. 28—29.
4) Тамже. См. также: *Geographiae universae tum veteris, tum novae absolutissimum opus... Actore Jo. Aut. Magino Patavino. Venetiis an. 1596*, стр. 153.

пана, а шестой—понедѣльникъ на себя, никогда и въ воскресенье праздные не бываютъ: въ деревнѣ совсѣмъ не празднуютъ, работаютъ, что случится: пашутъ, жнутъ, молотятъ, сѣютъ, боронуютъ, косятъ и всякаго рода другія отправляютъ работы. Если спросить кого нибудь, для чего онъ въ праздникъ работаетъ, онъ отвѣтитъ: „а развѣ въ праздникъ не нужно ѣсть?"

Отъ такого грубаго обращенія, отъ такого безсудія, угнетенія и бѣдности, народъ не отличался мягкимъ характеромъ, не имѣлъ отъ кого научиться хорошему обращенію и добрымъ нравамъ. Андрей Целлярій говоритъ: „Литовскій народъ глупъ, жестокъ и лѣнивъ" 2). Мартинъ Зейлеръ въ описаніи Польши и Литвы, 3) изд. 1674 г., говоритъ: „простой литовскій народъ глупъ и лѣнивъ, господъ своихъ любитъ только тогда, когда они его больше бьютъ." Эта же пародоксальная мысль находится и у Андрея Целлярія. 4). Писатель первый высказавшій ее и потомъ за нимъ повторявшіе доказали тѣмъ, что они не возвышались въ гуманности и благородствѣ обращенія надъ тѣми, которые жестоко обращались съ своими подчиненными, что они не знали другихъ средствъ обращенія съ простымъ народомъ, для удержанія его въ покорности, кромѣ побоевъ.

3. наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о русскомъ гостиномъ дворѣ (Das Moscoviten Hoff). На этомъ дворѣ, по завѣренію древнихъ историческихъ свидѣтельствъ, производилась весьма обширная торговля самыми разнообразными и драгоцѣнными мѣхами между русскими и иностранными купцами.

Русскій гостинный дворъ основанъ въ Вильнѣ еще въ XIII столѣтіи. Въ 1366 году дворъ этотъ былъ истреб-

1) Цитован. прежде сочин. стр. 280.
2) *Micler*. Томъ II, стр. 11.
3) Цитован. прежде сочин. стр. 280.

ленъ пожаромъ. Но торговая дѣятельность русскихъ въ Вильнѣ была на столько значительна, что не могла прекратиться отъ этого несчастія, затрачены вновь деньги и въ 1375 г. готовъ былъ новый великолѣпный русскій гостиный дворъ *). Кромѣ общаго, русскаго торговаго двора въ Вильнѣ, былъ еще гостинный дворъ купцовъ Новогородскихъ и ихъ склады товаровъ; предпріимчивые новогородскіе купцы вели значительные торговые обороты съ литовцами и такъ вовлекли ихъ въ торговлю, что главные сношенія торговыя литовцы имѣли съ новогородцами. Но еще болѣе усилилась торговая дѣятельность русскихъ и вообще виленскихъ купцовъ, когда въ 1380 году была очищена и сдѣлана судоходною рѣка Вилія. Въ XV и XVI стол. русскіе купцы въ Вильнѣ и иностранцы сплавляли по рѣкѣ Виліи свои товары и видно, что эти обороты были выгодны: въ 1589 году Вилія была вновь очищена средствами виленскихъ купцовъ, Въ 1606 году еще разъ сдѣлана была очистка ея на счетъ правительства. Въ XVI стол. торговля русскихъ въ Вильнѣ описывается иностранцами какъ самая дѣятельная и весьма значительная, гостинный дворъ русскій непремѣнно обращалъ на себя вниманіе; такъ нѣмецкій писатель XVI в. Вюллихій въ комментаріяхъ своихъ на Корнелія Тацита, говоритъ, что въ бытность свою въ Вильнѣ, онъ видѣлъ русскій торговый дворъ—огромное, великолѣпное зданіе, нарочно для этого выстроенное, въ которомъ каждый день, *кромѣ воскресенья*, продаются мѣха различной величины и достоинства, на разныя цѣны. Нѣмецъ весьма пораженъ былъ этимъ и со-

---

*) Русскій гостиный дворъ находился близъ Свято-Троицкаго монастыря, на одной съ нимъ сторонѣ. Отъ монастыря отдѣляла его улица, которая теперь не существуетъ, (она шла параллельно теперешнему милліонному переулку, котораго тогда не было). Гостинный дворъ занималъ, приблизительно, то мѣсто, гдѣ теперь домъ Янучкова, милліонный переулокъ и далѣе по линіи къ ратушѣ.

знался, что онъ не можетъ надивиться богатству и разнообразію мѣховъ на русскомъ гостинномъ дворѣ. Правда, говоритъ онъ, подобные мѣха можно видѣть въ Люблинѣ, въ Познани, въ Краковѣ, въ Данцигѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Торуни, но не иначе, какъ только на извѣстныхъ ярмаркахъ. Онъ полагаетъ, что безъ сомнѣнія, для торговли съ русскими, стали селиться въ Вильнѣ нѣмцы и заняли цѣлую улицу, которая называется нѣмецкою *).

И такъ, изъ сличенія описанія Вильны, помѣщеннаго у Брауна, съ другими писателями о томъ же предметѣ, оказывается, что свѣдѣнія, изложенныя въ немъ въ общихъ и главныхъ чертахъ, согласны съ тѣмъ, что говорятъ о Вильнѣ другіе иностранные писатели того же времени. Слѣдовательно описаніе это имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство иностранца, который однако близко былъ знакомъ съ тѣмъ, что описывалъ.

С. Преображенскій.

Вил. Сбор.

О СОЗДАНІИ КІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. КИРИЛЛА.

Въ прошломъ іюнѣ, будучи въ Кіевѣ, я посѣтилъ давно невидѣнную мною бывшую кирилловскую обитель.

От Маріи княгини древле устроенну,
Константиномъ Острожскимъ княземъ обновленну.

Такъ о ней сказано 1765 года, въ стихотворной надписи, къ образу святителя Димитрія Ростовскаго, бывшаго здѣсь постириженцемъ и игуменомъ. Вспомянулись мнѣ на дняхъ эти два стиха—и мнѣ приходило на мысль, что если бы сдѣлать къ нимъ еще хоть такую прибавку:

А...... благоупраздненну,
И въ умалишенныхъ домъ вскорѣ обращенну—

---

*) *In Cornelii Taciti, equitis Romani, Germaniam commentaria. Autore D. Jodoco Wuillichio Reselliano, Francoforti ad Wiadrum. An. 1551.* Въ 8 р. 5.

тогда вышло бы краткое изображенie всей исторической судьбы нѣкогда знаменитаго и богатаго монастыря Кирилловскаго.

Но кто же была та *княгиня Марія,* создавшая эту прекрасную церковь, до нынѣ уцѣлѣвшую съ своими древними фресками, къ сожалѣнію, еще нераскрытыми?—Современныя извѣстія о княгинѣ сохранились въ древней кіевской лѣтописи; а ея имя, Марія, находится въ южнорусскихъ писаніяхъ 17-го вѣка. Такъ въ *Старомъ Лѣтописцѣ* сказано, „Княгиня *Марія Всеволодовая* того року (*1179*) умерла, будучи схимницею, въ монастыру Кирилскомъ кіевскомъ и погребена есть въ церкви святого Кирила, которую сама она змуровала... „Должно быть и наша кіевская княгиня Всеволожая приняла имя Маріи вмѣстѣ съ схимою, также какъ приняла его суздальская княгиня Всеволожая въ 1260 году. Но вотъ удивительное дѣло: создательница Кирилловской церкви—для всѣхъ кіево-описателей, бывшихъ и нынѣшнихъ, осталась неузнанною, во мглѣ неудомѣній". И вотъ уже почти два столѣтія—только безъ пяти лѣтъ—продолжаетъ эта историческая мгла, наведенная Кіевскимъ Синопсомъ... Попытаемся-же разогнать ее—критическимъ обозрѣніемъ всѣхъ бывшихъ подъ нею мнѣній, недоумѣній и толковъ:

„*И истина* должна открыться"

Основаніемъ нашего знанія о древнемъ бытіи Кирилловскаго монастыря служатъ три упоминанія о немъ кіевской лѣтописи во второй половинѣ 12-го вѣка, а именно: въ 1171, 1179 и 1194-мъ годахъ. Посмотримъ на каждое изъ нихъ.

Вотъ *первое* упоминаніе, *1171 года*: „Сняшася братья Вышегородѣ и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кюриломъ". Отсюда видно, что Кириловскій монастырь былъ уже въ томъ году.

Второе и главное упоминаніе, подъ *1179-мъ годомъ,* заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Въ тоже лѣто приведе Святославъ за Всеволода, за середняго сына, жену изъ Ляховъ Казимѣрну, во Филипово говѣнье... Тогоже лѣта преставися княгини Всеволожая, пріемше на ея черньчьскую скиму, и положена бысть въ Кіевѣ у святаго Кирила, юже бѣ сама создала".

Для тоговременнаго кіянина это было совершенно ясно; но въ 17-мъ столѣтіи возникло разномысліе, новобрачная ли Казимировна умерла въ томъ году, или же тутъ записаны извѣстія о двухъ княгиняхъ—о бракѣ молодой невѣстки Святослава и о кончинѣ престарѣлой матери его, которыя обѣ, по имени ихъ мужей, были *Всеволожи* или *Всеволодовы?* Отсюда произошли два разныя толкованія: одно, принадлежащее сочинителю *Кіевскаго Синопсиса;* другое—составителю *Хроники,* названной *Густынскою.* Первое мнѣніе пошло въ ходъ и скоро стало господствующимъ по необычайному успѣху Синопсиса, двадцать пять разъ напечатаннаго (съ *1674* до *1836* г.) А второе мнѣніе оставалось въ забвеніи до изданія въ свѣтъ густынской хроники въ *1843*-мъ году. Но толкованіе синопсисное превозмогаетъ его и нынѣ, у новыхъ кіевоописателей. Вотъ оно.

„Въ лѣто отъ созданія міра 6686, отъ Р. Х 1172, преставився благовѣрная княгиня Марія, жена князя Всеволода Святославича, а дщи короля польскаго Казиміра, совершенна инокиня сущи, и погребена бысть въ церкви святыя живоначальныя Троица, идежде и предѣлъ святаго Кирилла, въ Кіевѣ: юже церковь и манастырь нынѣ зовомый Кирилскій, сама построила»

Здѣсь прежде всего бросается вь глаза *1172* годъ, поставленный ошибочно вмѣсто 1178-го, какъ это видно по 6686-му году отъ сотворенія міра. А между тѣмъ этотъ ошибочный *1172-й* годъ (по которому кончина Казиміровны пришлась бы семью годами прежде ея замужества) печатался во всѣхъ изданіяхъ синопсиса и былъ принятъ даже иринеемъ Фальковскимъ, въ его „Кіевскомъ мѣсяцословѣ" 1799 года. Но главное и существенное во мнѣніи синопсиса то, что строительницею кирилловскаго монастыря признана *Марія Казиміровна,* ставшая женою Всеволода Святославича—1179 года, въ филипово говѣнье (т. е. на заговѣны передъ филиповымъ постомъ).

Сходно съ синопсисомъ уразумѣлъ сказаніе кіевской лѣтописи и Татищевъ, признавъ кончину новобрачной Казиміровны въ *1179-мъ* году: но онъ, имѣя въ виду рожденіе отъ нея князя Михаила, придумалъ двѣ подробности: день смерти ея и причину болѣзни, и написалъ такъ: „Преставися княгиня Марія Казиміровна, супруга Всеволода Свя-

тославича, постригшися въ болѣзни въ схиму, *августа 6 дня,* и положена въ церкви св. Кирилла, которую сама создала. Болѣзнь же ея приключися отъ тяжкаго рожденія сына Михаила, который по ней остался" (Ист. т. III, стр. 234). Но въ примѣчаніи 526-мъ говоритъ онъ вотъ что: „Здѣсь бракъ и кончина въ одномъ году пришло, чему видится для построенія церкви и ея перемѣнности совершенной быть нельзя".

На эту же несообразность, чтобы Казиміровна въ одинъ и тотъ же годъ вышла за-мужъ, приняла схиму и построила каменную церковь, указывалъ и Карамзинъ (Ист. т. III, прим. 90). Противъ этого г. Закревскій говорилъ такъ: „Все это могло совершиться очень естественно въ одинъ годъ, хотя исторіографъ и удивляется". (См. стр. 127 въ изд. 1858 г.). Но г. Крыжановскій, въ своей замѣчательной статьѣ о Кирилловскомъ монастырѣ, и напечатанной въ „Кіевскихъ епархіальныхъѣ вдомостяхъ 1863 года, показалъ до очевидности, что Марія Казиміровна не могла быть строительницею Кирилловской церкви. Онъ говоритъ: „Годъ начинался тогда съ марта; значитъ, Марія жила въ Кіевѣ не болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ (половину ноября, декабря, генварь и февраль). Въ это короткое и притомъ зимнее время нельзя построить большой каменной церкви. Но свидѣтельство это опровергаетъ и таже самая лѣтопись (*т. е. Кіевская или такъ-называемая Ипатьевская*), именно тѣмъ, что упоминаетъ о Кирилловскомъ монастырѣ, какъ уже существующемъ, подъ *1171-мъ* годомъ, восьмю годами прежде Маріи". Вотъ это послѣднее указаніе здѣсь весьма важно и вполнѣ убѣдительно. А преждевременная смерть новобрачной Казиміровны была только мнимая смерть приписанная ей Кіевскимъ Синопсисомъ также напрасно, какъ и построеніе кирилловской церкви. Если бы Казиміровна въ самомъ дѣлѣ умерла такъ скоро послѣ своего брака, то не могла бы она быть матерью св. Михаила Черниговскаго. Ясное дѣло, что въ концѣ того мартовскаго *1179-мъ* года умерла не она, а та *княгиня Всеволожая,* которая построила Кирилловскую церковь еще *до 1171* года. По этому напрасно было и Татищеву придумывать *6-е августа,* отлагая мнимую кончину Казиміровны на девятый мѣсяцъ ея замужества.

Прочтемъ теперь сказаніе густынской хроники: „Въ тожъ лѣто Святославъ Всеволодовичь кіевскій поятъ за сына своего сердняго Всеволода дщерь короля полского Казимера второго, реченного Справедливого... Въ тоже лѣто преставися благовѣрная княгиня *Марія Всеволодовая мати Святославля,* дщи Казимера польского Мниха, иже пострижеся въ схиму и положена бысть въ церквѣ святаго Кирила, юже сама создала бѣ“.

Вотъ это вѣрное разумѣніе древлекіевскаго сказанія: скончалась не новобрачная невѣстка Святослава, а его мать вдовствующая княгиня Всоволожая, создавшая Кирилловскую церковь. Но къ сожалѣнію, и въ сказаніе густынской хроники вкралась большая ошибка, именно та, что княгиня Марія Всеволодовая, мати Святославля—названа также Казиміровною, дочерью Казиміра-Мниха! Составитель хроники не взялъ въ соображеніе того, что этотъ польскій король, современникъ и зять Ярослава 1-го умеръ вскорѣ послѣ него, именно, 28 ноября *1058* года. Какъ-же могла дочь его быть женою Ярославова правнука, Всеволода Ольговича, и родить ему втораго сына Ярослава въ *1140-мъ* году и дожить до *1179-го?* .. Выбростье эту напрасную прибавку: „дщи Казимера-Мниха“, и въ словахъ густынской хроники останется чистая историческая истина.

Теперь посмотримъ на *третье* упоминаніе кіевской лѣтописи о Кирилловскомъ монастырѣ, подъ *1194-мъ* годомъ. Говоря подробно о послѣднихъ дняхъ Святослава Всеволодовича, лѣтописатель сказалъ наконецъ: „И веля ея постричи въ черньци, и посла по свята Рюрика и преставися мѣся а іуля, и положиша и во святѣмъ Кюрилѣ, во отнѣ ему монастырѣ“.

Какъ-же это: за 15 лѣтъ выше въ лѣтописи сказано положительно, что монастырь и церковь св. Кирилла *создала* княгиня Всеволожая, мать Святослава; а здѣсь монастырь названъ *отнимъ?* Должно быть такъ, что это слово поставлено здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ *отцевскаго,* а въ общемъ значеніи *родительскаго*. Такъ разумѣлъ и составитель густынской хроники, а для большей ясности и во избѣжаніе противорѣчія, онъ передалъ древлекіевское извѣстіе въ слѣдующихъ словахъ: „Въ сіе же лѣто розболѣся Святославъ кіевскій, и постригся во иночество, пре-

ставися іюля, и положенъ бысть во церкви святаго Кирила, *юже мати его созда*.

Но еще гораздо прежде въ лѣтописи суздальской, гдѣ совсѣмъ пропущены упоминанія о двухъ княгиняхъ 1179 года, и всѣ подробности о заболѣвшемъ Святославѣ, сказано о немъ такъ: „Того же лѣта 1195 преставися князь кіевскій Святославъ и положенъ бысть въ монастыри въ церкви святаго Кирила, *юже бѣ создалъ отецъ его*". Такимъ образомъ здѣсь—отъ перемѣны прилагательнаго имени *отчій*, принятаго въ буквальномъ смыслѣ, на существительное имя *отецъ*—строителемъ Кирилловскаго монастыря и церкви становится князь *Всеволодъ Ольговичъ*. Но это противорѣчитъ прямому и положительному сказанію кіевской лѣтописи о созданіи той церкви *княгинею Всеволожею*. Кому же ближе было знать это, и кому намъ вѣрить? безъ сомнѣнія, древнему лѣтописателю кіевскому, а не отдаленному отъ Кіева суздальцу, который тамъ же (подъ 1195 годомъ и преемство кіевскаго княженія Рюрикомъ послѣ Святослава записалъ по-своему, совсѣмъ не такъ, какъ оно было по сказанію кіевской лѣтописи.

(Рюрикъ, находившійся тогда въ своемъ Овручѣ, призванъ былъ въ Кіевъ еще умирающимъ Святославомъ; встрѣченный и принятый радостно всѣми кіянами, онъ сидѣлъ уже на отнемъ столѣ кіевскомъ, когда не дошла еще, вѣроятно, до Суздаля и самая вѣсть о кончинѣ Святослава. А лѣтописецъ суздальскій говоритъ: „И посла великій князь Всеволодъ (Юрьевичь) мужи свои въ Кіевъ, и посади въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича").

Но что же сказалъ Кіевскій Синопсисъ о погребеніи Святослава Всеволодовича? Сославшись на Стрыйковскаго, онъ говоритъ: „Преставися и погребенъ бысть въ церквѣ святаго Кирила *Черниговской*, року 1198". Печальное извѣстіе! Изъ него видно, что на Святослава кіевскаго перенесена кончина меньшаго брата его Ярвслава, княжившаго въ *Черниговѣ* и тамъ погребеннаго въ 1198 году... Такъ-то и погребеніе княгини Всеволодовой въ созданной ею церкви перенесено въ Синопсисѣ на молодую жену ея внука, Всеволода Святославича Чермнаго.

Но вотъ, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, заговорили въ Кіевѣ о другой строительницѣ Кирилловъ-

ской церкви, о *Маріи Всеволодовнѣ*—и синопсисная рѣчь о Маріи Казиміровнѣ на полвѣка притихла.

„Построена, по мнѣнію нѣкоторыхъ, княжною кіевскою, королевою польскою Маріею, дщерію великаго князя Всеволода Ярославича, внукою (!) святого князя Владиміра, въ 1160 году“.

Такъ напечатано въ „Краткомъ историческомъ описаніи кіевопечерскія лавры, которое неоднократно издаваемо было съ 1791-го года по 1817. (Смт. тамъ прибавленіе: Достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ“). Сочинителемъ этой книги былъ митрополитъ Самуилъ Миславскій († 1796 г.); а лѣтъ за тридцать я слышалъ отъ старыхъ лаврянъ, что въ сочиненіи его участвовалъ и Ѳеофанъ Шіяновъ, будучи лаврскимъ типографомъ. Не случилось мнѣ узнать, кто эти „нѣкоторые“, бывшіе первоначальниками такого мнѣнія; но тѣже самыя слова встрѣчались мнѣ и въ 4-й книгѣ Географическаго Словаря, изданной 1804 года Щекатовымъ.

Имѣя въ виду годъ построенія 1160-й, невольно усомнишься, чтобы та королева Марія была дочь Всеволода Ярославича. Извѣстныя три дочери его—блаженная Янка, Ирина или Екатерина и Евпраксія—скончались еще во время Нестора и помянуты въ его лѣтописи. И за какимъ же королемъ польскимъ была она?...

Берлинскій, въ своемъ „Краткомъ описаніи Кіева“ 1820 г., такъ говоритъ: „основаніе монастыря приписывается еще въ 12 столѣтіи, супругѣ короля *Казиміра* Маріи, дочери Всеволода I Ярославича“. (Стр. 116).

Здѣсь, конечно, нельзя и подумать о Казимірѣ Первомъ или Мнихѣ, который женатъ былъ на дочери святаго Владиміра, Доброгнѣвѣ-Маріи. Здѣсь можно разумѣть только Казиміра Втораго или Справедливаго, который дѣйствительно женатъ былъ на *Всеволодовнѣ*, но на дочери—не Всеволода Ярославича, а его пра-пра-правнука, Всеволода Мстиславича Белзскаго, скончавшагося въ 1195-мъ году. Та королева польская и была мать нашей Маріи Казиміровны. При такомъ вольномъ избраніи княгинь на построеніе Кириловской церкви, можно бы указать еще на одну *Всеволодовну*, на дочь великаго князя Всеволода Ольговича, Звениславу, которую онъ въ 1141-мъ году

отпустилъ въ ляхи за Болеслава... Тогда, по крайней мѣрѣ, была бы здѣсь родная дочь истинной строительницы той церкви, великой княгини Всеволодовой.

А между тѣмъ и самъ митрополитъ Евгеній, въ составленномъ имъ „Полномъ Мѣсяцесловѣ", не нашелъ ничего лучшаго сказать о той церкви, какъ повторить „построена, по мнѣнію нѣкоторыхъ, княжною кіевскою, дочерью Всеволода I Ярвславича Маріею, супругою короля полскаго, 1160 года".

Тоже повторялось и въ „Паломникѣ" Максимовича (Ивана Петровича), издававшемся съ 1842-го года.

Наконецъ и преосвященный Макарій, въ своемъ первомъ „Очеркѣ исторіи русской церкви въ періодъ дотатарскій", изданномъ 1847 года, тоже сказалъ о Кирилловскомъ монастырѣ: „построенъ дочерью великаго князя Всеволода Ярославича, польскою королевою Маріею, въ 1160 или 72 году", Здѣсь 1172-й годъ, очевидно, прибавленъ изъ Кіевскаго Синопсиса; но здѣсь было уже послѣднее явленіе этой призрачной строительницы Кирилловскаго монастыря.

Въ то время, какъ началось полувѣковое господство этого мнѣнія о королевѣ Всеволодовнѣ, не поддался ему въ Кіевѣ одинъ только—„математическихъ классовъ надзиратель, учитель богословіи, іеромонахъ *Ириней*", который, въ своемъ „Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто 1799", вотъ что сказалъ о Кирилловской церкви: „создана великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ Чермнымъ (!), или княжною Маріею, супругою Всеволода Святославича, 1144 или 1172 годовъ" (стр. 34).

Тутъ едва ли не въ первый разъ въ Кіевѣ оглашенъ былъ Всеволодъ Ольговичь строителемъ той церкви—по лѣтописи суздальской, изданной 1767 года, по кенигсбергскому списку, Оттуда же взятъ Иринеемъ и 1144 годъ, который однако же и тамъ относится не къ Кирилловской церкви, а къ Георгіевской, заложенной Всеволодомъ Ольговичемъ въ Каневѣ. О строителяхъ Кирилловской церкви Ириней сказалъ на двое, не зная самъ, кому повѣрить: сказанію суздальской лѣтописи, или Кіевскаго Синопсиса?... Колебаніе неизбѣжное; ибо Иринею, какъ видно, неизвѣстно еще было свидѣтельство древней кіевской лѣтописи, которое одно только даетъ вѣрное рѣшеніе этого вопроса.

Впрочемъ, Иринеево указаніе на двухъ строителей на Всеволода и на Казиміровну, хотя осталось въ забвеніи но оно было, такъ сказать, предначертаніемъ для имѣющихъ быть *новыхъ* толкованій о Кириловскомъ монастырѣ которыя и начались съ 1847-го года, вслѣдъ за тѣмъ какъ издана была вновь Суздальская лѣтопись по списку лаврентьевскому. Тогда ея показаніе о созданіи кириловской церкви и монастыря Всеволодомъ Ольговичемъ принято было уже за несомнѣнное и достовѣрное свидѣтельство; но при этомъ пришлось или предоставить Маріи Казиміровнѣ только нѣкоторое участіе въ той церкви, или совсѣмъ устранить ее, отвергнувъ и самое сказаніе о ней; или же порѣшить дѣло такимъ раздѣломъ: на долю Всеволода—основаніе монастыря, а на долю Маріи—построеніе церкви. Такимъ обрchoзомъ произошло *три* новыя мнѣнія.

Первое изъ нихъ явилось въ „Обозрѣніи Кіева", изданномъ И. И. Фундуклеемъ 1847 года. Тамъ о Кириловскомъ монастырѣ сказано такъ: „несомнѣнно то, что онъ существовалъ уже въ *первой* половинѣ 12-го вѣка; ибо строителемъ Кирилловской церкви, по сказанью древнихъ лѣтописцевъ, былъ кіевскій князь Всеволодъ Ольговичь, скончавшійся 1146 года. Что же касается до княгини Маріи Казиміровны, супруги Всеволода Святославича Чермнаго, скончавшейся и погребенной здѣсь 1179 года, то она, вѣроятно, была устроительницею только придѣла церковнаго„ (стр. 78). Къ этому мнѣнію принадлежитъ и толкованіе Закревскаго (въ обоихъ изданіяхъ его" Описанія Кіева 1858 и 1868 г.), по которому основаніе монастыря и построеніе церкви можно приписать съ достовѣрностью Всеволоду Ольговичу; а Марія Казиміровна могла или возобновить бывшую до нея церковь, „или приказать учинить какую-либо передѣлку". (стр. 389). Но въ кіевской лѣтописи сказано: *сама создала*; да и въ Синопсисѣ написано: *сама построила*. Сколько было возобновленій и передѣлокъ Софійскаго собора, и отъ сколькихъ людей. Но только объ одномъ Ярославѣ сказать можно: *создалъ* его.

Второе мнѣніе, объявленное 1863 года, принадлежитъ Крыжановскому (Ефиму Михайловичу). Показавъ ясно, какъ мы уже видѣли, что Марія Казиміровна *вовсе не*

могла быть строительницею Кириловской церкви, онъ отвергъ и самое сказаніе о ней, признавъ за несомнѣнное, что строителемъ былъ Всеволодъ Ольговичь. Тутъ данъ полный перевѣсъ показанію суздальскаго лѣтописца; но понятіе кіевскаго Синопсиса о строительницѣ осталось и въ самомъ отрицаніи или непринятіи авторомъ даже свидѣтельства кіевской (такъ-называемой ипатьевской лѣтописи. Вы взяли это древнее свидѣтельство, но придали ему толкованіе Синопсиса, и говорите, что этого свидѣтельвтва „ни въ какомъ случаѣ нельзя принять!“ Напротивъ, его-то должно принять за основаніе, и вы сами его примете, но только въ такомъ случаѣ, когда отбросите отъ него неправильное истолкованіе, вслѣдствіе котораго—новобрачная и мнимоумершая Казиміровна заслонила собою престарѣлую *княгиню Всеволожую*... Отъ того сія княгиня не была усмотрѣна и новыми кіевоописателями ни въ древней Кіевской лѣтописи, ни въ Хроникѣ густынской, и осталась у нихъ неузнанною и неназванною.

Такъ и въ *третьемъ* новомъ мнѣніи, которое объявлено 1865 года г. Похилевичемъ, и въ книгѣ „Монастыри и церкви г. Кіева“:

„Вѣроятно, что монастырь основанъ Всеволодомъ II (Ольговичемъ), а каменная въ немъ церковь построена супругою Всеволода Святославича“ (стр. 116).

Но пора, наконецъ, разстаться и съ *Маріею Казиміровкою*, какъ разстались за двдцаать лѣтъ съ *Маріею Всеволодовною!* Пора уже признать истинную строительницу кирилловскаго монастыря и церкви, вышепомянутую княгиню Всеволожую, матерь Святославлю.—Погодинъ, въ своемъ Словарѣ князей удѣльнаго періода, „изданномъ въ 1855 году“, вотъ что сказалъ *о Всеволодѣ Олговичѣ* „*1116* г... женился на дочери Мстислава Володимеровича... жена его умерла *1179* г. и положена у св. Кирила, въ монастырѣ ею созданномъ“ (стр. 70, 73). Это прямой и вѣрный выводъ изъ древней лѣтописи кіевской. Мнѣ хотѣлось только дознаться, откуда взятъ здѣсь *1116-й* годъ? Оказалось, что онъ опредѣленъ соображеніемъ самаго историка, и можетъ быть принятъ, какъ вѣроятнѣйшій. Приведу тѣ слова кіевской лѣтописи, изъ которыхъ ясно видно, что великая княгиня Всеволожая была *Мстиславна*.

„Въ тоже лѣто (1141) посла Изяславъ къ сестрѣ, рече: испроси ны у зятя Новогородъ Великій брату своему Святополку. Она же тако створи...' Въ сеже лѣто (1142) посла Всеволодъ Святополка, въ Новогородъ, шюрина своего, смолвяся съ Новогородци... И не любяхутъ сего Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа на нь, оже любовь имѣетъ съ Мстиславичи, съ шурьями своими".

И такъ, строительницею Кирилловской церкви и монастыря была *княгиня Марія Мстиславна,* жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава Великаго, внука Владиміра Мономаха. Послѣ своего тридцатилѣтняго замужества, она оставалась еще тридцать три года вдовою и скончалась въ 1179 году, и положена въ церкви, *юже бѣ сама создала.*

Да будетъ-же благословенна память ея, у васъ, кіевскіе люди! *Михаилъ Максимовичъ.*

1868 года 26 ноября
Михайлова-гора.

III.

Замѣчательныя особенности въ исторіи малороссійскаго козачества.

«Нехай буде й наша слава помежъ козаками...»

Малорос. пѣсня.

Славныя общественныя дѣла вообще дѣлаются *трудно*, и большею частью послѣ многихъ препятствій, какъ будто нарочно выставляемыхъ какою-то враждебною силой. Едва только блеснетъ въ чьей-нибудь головѣ свѣтлая мысль о какомъ-нибудь славномъ дѣлѣ, вдругъ, невѣдомо откуда, возникаютъ разныя недоразумѣнія, опасенія; сомнѣнія, усилія потушить свѣтлую мысль въ самомъ ея зародышѣ. Ежели мысль не имѣла силы, внутренней теплоты, то она обыкновенно такъ и гаснетъ навѣки. Но ежели она, кромѣ свѣтлости оживляла сердце теплотою, то никакіе страхи и недоразумѣнія не потушатъ ее,—она затаится въ своемъ пеплѣ и, при первомъ благопріятномъ случаѣ, опять блеснетъ, вспыхнетъ и запылаетъ.

Въ 1862 году «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи» *) высказалъ такую прекрасную мысль: «есть одно мѣсто на старомъ Кіевѣ, которое такъ и просится подъ историческій памятникъ; природа и люди нечаянно образовали изъ него самородный піедесталъ, ожидающій только какой-либо великой личности, чтобы увѣнчать его вер-

---

*) 1862 г. сентябрь, отд. IV, статья послѣдняя. „Мысль о сооруженіи новаго памятника въ Кіевѣ.“

шину,—это крайній отрогъ Андреевской горы, такъ—называемый утесъ Воздыхальницы, который господствуетъ надъ нижнимъ городомъ, и надъ днѣпровскою долиною, и надъ безпредѣльными равнинами заднѣпровья. Но кто можетъ достойно стать на этомъ возвышенномъ амвонѣ, чтобы изъ мрака минувшаго свѣтить будущему? Чья знаменательная личность не умалится на этомъ колоссальномъ подножіи?.. Гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра, освободителю родной своей Украйны, прилично стать на этомъ мѣстѣ, гдѣ однимъ взмахомъ державной булавы своей онъ какъ-бы объемлетъ двойную свою область по обоимъ берегамъ завѣтной рѣки. Такимъ и долженъ изобразить его нашъ знаменитый художникъ изъ одушевленной имъ мѣди, на лихомъ питомцѣ украинскихъ степей, во всѣхъ его гетманскихъ регаліяхъ, указывающимъ булавою, поверхъ Кіева, на освобожденную имъ Малороссію; а на подножномъ камнѣ, который будетъ попирать его борзый конь, безъ всякаго піедестала,—потому что тутъ піедесталомъ служитъ самый утесъ,—слѣдуетъ только начертать одно всевыражающее число: 1654, годъ соединенія Малой Россіи съ Великою. Но мы до сихъ поръ не назвали того, чей ликъ будетъ такимъ образомъ господствовать надъ освобожденной имъ страною? Еще ли нужно называть славнаго Богдана Хмѣльницкаго, *Богомъ даннаго*, не одной лишь его родной Украйнѣ, но и воспріявшей его Россіи? Давно уже ждетъ онъ такого памятника отъ присныхъ чадъ своихъ, хотя въ ихъ сердцѣ и всегда живетъ его имя; оно живо и въ каждомъ русскомъ сердцѣ, которое цѣнитъ великій его подвигъ, слившій воедино два братскихъ племена, коихъ единокровный союзъ закрѣпленъ единой вѣрой и потоками крови, которую они вмѣстѣ проливали за свое православіе. Давно и Кіевъ ожидалъ себѣ такого памятника въ честь одного изъ славныхъ своихъ витязей. Недавно обновлена крещальная часовня Равноапостольнаго, воспоминающая крещеніе всея Руси: пусть обновится и память великаго дѣятеля, упрочившаго здѣсь своему народу свободу той православной вѣры, которую завѣщалъ землѣ русской равноапостольный ея просвѣтитель. Мысль

прекрасная, свѣтлая и теплая!—Тогда же нашлись—было люди, одушевленные этою мыслію, которые уже хотѣли, по всей Россіи, открыть подписку на собраніе суммы, необходимой для сооруженія памятника. Но интриги, недоразумѣнія и опасенія тотчасъ стали поперекъ дороги къ исполненію прекраснаго намѣренія. Тогда въ западномъ краѣ Россіи уже началась безумная затѣя польскаго бунта, и въ близкомъ будущемъ чуялось что-то недоброе. Западно-русская молодежь польскаго происхожденія приготовлялась *до лясу,* съ дополненіемъ въ польскомъ словарѣ новоизобрѣтеннаго слова *уцькеннеровъ*; а православная молодежь того края, желая, *повидимому,* напомнить полякамъ прежнія времена малороссійскаго козачества и гайдамачества, начала одѣваться въ мужицкія *свитки* съ *видлогою* (башлыкъ), отпускать на головѣ запорожскіе *оселедцы,* (длинная прядь волосъ) и на-пропалую коверкать языкъ, чтобы поддѣлаться подъ малороссійскій жаргонъ русскаго языка; изобрѣла особенное правописаніе для этого жаргона, и начала, не шутя, печатать на этомъ, почти исчезающемъ въ устахъ даже народа, украинскомъ нарѣчіи, книжки и даже журналы. Поляки, еще искуснѣе русскихъ украинофиловъ, начали переряжаться въ простолюдиновъ украинскихъ, стали кумиться и брататься съ крестьянами, говорить на ихъ сельскомъ нарѣчіи и также печатать на этомъ жаргонѣ разныя книжки для «просвѣщенія народа.» Само собою разумѣется, что поляки все это дѣлали съ тою цѣлію, чтобъ сблизиться съ простонародьемъ, и если не втянуть его въ свои враждебныя Россіи и преступныя намѣренія и дѣйствія, то по крайней мѣрѣ задобрить его и отвратить отъ сопротивленія въ случаѣ дальнѣйшаго развитія задуманной рухавки.»

Такимъ образомъ, тогда на западѣ Россіи образовались два лагеря украинскихъ «*народолюбцевъ: хлопоманы*, т. е. поляки, старавшіеся переряжаться въ украинскихъ мужиковъ и искавшіе ихъ дружбы, и—*хохломаны*, т. е. наши русскіе *паничи,* не доучившіеся, или слишкомъ переучившіеся умники, хлопотавшіе о «*возстановленіи* (никогда не существовавшей) *самобытности южно-русскаго*

языка и (даже!!) *народа.*» Первоначальная цѣль—напугать поляковъ воспоминаніемъ козачества и гайдамачества—непремѣнно ускользнула изъ виду хохломановъ, и они остановились на призракѣ возстановленія украинской самобытности. Поляки—хлопоманы тотчасъ подстерегли такую перемѣну въ стремленіяхъ нашихъ паничовъ—украинофиловъ, и, слѣдуя іезуитскому правилу: divide et impera, чрезвычайно благопріятствовали простодушнымъ хохломанамъ. Для поляковъ чрезвычайно полезнымъ казалось, если бы это возможно было, посѣять раздоръ между двумя частями Россіи, великою и малою, поссорить ихъ, и потомъ въ мутной водѣ ловить свою рыбу. Но надежды поляковъ были не долговѣчны. *Панове пустились до лясу,* и тамъ были переловлены тѣми самими мужиками, на которыхъ дружбу они расчитывали, и подъ которыхъ языкъ и обычаи поддѣлывались. Никакой цивилизаціи не было у этихъ «хлоповъ»: они безъ всякой церемоніи, перевяжутъ—было веревками пойманныхъ въ лѣсу уцѣканеровъ, да и везутъ въ полицію, этакіе невѣжи! Такимъ образомъ, мало помалу, хлопоманы исчезли съ лица русской земли.

Наши хохломаны, напротивъ того, были гораздо долговѣчнѣе. Запустивши пыль въ глаза публики своимъ якобы украинско-русскимъ патріотизмомъ, возставшимъ противъ польщизны, они свободно группировались въ *громады,* изъ которыхъ главнѣйшею считалась громада петербургская, давали концерты, читали публичныя лекціи, и собирали пожертвованія на составленіе капитала для изданія книжекъ на искалѣченномъ полонизмами уніятско-малороссійскомъ нарѣчіи. Пока они маскировались противодѣйствіемъ польщизнѣ, до тѣхъ поръ они были—по крайней мѣрѣ безвредны. Но когда ихъ стремленіе къ самобытности отдѣльнаго существованія задуманной ими «Украйны», зашло уже слишкомъ далеко, то они, дошедши до геркулесовскихъ столбовъ нелѣпости, сдѣлались *жалкими,* и мало по-малу обратились въ ничтожество, со всѣми своими затѣями. Теперь мы говоримъ обо всемъ этомъ, какъ о смѣшномъ прошедшемъ, но когда затѣи хлопомановъ и хохломановъ были еще *настоящими*, тогда соору-

жать въ Кіевѣ памятникъ Богдану Хмѣльницкому было— по крайней мѣрѣ—не благовременно,—и прекрасную мысль объ этомъ памятникѣ тогда со всѣхъ сторонъ дружно окружили разныя недоразумѣнія, опасенія и сомнѣнія.

Но патріотически-русская теплота этой мысли не дала ей погаснуть подъ пепломъ недоразумѣній и сомнѣній: въ декабрѣ минувшаго года, сперва въ «Моск. Вѣдомостяхъ,» потомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ,» было напечатано описаніе памятника Богдану Хмѣльницкому, *уже проэктированнаго* г-мъ Микѣшинымъ, каковое описаніе мы здѣсь воспроизводимъ съ полною любовью и благодарностью:

«Памятникъ состоитъ изъ трехъ частей: конной бронзовой статуи, ея подножія, и общаго піедестала. Хмѣльницкій изображенъ на степномъ конѣ, остановленномъ на бѣгу, съ быстрымъ и чрезвычайно выразительнымъ движеніемъ правой руки, подпятой во всю длину, съ булавой вверхъ, и съ протянутою лѣвой рукой, указывающею на сѣверо-востокъ, по направленію къ Москвѣ. Подъ конемъ переломленное его ногой шляхетское знамя и обрывки цѣпей. Подножіе статуи составляетъ глыба мѣстнаго лабрадора. Вокругъ этой глыбы стоятъ четыре представителя русской земли: впереди великоруссъ и малоруссъ, сзади бѣлоруссъ и чермноруссъ (т. е. галичанинъ); всѣ они убираютъ подножіе дубовымъ вѣнкомъ (русскимъ лавромъ). Великоруссъ и малоруссъ изображены притомъ въ видѣ слушающихъ сидящаго внизу подножія *кобзаря,* поющаго славу народнаго *батьки.* На глыбѣ начертаны въ приличныхъ мѣстахъ имена предшественниковъ Хмѣльницкаго: Конашевича, Дорошенка, Палѣя и нѣкоторыхъ изъ ихъ сподвижниковъ. Подъ подножіемъ—четыреугольный піедесталъ. На немъ четыре барельефа: на одномъ—тотъ моментъ зборовской битвы, когда, по данному заранѣе Хмѣльницкимъ приказанію «не прикасаться вѣнчанной главы», король Янъ-Казиміръ, окруженный козаками, пропускается ими изъ плѣна, съ почтеніемъ, съ обнаженными головами. Моментъ этотъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ относится русскій народъ къ принципу верховной власти. На второмъ барельефѣ — торжественный въѣздъ

Хмѣльницкаго въ Кіевъ, чрезъ Золотыя врата, къ Софійскому собору, въ предшествіи духовенства съ хоругвями. На третьемъ—торжественное врученіе, на переяславской радѣ, московскимъ посламъ, акта о возсоединеніи. На четвертомъ, подъ православнымъ, лучезарнымъ крестомъ, надпись: *Богдану Хмѣльницкому, единая, недѣлимая, православная Россія* *).

Прекрасно! великолѣпно! И первоначальная мысль о памятникѣ, и проэктъ памятника равно достойны своего предмета. Піедесталъ уже готовъ: съ нетерпѣніемъ и самымъ живымъ участіемъ будемъ ожидать исполненія проэкта и постановки самаго памятника. Подобныя мысли и проэкты никогда не пропадаютъ. — Между тѣмъ еще разъ повторимъ съ любовью эти золотыя слова изъ описанія памятника: «*на барельефѣ изображенъ тотъ* (смѣло скажемъ: безпримѣрный въ исторіи народовъ) *моментъ зборовской битвы* (надобно прибавить: и битвы подъ Жванцомъ), *когда, по данному заранѣе Хмѣльницкимъ приказанію не прикасаться вѣнчанной главы, король Янъ-Казиміръ, окруженный козаками, пропускается ими изъ плѣна, съ почтеніемъ, съ обнаженными головами. Моментъ этотъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ относится русскій народъ къ принципу верховной власти.*» — Вотъ какой—«варваръ» былъ этотъ Богданъ Хмѣльницкій и вотъ какіе разбойники и невѣжды были эти «хлопы»—козаки!—Поляки, въ безсильной злобѣ своей на возсоединеніе Малой Россіи съ Великою своей сестрою, обезславили доблестнаго Богдана, въ своихъ хроникахъ, именемъ бунтовщика, а предводимыхъ имъ козаковъ иначе не называли, какъ «варварами и разбойниками»; но такими «варварами и разбойниками» и такимъ «бунтовщикомъ» должна гордиться исторія всемірная! Дѣйствительно, никакая другая исторія не можетъ похвалиться такими замѣчательными особенностями, какъ исторія нашего козачества. Хмѣльницкому досталась гетманская булава послѣ знаменитыхъ его предшественниковъ, Косин-

*) „Русскій,“ 1868. № 130. декабря 18.

скаго, Наливайки, Павлюка и Остряницы. Само собою разумѣется, что поляки, при первомъ удобномъ случаѣ, такой же участи подвергли бы и Богдана, какую испытали отъ нихъ предшественники его. Называя козаковъ «хлопами и разбойниками», и считая только себя благородными, гуманными и образованными, вотъ какъ благородно и честно эти образованные *паны* поступали съ предшественниками Хмѣльницкаго.

Въ 1595 году поляки ласково и учтиво пригласили козацкаго гетмана *Косинскаго* въ г. Брестъ, для разсужденія о затѣеваемой тогда церковной уніи. Но когда Косинскій, повѣривши ласкамъ и слову *гонору* поляковъ, пріѣхалъ въ Брестъ, то они, безъ суда и права, замуровали его живого въ каменный столбъ въ одномъ кляшторѣ... *).

Въ 1597 году новый козацкій гетманъ *Наливайко,* обезпеченный присягою «образованныхъ и благородныхъ» поляковъ въ ненарушимости мирнаго договора, пріѣхалъ съ своими депутатами въ Варшаву на сеймъ; но поляки тотчасъ посадили въ тюрму гетмана и его спутниковъ, а чрезъ два дня послѣ того, безъ всякаго суда, посадили ихъ живыхъ въ мѣднаго быка, и.... сжарили на медленномъ огнѣ.... **).

Въ 1633 году козаки избрали своимъ гетманомъ *Павлюка.* Когда этотъ гетманъ съ своимъ войскомъ укрѣпился около мѣстечка Боровицы, то коронный польскій гетманъ Конецпольскій, боясь пораженія, предложилъ ему миръ, съ подтвержденіемъ всѣхъ стародавнихъ козацкихъ правъ и привиллегій, каковое предложеніе было утверждено присягою со стороны *шляхетныхъ* поляковъ. «Варваръ» гетманъ повѣрилъ присягѣ, и распустилъ козаковъ по домамъ; а поляки схватили Павлюка, заковали въ кандалы, и привезли его въ Варшаву, гдѣ у живого содрали кожу, съ головы, а четыремъ его ступникамъ отрубили головы...

Въ 1638 году новый козацкій гетманъ *Острянииа,*

---

*) Ustępy i ułamki historyczne. II. O kozakach, Maciejowskiego. (1839).

**) Тамъ же.

съ козацкимъ войскомъ, настигъ польскаго гетмана Лянцкоронскаго подъ мѣстечкомъ Полоннымъ и осадилъ его. Лянцкоролскій, не видя никакого спасенія отъ справедливой мести козаковъ, поступилъ по-іезуитски: выслалъ изъ мѣстечка противъ козаковъ духовную процессію православнаго духовенства, съ хоругвями и крестами, и чрезъ русское православное духовенство предложилъ Остряницѣ миръ. Католики—поляки утвердили этотъ миръ присягою на евангеліи,—какъ было не повѣрить? Острянпца повѣрилъ «благороднымъ полякамъ» и, подъѣхавши домой, заѣхалъ въ Каневѣ въ тамошній монастырь помолиться Богу. Во время молебна поляки окружили монастырь, схватили Острянйцу и 37 спутниковъ его и отправили, какъ плѣнниковъ, въ Варшаву. Здѣсь, по этому случаю, была устроена торжественная процессія польско-католическаго духовенства, среди которой вели плѣнниковъ на казнь; а потомъ казнили ихъ такими варварскими и необыкновенными родами мученія и смерти, которые превышаютъ всякую мѣру жестокости, и которые могли быть выдуманы только такою «просвѣщенною націей,» какъ была Польша. Спрашивается: какихъ мученій и какой лютой смерти не долженъ былъ ожидать себѣ отъ поляковъ Богданъ Хмѣльницкій, если бы и онъ подобно своимъ предшественникамъ, попалъ въ ихъ руки?! А имѣя въ виду мучительную смерть своихъ предшественниковъ и не ожидая себѣ отъ поляковъ лучшей участи, не правъ ли предъ судомъ исторіи былъ бы Хмѣльницкій, если бы онъ съ поляками также поступалъ, какъ поляки поступали съ его предшественниками?! Но не таковъ былъ нашъ славный Хмѣльницкій, не такіе были наши козаки, и не такова, вообще вся *святая Русь,* чтобъ она могла унизиться, до клятвопреступленія, чтобъ она могла забыть божественную заповѣдь: «любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ.» Въ этомъ христіянскомъ отношеніи, Хмѣльницкій съ «варварами козаками» опередилъ на два столѣтія «просвѣщенную» польскую націю; да и теперь еще эта нація не только не превзошла этихъ «варваровъ», но даже и не сравнялась съ ними въ христіянскомъ человѣколюбіи и благочестіи. Прислушаемся

къ сказанію правдивой исторіи. Разбивши польскія войска при *Желтыхъ водахъ* подъ Корсунемъ и подъ городомъ *Баромъ,* Хмѣльницкій ничего другаго не требовалъ отъ польскаго короля Владислава IV, кромѣ того, чтобы права козаковъ и свобода православной ихъ вѣры были со стороны Польши обезпечены и утверждены особеннымъ актомъ. Владиславъ сильно ходатайствовалъ объ этомъ въ польскомъ сенатѣ, но всѣ усилія его (несчастный король!) были тщетны. Вскорѣ послѣ того король заболѣлъ и умеръ, оставивши Польшу въ самомъ разстроенномъ состояніи. *Хмѣльницкій плакалъ о смерти Владислава, и повелѣлъ по всѣмъ православнымъ церквамъ Малороссіи молиться о упокоеніи души короля* *). Чрезъ 177 лѣтъ послѣ короля Владислава IV, умерь царь польскій, «воскреситель» и благодѣтель Польши, императоръ Александръ Благословенный. Тогда р. католическимъ архіепископомъ въ Варшавѣ былъ Вороничъ, который по первому движенію своего благодарнаго сердца, предписалъ было духовенству Царства Польскаго молиться за упокой новопреставившагося царя Александра 1-го; но римскій папа, узнавши объ этомъ, немедленно наложилъ на архіепископа эпитимію, удалилъ его отъ должности и повелѣлъ ему заключиться въ монастырѣ на всѣ остальную жизнь. Безъ сомнѣнія, все изувѣрство и все бозобразіе этого поступка принадлежитъ папѣ, но... почему же «умная и благородная» польская нація предъ цѣлымъ просвѣщеннымъ свѣтомъ не протестовала тогда противъ антихристіанскаго папскаго запрещенія молиться Богу о душѣ своего государя? Гдѣ больше ума и благородства, въ приказаніи ли Хмѣльницкаго молиться о Владиславѣ, или въ рабскомъ исполненіи поляками папскаго повелѣнія не молиться объ Александрѣ?!?

По смерти Владислава IV, Хмѣльницкій, до избранія новаго короля, не хотѣлъ предпринимать никакого движенія противъ Польши и стоялъ съ своимъ войскомъ, равно готовый на бой и на честный миръ. Тогда ему такъ легко было завоевать и уничтожить всю Польшу, что сами по-

*) Исторія Руссовъ. Конисскаго. Стран. 86.

ляки удивлялись, почему онъ цѣлыя три недѣли оставался въ бездѣйствіи, и даже называли это *чудомъ Божіимъ,* ослѣпившимъ гетмана *). Дѣйствительно, это было, со стороны Богдана Хмѣльницкаго, непонятнымъ для поляковъ *чудомъ честности и благородства:* онъ доказалъ этимъ чудомъ, что онъ былъ не *бунтовщикъ* и не *завоеватель,* а только защищалъ то, чего дороже нѣтъ для человѣка— бытіе и вѣру своей родины, а потому и ожидалъ, не позволитъ ли новый король, безъ новаго кровопролитія, по прежнему существовать родинѣ его и вѣрить по-прежнему. Но когда новый король Янъ—Казиміръ, получивши изъ рукъ папскаго нунція «освященное знамя» и благословеніе на войну съ козаками двинулся противъ нихъ, тогда Хмѣльницкій съ своимъ войскомъ пошелъ на встрѣчу королю, и встрѣтился съ нимъ около *Зборова.* Здѣсь 17 іюня 1649 года козаки одержали рѣшительную побѣду надъ поляками и могли бы удержать въ плѣну самого короля; но Хмѣльницкій, «благоговѣя къ помазаннику Божію (этакой «варваръ!»), повелѣлъ козакамъ не прикасаться къ его особѣ, и отпустилъ его. Тогдашніе поляки не умѣли (а нынѣшніе?!) понять такого высокаго и безпримѣрнаго великодушія побѣдителя, и въ благодарность за то убили семейное счастіе Богдана. Когда старшій, любимый сынъ его Тимоѳей, женившись въ Молдавіи на дочери тамошняго господаря, возвращался оттуда въ Малороссію, поляки напали на него близъ города *Сочавы,* гдѣ онъ и былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Гетманъ горько плакалъ надъ привезеннымъ къ нему мертвымъ сыномъ, и потомъ, какъ раненный левъ, бросился искать убійцъ его. Подъ *Жванцомъ* онъ нашелъ самого короля Яна—Казиміра въ лагерѣ, и напалъ на его войско, *приказавши опять козакамъ «не стрѣлять въ короля и не прикасаться къ нему.»* Не смотря на храбрость и многочисленность королевскаго войска, козаки разбили поляковъ, и одинадцать тысячъ человѣкъ вмѣстѣ съ королемъ взяли въ плѣнъ. Но Хмѣльницкій *опять позволилъ королю спокойно уѣхать изъ плѣну со всѣми его*

*) Dzieje królewstwa polskiego przez Bandtkię. Tom. 2. стр. 317.

экипажами, и даже далъ ему отъ себя почетный конвой!!! Вглядитесь вы въ эти суровыя козацкія лица, почерпѣвшія отъ пороховаго дыма, которыя, въ знакъ почтенія, поснимали шапки предъ плѣннымъ королемъ и съ почтеніемъ сопровождаютъ его... Въ исторіи какого другаго народа вы найдете такую высоко-нравственную картину?.. Нигдѣ! рѣшительно нигдѣ не найдете ничего подобнаго!—Нѣсколько похожее чувство пробуждается въ душѣ при чтеніи исторіи Генриха Наваррскаго *(Генриха IV-го во Франціи),* который, держа въ осадѣ Парижъ, не хотѣвшій допустить его къ наслѣдственному престолу, когда узналъ, что осажденные имъ непріятели терпятъ голодъ, то послалъ имъ изъ своего лагеря провіянтъ, и тѣмъ избавилъ ихъ отъ голодной смерти. Но Генрихъ IV сдѣлалъ это сколько по добротѣ своего сердца, столько же и изъ политическаго разсчета, чтобы склонить парижанъ на свою сторону. Изъ этого же разсчета онъ отрекся отъ протестанства и перешелъ въ католичество. А нашъ славный Богданъ, два раза освободивши польскаго короля изъ плѣну, не имѣлъ никакихъ корыстныхъ разсчетовъ, но дѣйствовалъ, какъ православный христіянинъ, изъ чистыхъ побужденій благочестія и благоговѣнія къ священному сану помазанника Божія. Неправославнымъ полякамъ трудно понять эти святыя побужденія; а надобно желать, чтобы они, для собственнаго своего благополучія, когда-нибудь поняли.—

Вмѣсто того, чтобы хулить Хмѣльницкаго съ его козаками, и вообще всѣхъ насъ православныхъ русскихъ, да бредить о какихъ-то границахъ 1772 года, поляки сдѣлали бы несравненно умнѣе, если бы безпристрастно изучили исторію такъ называемыхъ «*козацкихъ войнъ,*» въ которой есть много замѣчательныхъ особенностей, не встрѣчаемыхъ ни въ какихъ другихъ исторіяхъ *).

Ив. Кулжинскій.

**) Самое *происхожденіе малороссійскаго козачества* есть особенность своего рода, о которой мы скоро поговоримъ въ отдѣльной статьѣ.—

СТРАННЫЙ СЛУХЪ О РИМСКОМЪ СОБОРѢ.

Не только за границей, но и въ столицахъ нашихъ и у насъ — въ Вильнѣ, распространился недавно слухъ, что православные примутъ приглашеніе папы на такъ называемый вселенскій соборъ. Слухъ этотъ такъ страненъ, осуществленіе его такъ невѣроятно, православный русскій *Соборъ* такъ мало имѣетъ общаго съ будущимъ римскимъ, съ ученіемъ папскимъ, что мы не придали бы этому слуху никакого значенія, если бы легковѣріе, невѣжество, индифферентизмъ или злонамѣренность его распространителей не вызвали насъ на ихъ вразумленіе и обличеніе, не обязывали насъ къ защитѣ того принципа, который думаютъ подорвать распространители ложныхъ слуховъ на счетъ римскаго собора. Слухъ этотъ, помимо своей вѣрности или невѣрности,—такого свойства, что объ немъ нельзя не говорить и потому уже, что онъ существуетъ, что онъ распространяется, что онъ открываетъ удобный случай предложить вниманію православныхъ нѣсколько новыхъ воззрѣній на странности римскаго собора.

Мы весьма часто и разносторонно трактовали о томъ, что доктрина папская есть ученіе полухристіанское, что разные наросты, искаженія, самоволія въ догматикѣ и церковной практикѣ р.-католической церкви сдѣлали ее вовсе не похожею на церковь апостольскую, вселенскую, со всѣмъ чуждою, даже враждебною для другихъ христіанскихъ исповѣданій, что эта вражда особенно упорна, постоянна и неукротима въ отношеніи къ православію, какъ къ такому ученію, которое ни на іоту не уклонилось отъ ученія Христова, апостольскаго, отъ ученія 7 вселенскихъ соборовъ, первыхъ 9 вѣковъ вселенскаго христіанства, и которое служитъ грознымъ обличителемъ папскихъ нововведеній. Такое вѣроученіе папства, такое отношеніе его къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ ставятъ его въ изолированное, въ отношеніи къ нимъ, положеніе, въ невозможность

между ними соглашенія религіознаго, безъ утраты существенныхъ признаковъ той либо другой стороны. Лютеранство такъ далеко уклонилось въ сторону отъ папства, что поворотъ перваго къ послѣднему рѣшительно невозможенъ; православіе не можетъ измѣнить въ пользу папства и одной буквы своего ученія, не измѣнивъ Христу; оно можетъ требовать уступокъ отъ другихъ, но само давать ихъ не смѣетъ. Стоя на такой исключительно вѣрной точкѣ зрѣнія, мы изумляемся отвагѣ или легкомыслію Пія IX, которыя такъ краснорѣчиво сказались въ его приглашеніи на свой соборъ православныхъ и лютеранъ. Проявлять въ теченіи девяти вѣковъ самую изувѣрскую нетерпимость, пролить моря христіанской крови, истребить мильоны христіанъ, не желавшихъ покланяться ватиканскому „чтилищу", поминутно оглашать анаѳемой своды храма Петра и Павла и потомъ приглашать въ этотъ же храмъ потомковъ этихъ проклятыхъ, этихъ мучениковъ на свое соборище—это болѣе чѣмъ нелѣпость религіозная, историческая,—это шутка. Мы понимаемъ причину этой шутки: папѣ хотѣлось сдѣлать свой соборъ вселенскимъ хоть по формѣ, на бумагѣ, если не на дѣлѣ; но между хотѣніемъ и исполненіемъ бываетъ иногда бездна непроходимая.

Отъ общаго перейдемъ къ частностямъ. Всякому международному собранію (конференціи, конгрессу) предшествуетъ заявленіе программы дѣйствій этого собранія. И папа долженъ былъ обнародовать программу занятій римскаго собора; иначе христіанскій міръ будетъ имѣть основаніе заподозрить этотъ соборъ въ небезпричинной скрытности намѣреній въ односторонности его цѣли, въ желаніи оказать только поддержку устарѣлому, разшатавшемуся, покосившемуся зданію папства, оградить отъ ущерба интересы папы, а не христіанства. Правда, въ нѣкоторыхъ органахъ западной прессы намѣчены дебаты будущаго собора римскаго, но указанія ихъ такъ разнорѣчивы, содержаніе ихъ такого

ультрамонтанскаго характера, что мы остаемся при нашемъ подозрѣніи на счетъ свойства и цѣли этихъ дебатовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда соборъ будетъ заниматься обсужденіемъ предметовъ какъ будто общехристіанскихъ, онъ останется вѣренъ своему ультрамонтанскому характеру и направленію, съумѣетъ привесть общія положенія къ частнымъ притязаніямъ папства, къ полученію своекорыстныхъ результатовъ собора. Трактуя, напримѣръ, объ отношеніи церкви къ государству, соборъ едва ли станетъ разсуждать о вліяніи религіи на умы и нравы людей, о содѣйствіи церкви осуществленію добрыхъ, прогрессивныхъ и разумныхъ предначертаній власти и народа, о невмѣшательствѣ духовенства въ дѣла мірскія, о дружелюбномъ сожитіи церкви съ государствомъ; а скорѣе будетъ добиваться преобладанія клерикальной касты надъ всякимъ сословіемъ, надъ закономъ и властію, доказывать законность вторженія духовенства въ дѣла гражданскія, власти папъ надъ государями и народами. Разсуждая о народномъ образованіи, прелаты собора будутъ ратовать за безконтрольное управленіе духовенствомъ народными школами, за исключительное право обучать въ нихъ разнымъ патерамъ, за ревнивое и безраздѣльное обладаніе умомъ и волею народа. Разсуждая о нравственно-религіозномъ состояніи современныхъ обществъ христіанскихъ, прелаты будутъ безпокоиться не о разнузданности страстей, растлѣніи нравовъ, посягательствахъ на упраздненіе всякой религіи, всякихъ нравственныхъ обязательствъ, а о замѣчаемомъ повсюду ослабленіи власти папской, клерикальной, о невѣріи въ непогрѣшимость папы, въ законность его царской власти, о частныхъ, вызванныхъ самимъ духовенствомъ, случаяхъ глумленія надъ пастырями духовными, надъ храмами и предметами христіанскими, о незаконности отчужденія отъ духовенства въ пользу государства церковныхъ имуществъ и проч. Говоря о гражданскихъ бракахъ, соборъ хоть и будетъ прикрывать свою

тенденцію ихъ незаконностью, безнравственностью, но краснорѣчіе его будетъ вдохновляемо собственно сѣтованіемъ объ утратѣ самой выгодной статьи дохода, о возможности обществъ стать въ независимое отъ произвола и своекорыстія латинскаго духовенства положеніе, въ самые важные моменты жизни человѣка. Обсуждая дисциплинарную сторону іерархіи, отцы собора если и коснутся распущенности клира, то слишкомъ нѣжно; они пройдутъ молчаніемъ ту грустную истину, что безбрачіе духовенства было и будетъ главною причиной большинства скандаловъ, порицаній, униженій, какимъ подвергалось со стороны общества латинское духовенство, а посредственно и сама р.-католическая церковь; они больше станутъ напирать на установленіе въ папской арміи дисциплины, въ военномъ смыслѣ этого слова,—на безмолвное и раболѣпное послушаніе меньшихъ старшимъ, а тѣхъ и другихъ ватиканскому повелителю, на житейскую выправку, на болѣе успѣшное примѣненіе къ практикѣ теорій, изучаемыхъ въ школѣ propagandae fidei, на болѣе исправное несеніе той службы, къ которой будутъ прикомандированы разные патеры, а главное—на ту солидарность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ всей мильонной папской арміи, которая составила бы изъ нея одинъ безраздѣльный, несокрушимый организмъ, съ одной душой, однимъ тѣломъ.

Когда прелаты будущаго римскаго собора будутъ предаваться такимъ *благочестивымъ* и воинственнымъ занятіямъ, какое будутъ имѣть значеніе, какую станутъ играть роль на этомъ соборѣ представители православія и лютеранства, еслибъ они имѣли неосторожность удостоить его своимъ присутствіемъ? Положеніе ихъ было бы еще унизительнѣе положенія греческаго посланника на послѣдней парижской конференціи. Тотъ, по крайней мѣрѣ, могъ утѣшаться сознаніемъ, что онъ былъ бы на конференціи равнымъ между равными, а папа у своихъ приглашенныхъ

на соборъ отнимаетъ и это утѣшеніе: онъ приглашаетъ ихъ не какъ братьевъ, а какъ подчиненныхъ единой видимой главѣ церкви христіанской, не какъ единовѣрцевъ, а какъ отщепенцовъ,—приглашаетъ съ тѣмъ высокомѣріемъ самозванной власти, которая недостатокъ внутренней силы, значенія, обязательности думаетъ пополнить громкою фразой, повелительною позой, горделивою осанкой. Большинство тезисовъ, которые выше намѣчены и которыми займется римскій соборъ, если не по своему характеру, то по своему ультрамонтанскому развитію и направленію,— таковы, что представителямъ православія и лютеранства дѣлать на соборѣ будетъ нечего: они должны будутъ розыгрывать роль или безмолвныхъ зрителей и слушателей, или напрасныхъ оппонентовъ; какъ бы святы и непобѣдимы ни были высказанныя ими истины, но если только онѣ будутъ расходиться съ намѣреніями и убѣжденіями римской куріи, они встрѣтятъ роковое: «non possumus,» православные и лютеране будутъ вопіять въ многолюдной пустынѣ. Не для того папа приглашаетъ на свой соборъ, чтобъ отъ чего либо отказаться, а для того, чтобы возвратить себѣ кое что, сдѣлать новыя завоеванія, защитить отъ паденія новыми контрафорсами устарѣвшее зданіе, чтобы, въ случаѣ соглашенія на призывъ, тѣмъ смѣлѣе заявить послѣ права свои на главенство папъ во всей церкви христіанской, на право созывать соборы, на законность усвоенія римскому собору названія вселенскаго, на обязательность его постановленій для всѣхъ христіанъ. Интерессами христіанства на соборѣ будутъ только маскироваться интересы папства.

И это еще тезисы, обсужденіе которыхъ могло бы интересовать, съ своей точки зрѣнія, и православныхъ и лютеранъ; а что сказать о тѣхъ темахъ, которыя составятъ главную задачу римскаго собора, и для которыхъ всѣ другіе тезисы послужатъ только обстановкой или ширмами? Что должны будутъ дѣлать и чувствовать православные

и лютеране, когда на соборѣ займутся окончательнымъ возведеніемъ въ догматы непогрѣшимости папъ, свѣтской ихъ власти, когда станутъ производить во святые какихъ нибудь знаменитыхъ пропагандистовъ папства или гонителей и мучителей исповѣдниковъ православія и лютеранства, когда начнутъ трактовать о преслѣдованіи *якобы* католичества въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ Россіи, о средствахъ къ преобладанію тамъ папства надъ православіемъ, къ организаціи особаго (клерикальнаго) государства въ государствѣ русскомъ, къ усиленію латинской пропаганды въ ущербъ православію? Представители православія и лютеранства, при обсужденіи такихъ тезисовъ, должны будутъ встать съ своихъ мѣстъ и выѣхать изъ Рима. Но для того, чтобъ это сдѣлать, не стоитъ унижаться и безпокоиться пріѣздомъ въ Римъ. Да, православные и лютеране не могутъ присутствовать на римскомъ соборѣ, не унижая себя, ученія и націй, коихъ представителями они явились бы на соборѣ, и мы смѣло повторимъ то, что уже было нами сказано по поводу извѣстія о созваніи Піемъ IX собора въ Римѣ, именно: „не думаемъ, чтобы во всей вселенной (конечно, внѣ папства) нашелся хоть одинъ новый Исидоръ, чтобы унія перестала быть анахронизмомъ“ *). Но если бы папа приглашалъ епископовъ вселенной, какъ равныхъ, какъ братій, еслибъ онъ заявилъ предварительно объ отреченіи своемъ отъ самозванной мірской власти, отъ кощунственной непогрѣшимости папъ, отъ незаконнаго главенства ихъ въ церкви Христовой и другихъ произвольныхъ нововведеній, не извѣстныхъ въ первенствующей вселенской церкви, тогда, конечно, соборъ представилъ бы величественнѣйшее въ мірѣ собраніе, тогда онъ явился бы 8-мъ вселенскимъ соборомъ, тогда не нашлось бы во вселенной человѣка, который не почелъ бы за

---

*) См. 6 кн. Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г.

величайшее блаженство принять участіе въ такомъ собраніи, тогда соглашеніе во всѣхъ незначительныхъ, внѣшнихъ, случайныхъ разностяхъ совершилось бы скоро и безпрепятственно, тогда постановленія собора получили бы обязательную силу для христіанства всей вселенной, тогда нигдѣ не нашло бы себѣ пріюта отрицаніе умственное, безобразіе нравственное, церковь вселенская нашла бы въ себѣ довольно силы, единодушія и власти обуздать всяческое зло, тогда прекратились тѣ смуты, усобицы, измѣны, революціи, кровопролитія, которыми человѣчество обязано отстаиванью папами и его арміей своихъ незаконныхъ прерогативъ вообще и мірской власти съ главенствомъ надъ церковью папы въ частности, тогда міръ обновился бы, переродился, тогда только сбылось бы пророчество Спасителя о единствѣ церкви и пастыря. Тѣхъ же самыхъ результатовъ могъ бы достигнуть и иной соборъ, созванный въ другомъ мѣстѣ, именно—соборъ представителей всего христіанства, которые согласились бы свергнуть римскаго архіепископа съ того пьедестала, на которомъ онъ поставилъ себя рядомъ съ апост. Петромъ и чуть ли не рядомъ съ истинною Главою церкви и единымъ непогрѣшимымъ Іисусомъ Христомъ. Попытку созванія такого собора могли бы принять на себя православные и мѣстомъ собора назначить, напримѣръ, Кіевъ. Такая попытка не была бы противна христіанскому смиренномудрію, а напротивъ, вытекала бы изъ него,— изъ желанія указать христіанскимъ епископамъ то значеніе, какое указываютъ имъ духъ и исторія христіанства, а не то, какое хочется усвоить себѣ одному изъ нихъ. Такой соборъ былъ бы фактическимъ доказательствомъ того, что собраніе ультрамонтанъ въ Римѣ не имѣетъ никакихъ правъ называться соборомъ вселенскимъ; такой соборъ имѣлъ бы болѣе духовное значеніе и прочную основу; такой соборъ составилъ бы реакцію противъ тѣхъ внѣшнихъ притязаній, въ видахъ которыхъ созывается соборъ папскій.

Откуда, однако, вышелъ тотъ слухъ, по поводу котораго мы были вынуждены сказать все вышесказанное? После весьма непродолжительной остановки надъ этимъ вопросомъ, мы, кажется, нашли весьма правдоподобный на него отвѣтъ: мы предполагаемъ, что основаній для этого слуха должно искать въ тенденціяхъ того человѣка, политику котораго г. Геру (редакторъ Opinion Nationale) назвалъ „не французскою, а католическою". Человѣкъ этотъ извѣстенъ безъ названія его.

IV.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ

ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 2-я

ГЛАВА 1-я.

«Миленькая Летува,
«Дорогая Свобода,
«Ты скрылась въ пространствѣ небесъ,
«Гдѣ-жъ тебя искать?
и проч.

(Начало литовской историческо-миѳологической пѣсни).

Возвращеніе Ольгерда.

На святкахъ возвратился въ Вильну в. к. Ольгердъ съ своими знаменитыми родственниками и своей дружиной.

Ягайло послѣ своего возвращенія не замедлилъ справиться у своей матери о заключенной вайделоткѣ, отъ руки которой пала красавица Анна Гавриловна Гаштольдъ.

— Зовутъ ее Поятой,—отвѣчала княгиня Іуліанія: это та самая вайделотка, которая тебя, мой свѣтъ, цѣловала въ уста на праздникѣ пострига; помнишь?

Ягайло, почему то, поспѣшно покачалъ головою.

---

*) См. 10, 11 и 12 кн. Вѣстника Зап. Россіи за 1867 годъ и 3, 4, 5, 7, 9 и 10 за 1868 годъ.

Всю дорогу онъ мечталъ о своемъ ходатайствѣ за Пояту и придумывалъ разные планы, какъ приступить къ своей матери, на которую возлагалъ всѣ свои надежды; теперь же, какъ только увидалъ ее онъ, по своей нерѣшительной натурѣ, отказался отъ задуманной мысли, боясь навлечь подозрѣніе относительно Пояты.

— Что же съ ней будутъ дѣлать? Спросилъ онъ какъ-то тоскливо.

— А что твой отецъ захочетъ; его воля... вѣстимо не помилуетъ, — отвѣчала княгиня: боярина Петра Гаштольда онъ любитъ, добавила она.

Тутъ посыпались распросы на Ягайлу, какъ онъ былъ въ Москвѣ, да что видѣлъ тамъ.

Герой нашъ отвѣчалъ неохотно; да и понятно, сердце и умъ его были заняты другимъ. Во время продолжительной разлуки съ Поятой, онъ убѣдился, что безъ нея, ему жизнь не въ жизнь.

Молніей блеснула мысль у него просить брата Андрея Ольгердовича за Пояту, и онъ, не медля, отправился къ нему, но, увидавъ его, также струсилъ, какъ и передъ матерью.

Ягайломъ овладѣла страшная тоска; на глаза стали набѣгать слезы. Перекинувшись нѣсколькими словами съ братомъ, онъ отправился къ себѣ въ покой и тамъ, зарыдавъ, бросился на мягкую лежанку. При этомъ находился Войдыйло. Затѣмъ длилось довольно долгое молчаніе.

«Сходить развѣ къ ней, повидать ее бѣдную», думалъ Ягайло, немного успокоиваясь. А какъ она бросится ко мнѣ на шею, да про это провѣдаетъ государь батюшка? И снова рыданія оглашаютъ комнату Ягайлы.

— Великій князь,—началъ Войдыйло, подходя къ лежанкѣ,— прикажи мнѣ слово тебѣ молвить.

— Ну говори.... что тебѣ?.. отвѣчалъ Ягайло.

— Пригоже ли тебѣ молодому, храброму, князю надрываться отъ слезъ, вѣдь плачутъ только бабы, а ты надежа всей земли литовской... развѣ у тебя нѣтъ матери княгини? Развѣ нѣтъ раба твоего вѣрнаго?... прикажи мнѣ, сдѣлаю все, что захочешь.... говорилъ Войдыло, низко кланяясь, Ягайлѣ.

— Что мнѣ мать? что мнѣ ты?!.., горю пособить нельзя,— и Ягайло открылъ свою душу Войдыйлѣ.

Войдыйло, выслушавъ признаніе Ягайла, началъ что то соображать.

— Да за что же она убила боярыню Гаштольдову? спросилъ конюшій.

— Матушка княгиня говоритъ, что изъ злости на христіанъ... не вѣрится мнѣ что то, потому что она сама въ душѣ христіанка.... да и Ригальда не даромъ бросила поганство, да въ Москву убѣжала... сказалъ Ягайло.

— Въ замкѣ наши говорятъ, что Ригальда и донесла-то на нее....

Ягайло приподнялся на лежанкѣ.

— Кому донесла? Спросилъ онъ.

— Брату твоему, князю Андрею, отвѣчалъ Войдыйло.

— Проклятая! прошепталъ Ягайло, ударяя кулакомъ по лежанкѣ.

— Можетъ и облыжно на нее показали, со злости... вѣдь ты самъ вѣдаешь, какова Ригальда...

— Облыжно показали или нѣтъ, а Ригальдѣ теперь повѣятъ болѣе, — потому христіанкой сдѣлалась... Поята погибнетъ.

— Тебѣ бы, князь, повидать ее, да отъ нее самой узнать всю правду....

— Эхъ, Вайдыйло что ты всегда говоришь, не подумавши? Ты сперва подумай, а потомъ и говори. Слово вылетаетъ воробьемъ, а возвращается воломъ *). Какъ я могу ее видѣть? Пойдетъ со мной тіунъ, а она при немъ то пожалуй цѣловаться полѣзетъ; ну и мнѣ тогда отъ отца опала будетъ....

— Да можно безъ тіуна сходить, ключи только, князь, у него возьми....

— Они у брата Андрея....

— Я ихъ сейчасъ пойду достану,—сказалъ съ живостью Войдыйло, намѣреваясь выйдти изъ комнаты.

— Онъ не дастъ тебѣ,—замѣтилъ ему Ягайло.

— Да онъ и не провѣдаетъ, какъ я ихъ возьму; будь, князь, покоенъ; я знаю, какъ это сдѣлать, а потомъ съ ними пойдемъ въ верхній замокъ. Я постою на сторожѣ, а ты, князь, повидаешься съ Поятой, а коли спросятъ тебя зачѣмъ ходилъ?—скажи, князь: въ церковь ходилъ молиться; тамъ въ это время крестятъ ребенка одного боярина.... А Поята-то теперь подъ церковью сидитъ, говорилъ скоро Войдыйло.

*) Пословица, которую часто говаривалъ Ягайло.

Ягайло немного оживился.

— Если ты это можешь сдѣлать, то помни, когда я буду сидѣть на отцовскомъ престолѣ, ты будешь первымъ моимъ бояриномъ, сказалъ Ягайло.

— Твоими милостями я и такъ, князь, доволенъ, заключилъ Войдыйло, выходя изъ дому.

Оставшись одинъ, Ягайло погрузился въ думу, глаза его бѣгали по разнымъ направленіямъ.

— Вотъ они,—сказалъ Войдыйло, входя въ комнату и показывая на связку ключей; идемъ же, князь,—пусть твой братъ Андрей, бражничаетъ, а ты увидишь свою желанную.... да и мѣсто нужно высмотрѣть хорошенько, гдѣ сидитъ Поята....

— Для чего? Спросилъ Ягайло, надѣвая простой кожухъ и остроконечную шапку.

— А для того, что можетъ придется Пояту потихоньку ночью освободить, — съ увѣренностью и таинственностью сказалъ Войдыйло.

— Какъ освободить!? Обратился съ вопросомъ къ Войдыйлѣ озадаченный Ягайло.

— А какъ положатъ боги на умъ. Да объ этомъ послѣ, а теперь время даромъ терять нечего, пойдемъ, князь, скорѣе...

— Идемъ.

Оба вышли изъ покоя.

Чрезъ нѣсколько минутъ, они были на площадкѣ верхняго замка. Подойдя къ башнѣ, въ верху которой была церковь, они увидѣли, что у входа въ подземелье стоитъ дозорный латникъ.

— Ее стерегутъ, замѣтилъ шопотомъ Войдыйло?—князь!— отошли этого дозорнаго куда нибудь.

— Да, куда его отослать? Спросилъ шопотомъ Ягайло своего конюшаго.

— Пошли его, князь со мной, а я придумаю куда.

Ягайло подошолъ къ подземелью. Дозорный латникъ, узнавъ Ягайлу, низко ему поклонился.

— Кого ты здѣсь стережешь?.. Обратился Ягайло съ вопросомъ къ латнику;

— Не знаю, княже, говорятъ что вайделотку какую-то,— отвѣчалъ латникъ.

— Ты русскій? Спросилъ латника Войдыйло.

— Русскій,—отвѣчалъ онъ.

— Христіанинъ?

— Вѣстимо такъ....

— Что въ церквѣ есть служба?

— Есть, крестили боярскаго сына, а теперь обѣдню начали служить....

— Давно?

— Не такъ давно.

— Ну, такъ ты ступай въ церковь и постой тамъ, когда кончится обѣдня, ты скажи попу, что, молъ, князь Яковъ Андреевичъ молебенъ служить хочетъ, да тогда за нами и приди,— распорядился смѣтливый Вайдыйло.

Дозорный латникъ поклонился князю и поспѣшно пошелъ по лѣстницѣ въ церковь.

— Ну это обдѣлано; теперь, князь, отпирай скорѣе подземелье, а я буду на сторожѣ, — заключилъ Вайдыйло, подавая Ягайлѣ ключи.

Ягайло торопливо схватилъ изъ рукъ Войдыйлы ключи и, спустившись къ двери въ подземелье, отперъ ее. Изъ подземелья пахнулъ на Ягайлу не то паръ, не то испорченный спертый воздухъ.

Въ подземельи было сыро, холодно и темно; пробивавшійся чрезъ отворенную дверь дневной свѣтъ освѣтилъ мрачное заключеніе Пояты. Сначала Ягайло не замѣтилъ никого и ничего, но потомъ, освоившіеся съ мракомъ, глаза его остановились на человѣческой фигурѣ, лежащей въ углу подземелья на большомъ пучкѣ соломы. Онъ подошелъ ближе, наклонился къ лежавшей фигурѣ и узналъ въ ней Пояту. До половины стана она была укутана мѣховыми простыми кожухами; руки ея были закинуты за голову: она спала; изъ подъ рубашки выглядывалъ крестъ складенъ. У изголовья стоялъ кувшинъ, и на немъ большой ломоть не тронутаго хлѣба.

У Ягайлы сдавило грудь; на глазахъ его блеснули слезы.

— Пoята! прошепталъ онъ сквозь слезы, наклоняясь къ ея уху.

Поята открыла глаза и долго всматриваясь въ лицо Ягайлы, потомъ протеревъ глаза, встала на ноги, взяла за руки Ягайлу

и подведя его къ двери, испустила радостный вопль, а на блѣдномъ, болѣзненномъ лицѣ ея появилась какая-то неземная улыбка.

— Здраствуй, Поята, сказалъ Ягайло, намѣреваясь ее обнять.

Она отстранила его объятія.

— Не трогай меня, князь, я убійца твоей милой Анны Гаштольдовой,—сказала она.

— Моей милой Анны?! что ты говоришь, Поята? У меня кромѣ тебя нѣтъ милой... я стосковался по тебѣ, Поята, мнѣ и Божій день—не въ день, и жизнь—не въ жизнь,—отвѣчалъ Ягайло, не совсѣмъ-то понимая смыслъ фразы Пояты.

— Ты любилъ Анну Гаштольдъ? Спрашиваетъ Поята, смотря на Ягайлу.

— Господь съ тобою; я ее и видалъ-то всего два раза,—отвѣчаетъ смущенный Ягайло.

— Она вѣдь лучше меня и красивѣе, — продолжала Поята.

— Что мнѣ до нее.... ты — то вотъ отъ чего такъ холодна со мною?.. Не радуешься моему возвращенію, не скажешь ласковое слово мнѣ при встрѣчѣ, не прижимаешь къ груди своей?.. Видно разлюбила ты меня?..

— Я теперь не смѣю и не могу любить тебя. Я убила твою милую, разлучила тебя съ нею и...

— Какую милую?

— Анну Гаштольдову....

— Какая же она милая мнѣ? Она дорога для Петра Гаштольда, а не для меня. Богъ съ ней.... у меня была одна милая, дорогая Поята, да вотъ теперь и той, какъ видно, не стало....

— Да, князь, ты правду сказалъ: была у тебя милая, да умерла теперь для тебя....

— Умерла! простоналъ Ягайло, заливаясь слезами.

— А ты еще хотѣлъ запираться, что не любилъ Анну, а самъ плачешь по ней....

— Я не объ Аннѣ говорю; я съ ней и двухъ словъ не говаривалъ; я говорю о тебѣ....

— А я ее убила потому, что тебя любила; потому что мнѣ сказали, что она твоя любовница. Что она лучше меня. Я ее увидала и повѣрила тому, что люди говорили... Жертвеннымъ ножемъ я заколола ее въ самое сердце, что-бы изъ него вырвать тебя. Я тебѣ, князь, сказала, что дѣлиться твоей любовью ни

съ кѣмъ не хочу, что-бы ты мнѣ одной принадлежалъ, и вотъ я и ее и себя погубила, — заключила Поята раздражительнымъ тономъ. Да и не боюсь я теперь ничего; моя пѣсня спѣта: Ольгердъ и Гаштольдъ меня не пощадятъ. Да и жизнь то мнѣ теперь не нужна болѣе. Ты не бойся, князь, я не выдамъ тебя... не скажу на пыткѣ, что изъ-за любви къ тебѣ я убила ее. Ужъ, если выдамъ кого, такъ это криве-кривейту и Гонтвида... Боюсь я только одного,. встрѣчи въ той жизни съ красавицей Анной. Каждую ночь она является мнѣ не то во снѣ, не то на яву,— въ бѣломъ саванѣ, въ золотомъ вѣнцѣ, да такая красивая, что и сама Мильда развѣ въ рабыни только ей годится.... и не сердитая, а такая ласковая: все мнѣ поетъ про жизнь какую-то иную и зоветъ меня съ собой. И больно мнѣ ее видѣть, и тяжко, да видно такъ нужно.... жалко мнѣ становится ее повременамъ, и плачу то я, да теперь ужъ помочь нельзя....

— Безумная! что ты надѣлала?... Клянусь тебѣ святой Троицей, что ни я ее, ни она меня не любили. И въ мысляхъ у меня этого не было... тобой я жилъ и съ тобой хотѣлъ не разлучаться по гробъ. Для меня ты дороже всего на свѣтѣ. На чтожъ мнѣ теперь обманывать тебя? Къ чему?... Кто тебѣ сказалъ такую небылицу?.,. Знай, Поята, что Анна была набожной женщиной и любила однаго своего мужа... посмотри на него, какъ онъ теперь убивается... говорилъ Ягайло. Въ его словахъ дышала искренность, изъ глазъ его струились слезы.

— Ты поклялся святой Тройцей?.,.

— Я готовъ повторить клятву.

— Не нужно,... — сказала Поята послѣ нѣкотораго молчанія: архимандритъ Давидъ меня часто навѣщаетъ, онъ бесѣдуетъ со мной о христіанскомъ Богѣ и желаетъ обратить меня въ христіанство, но я противлюсь этому...

— Ты противишься?!.. А какъ же ты мнѣ говорила, что хочешь покинуть поганство свое?

— Ахъ, голубчикъ мой, — сказала Поята: въ душѣ я давно христіанка, но зачѣмъ мнѣ губить тебя....

— Какъ губить?

— Да такъ. Если я приму христіанство, то язычники,—тотъ же криве-кривейто выдастъ мою тайну, что я убила Анну Гаштольдову изъ любви къ тебѣ... пусть же лучше я одна погибну...

— Да развѣ криве-кривейто знаетъ о моей любви къ тебѣ? почти съ ужасомъ спросилъ Ягайло.

— Знаетъ: ему все пересказала Ригальда,—которую нѣкогда обольстилъ ты. Она то меня и погубила.... теперь я все понимаю,—спала пелена съ глазъ моихъ... а научена отцемъ Давидомъ понимать святую Тройцу и вѣрю тебѣ, что ты не любилъ Анну... она погибла чрезъ меня отъ криве-кривейта и Гонтвида. О, христіанскій Боже! Пошли мнѣ скорѣе лютую смерть; пусть мое тѣло разорвется на части; пусть земля скорѣе поглотитъ мой преступный прахъ!.. о горе, горе мнѣ бѣдной!..—вопила Поята ломая въ отчаяніи себѣ руки.

— Успокойся, Поята.... я спасу тебя, сказалъ машинально и съ увѣренностью Ягайло.

— Нѣтъ не хочу я теперь ничего кромѣ казни! Цѣлое царство Пеклоса теперь въ моемъ сердцѣ. Теперь, когда я узнала истину, больнѣе и страшнѣе мнѣ сдѣлалось.... князь, бѣги меня; я не стою тебя.... не даромъ я сонъ сегодня видѣла...

— Сонъ?! какой?

— Мнѣ снилось, что дверь въ это подземелье съ шумомъ отворилась и въ нее вошла красавица Анна. Съ тихою и сердечною рѣчью она обратилась ко мнѣ: Поята, сказала она, она землѣ мы съ княземъ Яковомъ не были соединены ни чѣмъ,— теперь же вмѣсто того, чтобы разлучить насъ, ты соединила насъ съ нимъ на небесахъ. Ступай за мной и посмотри, гдѣ онъ? Съ этимъ словомъ она взяла меня за руку и вывела изъ подземелья. Потомъ мнѣ чудилось, что будто-бы мы съ нею летимъ по воздуху. Свистъ вѣтра и до сихъ поръ раздается въ ушахъ моихъ... вдругъ вижу я, что мы съ красавицей Анной спускаемся въ широкую долину подъ Москвою.... Въ этой долинѣ на не большомъ холмѣ лежитъ мертвецъ: это былъ ты. Лицо твое было покрыто ранами, шлемъ и мечь твой, обризганный кровью, лежали не далеко отъ тебя. Изъ—подъ рубашки около сердца твоего сочилась кровь. Вотъ, гдѣ твой князь Яковъ, обмой ему раны, сказала мнѣ Анна. Я схватила твой шлемъ и бросилась къ ручью, который протекалъ у холма. Почерпнувъ шлемомъ воды, я побѣжала на холмъ, но на немъ тебя уже не было. Гдѣ же онъ? Спросила я у Анны. Въ голубой лазури, сказала она, показывая на небо, и затѣмъ сама полетѣла туда. При этомъ я

проснулась... о, какъ я хотѣла умереть тогда, что-бы быть вмѣстѣ съ тобою!... какъ долго и много я плакала!.. но ты живъ и здоровъ; теперь я спокойна за тебя, а обо мнѣ печалиться нечего, заключила со вздохомъ Поята.

Едва только кончила Поята разсказъ о своемъ снѣ, какъ впопыхахъ вбѣжалъ въ подземелье Войдыйло.

— Князь, Яковъ, идутъ! спѣши! сказалъ онъ и скрылся.

— Я спасу тебя Поята и ты во что-бы то ни стало будешь моей женой, сказалъ Ягайло, торопливо выбѣгая вонъ изъ подземелья. Поспѣшно заперевъ дверь въ подземелье, онъ отошелъ на площадку.

Въ это время съ лѣстницы, ведущей въ церковь, выходилъ Войдыйло, громко разговаривая съ дозорнымъ латникомъ.

— Обѣдня кончилась, тебя, ждутъ, князь на молебенъ,—сказалъ латникъ, низко кланяясь Ягайлѣ.

Ягайло молча пошелъ въ церковь.

На половинѣ лѣстницы догналъ его Войдыйло.

— Князь Яковъ, дай мнѣ ключи, пока не хватились ихъ: на мѣсто положу,—сказалъ онъ полушопотомъ.

— На,—сказалъ Ягайло, подавая ключи.

— А, Пояту, мы князь, выручимъ; не кручинься, — сказалъ Войдыйло, оставляя князя.

— Если ты ее выручишь, я когда буду на мѣстѣ отца, подарю тебѣ удѣлъ,—сказалъ ему Ягайло, поднимаясь по лѣстницѣ.

Теперь читатель я попрошу тебя въ покой, занимаемый Ольгердомъ.

Въ довольно широкой комнатѣ, убранной парчами, медвѣжьими кожами и бранными доспѣхами,—за большимъ столомъ, уставленнымъ разными яствами, — сидѣлъ Ольгердъ съ своею женою Іуліаніею Александровною и со всѣми дѣтьми своими, находившимися въ Вильнѣ, за исключеніемъ Ягайлы.

Кейстутъ и сынъ его Витовтъ, не заѣзжая въ Вильну, прямо отправились къ себѣ въ Троки.

Въ тихой родственной бесѣдѣ, Ольгердъ расказывалъ о походѣ на Москву и о выгодахъ мира между князьями тверскимъ и московскимъ. Послѣ этого онъ подозвалъ къ себѣ свою дочь Елену Ольгердовну и, поцѣловавъ ее, объявилъ ей, что она помолвлена за князя Владиміра Андреевича.

Елена Ольгердовна, выслушавъ эту вѣсть, сочла за нужное заплакать; къ ней присоединилась мать и всѣ остальныя ея дочери.

Покой Ольгерда огласился воплемъ и плачемъ. Начались, по тогдашнему обычаю, причитаванья.

— Ну завыли,—сказалъ Ольгердъ, дѣлая недовольную гримасу; ну—чего выть-то? Радоваться нужно, а не плакать: князь Владиміръ по уму, да по знанію ратнаго дѣла, стоитъ и лучшей невѣсты... храбрость его прогремѣла по всей Руси, Литвѣ и Таταріи.

— Да она не о томъ плачетъ, замѣтила княгиня Іуліанія.

— А о чемъ же? спросилъ Ольгердъ.

— Что за мужъ приходится выходить, о дѣвичьей порѣ плачетъ, о разлукѣ съ родителями и родными,—сказала княгиня.

— Не весь же вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть... Пожалуй, если она хочетъ остаться дѣвицею, я неволить не буду,—заключилъ Ольгердъ.

— И, что ты, князь—батюшка! вмѣшался въ разговоръ шутъ Ѳомка, котораго читатель помнитъ по введенію въ романъ, и который въ настоящее время былъ сѣдъ какъ лунь. Такой товаръ долго закупоривши держать нельзя,—какъ разъ прокиснетъ.

— Слышишь, Олена, что говоритъ скоморохъ Ѳомка?—смѣясь на фразу шута, обратился Ольгердъ къ своей дочери.

— Ну, да не трожъ ее, князь, — сказала княгиня Іуліанія: пусть она поплачетъ; при такой вѣсточкѣ всѣ плачутъ... я сама, какъ была дѣвицею, когда услыхала о твоемъ сватовствѣ, такъ и завыла. Ужъ это такой обычай.

— А ужъ, если водится такой обычай, такъ позови, княгиня, своихъ сѣнныхъ дѣвицъ и рабынь, пусть всѣ воютъ, да плакальщицъ вели позвать со всей Вильны,—сказалъ, смѣясь, Ольгердъ.

Въ это время шутъ Ѳомка колесомъ подкатился къ Еленѣ Ольгердовнѣ.

— Княгинюшка, свѣтъ, Алена Андреевна, возьми меня съ собой въ приданое, — сказалъ онъ, кланяясь въ ноги Еленѣ Ольгердовнѣ.

— На что ты ей?—спросилъ Андрей Ольгердовичъ.

— Какъ на что?—въ приданое.... авось при мнѣ плакать не будетъ; я вѣдь не даромъ скоморохомъ называюсь.... а у князя

Владиміра жить хорошо: онъ храбрый и добрый князь, своихъ не грабитъ, чужихъ не бьетъ, а живыхъ въ полонъ беретъ, не такъ какъ твой дядя, князь Михаилъ—свѣтъ Александровичъ....

— Прикуси себѣ языкъ, шутъ—сердито замѣтилъ ему Ольгердъ.

— Прикусилъ, княже, прикусилъ... ой, прикусилъ, до крови прикусилъ! закрычалъ Ѳомка, вертясь колесомъ возлѣ Елены Ольгердовны.—Раздуетъ его теперь, разнесетъ... По неволѣ запоетъ онъ гусляромъ про Торжокъ городъ, да про Тверцу рѣку, какъ пылалъ—то этотъ городъ въ огнѣ, въ пламени, и какъ жарились люди добрые въ своихъ домахъ, какъ тонули во рѣкѣ Тверцѣ старики, мужи и жены и малыя дѣти, а отъ крови вся вода покраснѣла, а отъ вопля вся рѣка всколыхалася. Не отъ злаго татарина пламя раздувается, не татарскій ханъ прудитъ людьми Тверцу рѣку: спотѣшается надъ Торжкомъ князь христіанскій; онъ стоитъ на пожарищѣ, ухмыляется, да своей дружинѣ похваляется: гой вы, витязи мои, гой вы славные! Разкажите всѣмъ по бѣлу свѣту про мою силу могучую. На Москву пойду и Москву спалю, а побьютъ меня, до Литвы убѣгу: тамъ есть шуринъ мой, есть сестра моя. Какъ ударю имъ челомъ до земли, какъ зальюся я.......

— Ѳомка! будетъ тебѣ, — сказала княгиня Іуліанія Александровна.

— Не трогай, дурака: пусть его, замѣтилъ ей Ольгердъ, понимая смыслъ пѣсни. — Кто же этотъ князь христіанскій? Ты скоморохъ назови его по имени, а то, пожалуй, Алена подумаетъ, что ты говоришь про ея жениха Владиміра.... Бабы неразумны...

— И, что ты, князь! княгинюшка Алена разумнѣе твоего дурака Ѳомки,—сказалъ шутъ, смотря на прячущуюся Елену Ольгердовну. Полно тебѣ, княгинюшка, плакать,—наплачешься еще въ волю, когда повезутъ тебя къ жениху Владиміру... и я тогда завою на прощанье, жаль мнѣ будетъ съ тобою разставаться. На моихъ глазахъ ты выросла, расцвѣла маковымъ цвѣтомъ, а я на твоихъ глазахъ посѣдѣлъ какъ лунь; состарѣлся въ шуткахъ, да въ забавахъ.... уѣдешь ты къ своему жениху храброму и меня больше въ живыхъ не увидишь, потому скоро на тотъ свѣтъ шутить пойду...

— Спѣлъ бы ты, Ѳомка, пѣсню какую нибудь веселую, чѣмъ кручинить насъ,—сказала Іуліанія Александровна.

— Вонъ! возьми его,—продолжалъ шутъ, указывая на входящаго бояриня Гаштольда:—онъ пѣсню тебѣ лихую споетъ.

— А это ты, бояринъ?—Обратился Ольгердъ къ Гаштольду.

— Я,—отвѣчалъ Гаштольдъ, заливаясь слезами.

— Вишъ, какую веселую затянулъ: точь въ точь, какъ поетъ княгинюшка Олена. Какъ разъ въ плясъ пустишься...—замѣтилъ Өомка.

— Шутъ! молчи,—замѣтилъ ему сердито Ольгердъ.

— Молчу, молчу... отвѣчалъ шопотомъ Өомка.

— Великій князь! началъ Гаштольдъ: прикажи злодѣямъ, которые отняли у меня жену мою, отнять и мою голову... не куда и не къ кому склонить мнѣ ее теперь... Домъ мой разграбленъ, холопы мои иные перебиты, а иные разбѣжались; храмъ молитвы оскверненъ и поруганъ, въ немъ теперь гуляетъ вѣтеръ, какъ въ чистомъ полѣ... монахи замучены лютою смертью... что за жизнь моя безъ жены, безъ дома молитвы?!...

— Бояринъ! горе твое велико, ты упалъ духомъ, но вспомни, что ты христіанинъ, а христіанамъ не подобаетъ своими воплями радовать сатану. Обратись съ молитвою за утѣшеньемъ къ царю небесному. Скорбѣть тебѣ особенно нечего, душа жены твоей теперь находится тамъ, гдѣ дай Богъ и нашимъ съ тобой сподобиться,—говорила съ участіемъ Гаштольду княгиня Іуліанія Александровна.

— Садись, бояринъ, сказалъ Ольгердъ Гаштольду, показывая на скамью противъ себя: у тебя, какъ вижу, горло отъ слезъ пересохло, ну вотъ промочи его, легче будетъ. Съ этими словами онъ самъ налилъ чашу малвазіи и подалъ Гаштольду.

Гаштольдъ поклонился, и сѣвъ на скамью прихлебнулъ два раза изъ кружки. Ему было вовсе но до малвазіи и онъ пропустилъ два глотка только потому, что въ тѣ времена отъ чаши великаго князя никто, ни въ какомъ случаѣ, не смѣлъ отказываться.

— Горю твоему я печалюсь не меньше твоего,—продолжалъ Ольгердъ. Но, что сдѣлано, того нельзя воротить.... отъ сына Андрѣя я все узналъ, какъ было дѣло, и кто убійца твоей жены. Разкажи ему Андрѣй...

— Говорилъ я ему, князь—батюшка, отвѣчалъ Андрей Ольгердовичъ.

— Дѣло это, бояринъ, я такъ не оставлю: виновные не уйдутъ отъ казни.... я ихъ отдаю въ твою волю, дѣлай съ ними что хочешь.

Начинай хоть съ сего же дня розыскъ по всей Вильнѣ, твори судъ, да не забудь поразвѣдать объ криве-кривейто: онъ, какъ я думаю, главный зачинщикъ этой смуты. Только съ нимъ ты не очень круто поступай, народъ, пожалуй, встанетъ за него... если улики сильныя будутъ противъ него, тогда тащи его къ суду, пора же съ нимъ покончить!.. а если уликъ сильныхъ не будетъ, то не трогай его... пощады не давай никому въ этомъ дѣлѣ, христіанинъ-ли будетъ, язычникъ-ли, мнѣ все равно, виновенъ казни смертію.... а что у тебя разграблено и чего не хватаетъ найдешь у меня. Холоповъ и слугъ я прибавлю тебѣ... а чтобы впредь такой смуты не случилось, тебѣ совѣтую построить новый латинскій храмъ молитвы по далѣе отъ Ромнове, сосѣдомъ криве-кривейту опасно держать... цвѣтистый лугъ у виленскихъ горъ,— гдѣ стоитъ языческая божница богини Грубите, — я отдаю тебѣ въ вѣчное владѣніе: сломай эту божницу и на мѣстѣ ея воздвигни латинскую молельню,—говорилъ. Гаштольдъ, приподнявшись, поклонился до земли.

— Великій князь! за милости твои ко мнѣ и за твои радѣнія обо мнѣ несчастномъ спасибо. Бью тебѣ челомъ за это. Но душа моя не ищетъ крови людской... Христосъ заповѣдалъ прощать своимъ врагамъ..... видно такъ угодно Господу.... отъ земли, да дома молитвы я не откажусь, а отъ розыска и суда избавь меня.... говорилъ Гаштольдъ.

— Такого дѣла безнаказанно оставлять нельзя, замѣтилъ ему Ольгердъ.

— Твоя воля, великій князь, отвѣчалъ Гаштольдъ.

— И моя воля, что бы виновные пострадали....

— Дозволь мнѣ, великій князь, видѣть убійцу моей жены, да поразспросить ее о послѣднемъ часѣ моей Анны....

— Ступай распроси ее, да приходи сюда.—Вотъ тебя Андрей проводитъ, сказалъ Ольгердъ.

Гаштольдъ снова поклонился и вышелъ изъ покой вмѣстѣ съ Андрѣемъ Ольгердовичемъ. Въ воротахъ верхняго замка попался имъ Ягайло. Гаштольдъ молча поклонился ему. Ягайло, при видѣ Гаштольда, поблѣднѣлъ.

— Гдѣ ты, братъ Яковъ, былъ? Спросилъ его Андрей Ольгердовичъ.

— Въ церкви молебенъ служилъ, отвѣчалъ Ягайло, не смотря на Андрея Ольгердовича.

Но вотъ загремѣли ключи и дверь въ знакомое намъ подземелье отворилась.

Андрей Ольгердовичъ и Гаштольдъ застали Пояту на колѣнахъ, рыдающую и какъ будто-бы молящуюся.

Гаштольдъ долго всматривался въ лице ея.

— Ты убила мою жену? Спросилъ онъ Пояту.

Поята затряслась и встала на ноги.

— Я, прошептала она.

— За что? что она тебѣ сдѣлала? спрашивалъ Гаштольдъ.

— За то, что она была христіанка, отвѣчала Поята, отворачиваясь отъ взглядовъ Гаштольда.

— Что она говорила умирая? продолжалъ Гаштольдъ.

— Она молилась Іисусу Христу, чтобы онъ принялъ ея душу, отвѣчала Поята и, зарыдавъ упала на солому.

Гаштольдъ, что то еще хотѣлъ спросить Пояту, но тоже, зарыдавъ, махнулъ рукою и вышелъ изъ подземелья.

— Пойдемъ, бояринъ, къ батюшкѣ, князю Ольгерду, сказалъ Андрей Ольгердовичъ.

— Не могу.... не неволь меня, ты самъ, князь, видишь, что мнѣ теперь не до разговоровъ... дай сперва выплакать свое горе на могилѣ жены, потомъ я приду къ великому князю, а теперь пусть не гнѣвается,—сказалъ Гаштольдъ, спускаясь съ замковой горы.

Тѣло красавицы Анны Гавриловны Гаштольдъ было похоронено въ саду, близъ разграбленнаго костела.

За неимѣніемъ въ Вильнѣ р.-католическаго священника, ее отпѣвали православные въ церкви Успенія Божіей Матери. Главнымъ священнодѣйствующимъ лицемъ былъ архимандритъ Давидъ, при громадномъ стеченіи православныхъ разныхъ званій, половъ, и при в. к. Іуліаніи Александровнѣ съ ея дѣтьми.

Какъ хороша была Анна Гавриловна въ гробу! На блѣдномъ, будто живомъ, лицѣ, выражалась благоговѣйная торжественность. Много слезъ было пролито надъ нею молящимися, всѣ считали ее мученицей за Христа.

Но обратимся къ Гаштольду.

Безутѣшный, супругъ, придя на могилу своей жены, цѣлый день рыдалъ до поздняго вечера.

На утѣшенія окружавшихъ его бояръ онъ отвѣчалъ рыданіями.

— Добрые люди! Заройте меня въ эту могилу рядомъ съ моей милой женою.

Пусть мы будемъ не разлучны съ ней... пусть сердце мое не рвется отъ горя... пусть вѣчный сонъ сомкнетъ мнѣ очи... убейте меня, мнѣ легче будетъ,—говорилъ сквозь рыданія Гаштольдъ.

Друзья Гаштольда съ трудомъ оторвали его отъ могили жены и силою привели домой.

Ночью съ нимъ сдѣлался жаръ, онъ началъ бредить, а на утро былъ совершенно безъ памяти и никого не узнавалъ.

С. Калугинъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

*Продолженіе *).*

ГЛАВА III.

Въ то время, когда старикъ Гольдгеймъ, сопутствуемый чиновникомъ, направлялся къ замку намѣстника, въ пріемной послѣдняго находилось уже большое собраніе людей различнаго званія и пола, тамъ были: военные и гражданскіе начальники, блюстители благочинія, женщины, наряженныя въ черное и агенты повстанія; всѣ они нетерпѣливо ждали минуты, въ которую г. намѣстникъ удостоитъ ихъ своей аудіенціи. Между тѣмъ въ пріемной полушумно, полу-спокойно. Раздаются звонкій говоръ, глухой шопотъ однихъ въ перемежку со вздохами и охами другихъ. Чу!.. водворилось сдержанное затишье: старый Гольдгеймъ

---

*) См. 2 и 6 кн. Вѣстника Зап. Россіи за 1868 годъ.

невѣрными шагами вошелъ въ залу собранія. Невыразимое смущеніе овладѣло имъ при видѣ, что всѣ безъ исключенія обратили на него свои глаза и своими пронизывающими взглядами словно старались допытываться, какія сокровенныя мысли лежатъ на днѣ его души. Попадались даже взгляды, крупно посоленные презрѣніемъ. Старикъ совершенно смѣшался и, убитый мыслью, что его оклеветали передъ намѣстникомъ, прислонился у задняго угла комнаты. Немного погодя, подошелъ къ нему сопровождавшій его чиновникъ.

— «Сейчасъ я васъ, г. Гольдгеймъ, представлю г. намѣстнику»; съ этими словами онъ отперъ дверь въ другую залу, куда вошелъ и старикъ. Такое особенное расположеніе къ недавно пришедшему еврею ошеломило все собраніе, оно не могло надивиться этому странному явленію и не знало какъ и чѣмъ объяснить его. Бывшія здѣсь женщины и агенты, подъ вліяніемъ одолѣвшей ихъ подозрительности, обмѣнивались злостными замѣчаніями.

— Это никакъ доносчикъ? началъ одинъ.

— Да, да, очень вѣроятно, отозвался другой.

— Сынъ этого жида также доносчикъ,—ввернулъ свое словцо третій.

— Ни чуть неудивительно замѣтилъ четвертый, вѣдь онъ тоже исчадіе ехидныхъ жидовъ, а извѣстно, что они доносчики и ничего больше.

— Вы г. Гольдгеймъ? спросилъ г. намѣстникъ вошедшаго старика. Невозмутимо величавое лицо намѣстника выражало строгость; оторопѣвшій Гольдгеймъ отвѣсилъ почтительный поклонъ, но не проговорилъ ни слова, какъ будто языкъ отнялся у него.

— Про васъ, г. Гольдгеймъ, мнѣ разсказывали много лестнаго; вы, во время такого бурнаго взрыва крамолы, сохраняете непоколебимую преданность своему Государю. Честь и слава вамъ!..

Слова намѣстника были для стараго Гольдгейма цѣлительнымъ бальзамомъ; отрадно было ему услышать отъ намѣстника, что онъ не причастенъ къ измѣнникамъ.

— Вы имѣете большое вліяніе на вашихъ единовѣрцевъ, продолжалъ намѣстникъ, вы въ состояніи навести ихъ на путь истины.

— Вашему сіятельству я долженъ сказать сущую правду. Я доселѣ еще ни разу не попытался дѣйствовать на моихъ единовѣрцевъ и потому о силѣ моего вліянія ничего опредѣлительнаго не могу сказать.

— Прошу вас всѣми зависящими отъ васъ мѣрами отвратить вашихъ единовѣрцевъ отъ гибельной дороги, на которую они вступаютъ, поддавшись паущеніямъ праздныхъ интригановъ. Слушайте, я возлагаю на васъ эту святую обязанность, образумьте своихъ единовѣрцевъ, откройте имъ глаза, и они увидятъ зіяющую подъ ними бездну. Исполните свою миссію и ваши заслуги будутъ оцѣнены мною.

— Положитесь на меня, ваше сіятельство.

— Мнѣ не надо пустыхъ завѣреній: вы должны сбросить съ себя лицемѣрный покровъ и откровенно высказать ваше мнѣніе о дѣлѣ, которое я вамъ поручаю. Не стѣсняйтесь, не робѣйте. Я предпочитаю хулу и нападки открытаго врага льстивымъ заявленіямъ низкихъ ласкателей и угодниковъ. Изъ подъ личины часто выглядываетъ убійца. Скажите чистосердечно намѣрены ли вы уговорить вашихъ единовѣрцевъ прекратить свои сношенія съ поляками, не измѣнять своему благодѣтелю Государю, который, въ отеческой своей заботливости, блюдетъ покой и счастье всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ? Я вполнѣ увѣренъ, что вы въ состояніи отклонить евреевъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскаго правительства.

— Ваше сіятельство велѣли мнѣ говорить откровенно и ложь, дѣйствительно, будетъ чужда моихъ устъ. Я, какъ вѣрноподданный, желаю, чтобы мои единовѣрцы не сочувствовали полякамъ, но при всемъ томъ порученіе ваше имѣетъ мало шансовъ на счастливое выполненіе. Чрезвычайно еще слабы нити, связывающія евреевъ съ русскими. Всѣ мои усилія сокрушатся о непреодолимую стѣну еврейскихъ антипатій, порожденныхъ ихъ стѣснительнымъ положеніемъ. Я буду имъ толковать о преданности Государю, Россіи, о гнусности измѣны, они мнѣ скажутъ; мы во все не граждане Россіи, мы только пришельцы. Сама Россія знакома намъ по наслышкѣ, мы не имѣемъ права селиться во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, не смотря на то, что въ мѣстахъ

нашей осѣдлости буквально задыхаемся отъ чрезмѣрной конкуренціи и дѣлаемся добычею неумолимой нищеты.

— Сужденья вашихъ единовѣрцевъ крайне ошибочны. Русское правительство, можно сказать, уврачевало и продолжаетъ врачевать раны, нанесенныя евреямъ польскимъ калѣчествомъ. Оно многое сдѣлало для улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Нѣтъ спору, что евреи по сіе время подвержены нѣкоторымъ ограниченіямъ, но на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на временныя непріятности, которыя изчезнутъ при первой возможности. Вы, должно быть, сами понимаете, что жизнь вашихъ единовѣрцевъ пестритъ многими несообразностями, которыя, при болѣе расширенныхъ правахъ, могутъ произвести дисгармонію въ цѣломъ государственномъ строѣ. Люди, сжившіеся съ тьмою должны исподоволь привыкать къ свѣту. Наше правительство весьма послѣдовательно въ своей программѣ. Когда евреи сдѣлаются способными къ воспріятію всѣхъ гражданскихъ правъ, тогда они ихъ получатъ. Далеко иначе смотрятъ на васъ поляки! Польское высокомѣріе считаетъ евреевъ подонками человѣчества, оно стыдится имѣть съ ними всякое общеніе. Вотъ поглядите, улицы кишмя кишатъ людьми, а спросите любого изъ нихъ согласится ли онъ, что бы еврей жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ.

— Ваше сіятельство! слова ваши неопровержимы. Но, къ величайшему сожалѣнію, мои единовѣрцы слишкомъ увлечены, слишкомъ обворожены польскими обѣщаніями; они предаютъ забвенію всѣ обиды, которыя терпѣли отъ поляковъ и готовы ринуться, зря въ манящую даль будущаго, освѣщеннаго искусственными огнями. Евреи думаютъ, что при ихъ помощи, поляки достигнутъ осуществленія своихъ фантастическихъ мечтаній и тогда паны-поляки, сжалившись надъ ними, съ отверстыми объятіями примутъ ихъ въ свою среду.

— Странно, очень странно, что ваши единовѣрцы, вопреки здравому смыслу, повѣрили польскимъ широковѣщаніямъ. Обѣщанныя поляками блага закрыли имъ глаза и они не видятъ, чѣмъ кончится ихъ опасная стачка съ измѣнниками. Вы, кажется, человѣкъ уже пожилой, вы помните, вѣроятно, трагическій финалъ мятежа тридцатаго года. Вы помните, какъ отрекомен-

довали себя поляки, по миновании смутъ, тѣмъ самымъ евреямъ, которыхъ они прежде ублажали, просто на рукахъ носили. Нуждаясь въ евреяхъ, они пускали въ ходъ различныя приманки, когда же счастье начало склоняться на ихъ сторону, прежніе благодѣтели стали придумывать средства истребить евреевъ. Вѣнцомъ всѣхъ ихъ плановъ была гуманная мысль изгнать евреевъ изъ своей страны.

— Помилуйте, ваше сіятельство, я уже вамъ сказалъ, что мои мнѣнія діаметрально противоположны мнѣніямъ моихъ единовѣрцевъ. Я хорошо понимаю несбыточность польскихъ бредней, но мои единовѣрцы принимаютъ за чистую монету фальшивыя ноты польско-іезуитской дипломатики. Одинъ польскій коноводъ подалъ имъ надежду, что ихъ услуги польской справѣ будутъ щедро вознаграждены, и они ухватились за эту приманку обѣими руками.

— Изъ всего нашего разговора видно, что ваши единовѣрцы безповоротно отдались полякамъ, увѣровавъ, что ихъ слова очень вѣски. Но развѣ ваши единовѣрцы, спрашиваю васъ, сказалъ намѣстникъ сильно разгнѣванный, на столько утратили здравый смыслъ, что не понимаютъ очевидной нелѣпости польскихъ революціонныхъ попытокъ? Можетъ ли горсть пигмеевъ потрясти исполинскую державу? Русское правительство пока еще снисходительно относится къ польскимъ затѣямъ, но если агитаторы не угомонятся, оно однимъ мановеніемъ руки прихлопнетъ ихъ къ землѣ. Я не допущу, чтобы гидра крамолы буйствовала безнаказанно, я открою всѣ тайныя польскія махинаціи, разрушу всѣ оплоты мятежниковъ и страшное возмездіе свершится! Не пощажу никого, возмутители порядка, вмѣстѣ съ своими помощниками, погибнутъ.

— Ваше сіятельство! сказалъ старикъ испуганнымъ голосомъ, не забудтьте, что сказанное мною не мои личныя убѣжденія, а неопытной молодежи. Мнѣ вполнѣ извѣстно, что всѣ ея надежды подбиты вѣтромъ и участіе въ мятежѣ будетъ сопровождаться самыми грустными послѣдствіями.

— Отъ перваго пушечнаго выстрѣла они разбѣгутся съ поля битвы; но пусть тогда сѣтуютъ на свою глупость. Теперь тоже уже слѣдятъ за разными подозрительными лицами; рано или поздно они откроются и понесутъ заслуженную кару. Вы теперь рас-

полагаете судьбою вашихъ единовѣрцевъ; ступайте, помните мои слова.

Вышедши отъ намѣстника, старикъ Гольдгеймъ въ другой разъ сдѣлался мишенью презрительныхъ взглядовъ. Прямые и косвенные пайщики революціонной компаніи приняли его за доносчика, которому во чтобы то ни стало, нужно будетъ отомстить.

Къ Гольдгейму приблизился человѣкъ въ военной формѣ и отозвалъ его въ сторону. Старикъ догадался, что онъ хочетъ сообщить ему кое-что секретное.

— Что вашей милости угодно? спросилъ старикъ.

— Неужели вы меня не узнали? Улыбнувшись спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ старикъ.

— Я узналъ, что вы тотъ самый г. Гольдгеймъ, который жилъ когда-то въ Вильнѣ. Вы теперь живете съ сыномъ и дочерью на улицѣ №?

— Точно такъ, милостивый государь.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ. Помните ли вы, сказалъ военный, выходя на улицу, казначея, который въ Вильнѣ промотался въ конецъ, ухлопалъ весь свой достатокъ и обокралъ казну. Онъ могъ угораздить въ тюрьму, но вы одолжили ему деньги и великодушно спасли отъ погибели.

— Помню; это былъ г. Бураковъ.

— Это я, сказалъ тотъ съ чувствомъ. Благодаря стеченію обстоятельствъ, я въ силахъ вамъ теперь отслужить за оказанную вами мнѣ услугу. Давеча узналъ я, что въ вашемъ домѣ хранятся орудія мятежа, но долгъ платежемъ красенъ, я долженъ васъ спасти.

— Право, я не понимаю васъ, сказалъ старикъ съ содраганіемъ.

— Запираться вамъ не для чего. Вы видите что я знаю всю подноготную. Подѣлись я съ намѣстникомъ моимъ открытіемъ, я бы много выигралъ по службѣ, но я рѣшился не видѣть вашихъ политическихъ затѣй, чтобы не погубить своего спасителя.

— Клянусь вамъ всѣмъ для меня святымъ, что я васъ не понимаю.

— Вы не знаете, что въ вашей домовой молельнѣ стоитъ ти-

пографія для печатанья польскихъ прокламацій? Вашъ сынъ и дочь даже помогаютъ работникамъ.

Кипяткомъ обдало старика; онъ едва могъ пробормотать.

— Въ моемъ домѣ? сынъ мой? дочь моя?

— Молчите. Это дѣло не шуточное, будьте осторожны. Выпутаться изъ бѣды вы можете только черезъ посредство краснаго пѣтуха, подожгите вашъ домъ, я вамъ совѣтую, и все улетучится дымомъ пожара.

— Могу ли я вѣрить вамъ? сказалъстарикъвъзамѣшательствѣ.

— Вы еще сомнѣваетесь?

— Мнѣ плохо вѣрится, чтобы вы покровительствовали человѣку, который, по вашему мнѣнію, осквернилъ себя измѣной, единственно потому только, что онъ когда-то услужилъ вамъ. Въ вашихъ словахъ, навѣрно скрывается злой умыселъ; вы хотите подвести меня подъ обухъ.

— Ахъ! сказалъ Бураковъ съ состраданіемъ; несчастье ваше заслоняетъ вамъ глаза и вы не различаете между другомъ и врагомъ. Вы подозрѣваете на каждомъ шагу страхи, опасности и сквозь черную дымку принимаете за врага человѣка, который дружески протягиваетъ вамъ руку. Но я вамъ отъ всего сердца извиняю ваше дурное мнѣніе обо мнѣ. Мнѣ необходимо объясниться съ вами въ подробности. Вы, изумляетесь отъ чего я не выдалъ васъ въ руки правосудія? А вотъ почему. Я хотѣлъ прежде поговорить съ вами, чтобы не обвинять васъ голословно. Долгъ велитъ мнѣ быть глухимъ даже къ моимъ друзьямъ, если ихъ поступки идутъ въ разрѣзъ съ цѣлями правительства. Передъ долгомъ умолкаютъ личныя расположенія къ кому-либо, и если бы я убѣдился, что вы сочувствуете полякамъ, наводите подземныя пружины для ниспроверженія законнаго порядка, я бы представилъ васъ его сіятельству безъ всякой проволочки. Теперь я знаю, что вы вѣрноподданный русскаго монарха, только сынъ вашъ, человѣкъ молодой, съ неперебродившими идеями, былъ вовлеченъ въ мятежъ ухищреніями поляковъ.

— Извините меня, что я васъ оскорбилъ моею недовѣрчивостью и мелочною подозрительностью, отвѣтилъ старикъ, тяжело вздохнувъ.

— Не надо извиненій. Поторопитесь домой, не откладывайте исполненіе моего совѣта въ долгій ящикъ; прощайте.

ГЛАВА IV.

Карлъ на всѣхъ рысяхъ спѣшилъ къ Ауреліи. Черезъ праздничный обликъ его ярко сквозилъ восторгъ любви, съ перваго взгляда можно было бы догадаться, что зазноба смертельно ужалила его сердце. Пренепріятный казусъ съ отцомъ, правда, покрылъ легкою рябью свѣтлое настроеніе его души, но въ данную минуту въ ней царила такая тишь, да гладь, счастіе было такъ полно, такъ безконечно, что Карлъ окончательно забылъ мірскія горести: буднишняя, сѣренькая обстановка преобразилась, облеклась въ прелестныя формы. Передъ нимъ носятся амурчики; любо смотрѣть на проказы этихъ милашекъ; мало-по-малу они стушовываются, исчезаютъ, и стройный образъ Ауреліи является во всеоружіи, со всѣми своими неотразимыми чарами. Мерещится ему ея волшебная улыбка, пропитанная нѣжностью, звенятъ чудные звуки ея восхитительнаго голоска и явственно слышатся слова: приди, приди, мой дорогой, ненаглядный. Наконецъ онъ приблизился къ вожделѣнной обители обожаемаго предмета. Внутренно замирая отъ избытка радости, Карлъ схватился за ручку, но, о ужасъ! двери были заперты. Точно огорошенный остался онъ на мѣстѣ и съ изумленіемъ устремилъ свои взоры на ненавистныя двери, въ чаяніи, что вдругъ онѣ раскроятся, Аурелія, словно пташка, выпорхнетъ ему на встрѣчу, обойметъ его и приголубитъ. Прошло нѣсколько времени тягостнаго ожиданья, въ домѣ глухо, ни шелеста. Смутная, но жгучая боль тонкими иглами начала скользить по всему существу юноши. Разныя мысли, одна другой мрачнѣй, нахлынули со всѣхъ сторонъ. Отъ подобныхъ мыслей ознобъ прошибала его на сквозь.

— Аурелія тебя не любитъ, а только морочитъ. Она маскируется, сорви маску, и ты увидишь подъ ней улыбку презрѣнія. Карлъ старался вытѣснить такія скверныя думы изъ головы, но все было напрасно. Впрочемъ, тяжелое раздумье Карла длилось не долго, онъ опомнился и почти вслухъ воскликнулъ. Тьфу, ты

пропасть! что за архи-мерзость лѣзетъ въ голову!... Аурелія измѣнитъ?!! нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Она чиста, какъ ангелъ, непорочна, какъ голубь. Слетайтесь духи горные и объявите мнѣ измѣну Ауреліи, я вамъ тоже не повѣрю, васъ гложетъ червь зависти, васъ бѣситъ мое счастье... Попробую еще разъ стучать.

Раздался звонкій стукъ; никто не откликается. Сомнѣнія змѣями вновь прокрались въ грудь Карла. Шагаясь, какъ пьяный, Карлъ отправился домой. Какая перемѣна декораціи!... Теперь свѣтъ совершенно опостылъ Карлу; обычной тропой поплелась невзрачная жизнь.

Когда Карлъ испытывалъ такія пытки душевныя, Аурелія, съ другимъ записнымъ патріотомъ, посвящала свои досуги пользамъ отчизны. Сподвижникъ ея былъ человѣкъ на видъ уже довольно пожилой: лицо его, отмѣченное клеймомъ дряхлаго возраста, оживлялось только глазами, метавшими пламя. Вмѣстѣ они опрастывали гробы, вынимая оттуда письма, деньги, географическія карты и раскладывали эти мятежническія снадобья по паркету. Аурелія часто высматривала черезъ окно не идетъ ли какой нибудь нахалъ нарушить ихъ благонамѣренныя занятія. Увидѣвъ Карла, она сказала старику: Гельдгеймъ идетъ. Старикъ промолчалъ, сердито махнулъ рукой, глаза его заблистали дикою свирѣпостью. Потомъ, по уходѣ Карла, Аурелія дернула за сонетку и передъ ней, какъ листъ передъ травой, предсталъ старый слуга.

— Почему ты вернулся такъ поздно? спросилъ старикъ.

— Пришелъ уже съ полчаса, но не осмѣлился войдти, прежде чѣмъ меня позвали,—подобострастно отвѣтилъ слуга.

— Ну, ладно. А чтоже ты увѣрился въ ихъ благонадежности?

— Все исполнилъ, какъ ваша милость приказали.

— Позови ихъ.

— Двое внесли гробъ, слуга проворно собралъ разсѣянныя бумаги и тщательно спряталъ въ принесенный гробъ.

— Вотъ деньги, расплатись съ ними. Ты ихъ проводи до богадѣльни, у костела ждите меня, я скоро прибуду.

Всѣ вышли, старикъ остался одинъ съ Ауреліей.

— Немедленно, сказалъ старикъ къ Ауреліи, соберутся наши,

и мы посовѣтуемся о текущихъ дѣлахъ. Покамѣсть я иду въ костелъ. Тебѣ же, Аурелія, нечего бояться, я ловко схоронилъ концы и ничто не можетъ изобличить наши замыслы. Однако, для большей безопасности, вели подать къ столу. Можетъ быть, нелегкая принесетъ къ намъ москалей, тогда они подумаютъ, что мы пришли на банкетъ.

Дѣйствительно, спустя часъ времени, нагрянула въ домъ Ауреліи вожаки повстанья, или правильнѣй «столпы великаго будованія,» большею частью неоперившіеся паничи изъ дворянскаго круга. Они размѣстились кругомъ стола, Бѣсовскій занялъ предсѣдательское мѣсто, на право отъ него сѣла Аурелія.

Тишина глубокая.

— Знаете ли вы, ясневельможные панове, началъ Бѣсовскій торжественно, за чѣмъ я пригласилъ васъ сюда?

Всѣ молчали.

— Не для обсужденія средствъ къ войнѣ, продолжалъ старикъ, не для того, чтобы бражничать здѣсь, но для того, чтобы сообщить вамъ важную новость. Незадолго передъ тѣмъ мы всѣ находились на рубежѣ гибели, которая внезапно готова была разразиться надъ нами. Одинъ изъ нашей среды, панове, подло измѣнилъ намъ.

Неистовый крикъ ужаса вырвался у всѣхъ присутствующихъ.

— Въ тридцатомъ году наши поляки тоже встрепенулись, воспрянули противъ москалей, вскипѣла жестокая борьба, кровь лилась ручьемъ, ораторствовалъ Бѣсовскій, съ возрастающею яростью; но тогда мы не искали жидовской опоры, надѣялись на собственныя силы, на собственную доблесть. Теперь же мы стали обращаться съ просьбами о помощи къ этому отверженному племени, которое неоднократно обнаруживало передъ москалскимъ правительствомъ наши патріотическія предпріятія. Вотъ Аурелія, она достойна порицанія, находится въ любовной связи съ однимъ молодымъ жидкомъ, котораго она возвела въ наши сочлены. Этотъ то господинъ, посвященный во всѣ революціонныя таинства, и продалъ насъ.

— Вы говорите неправду, панъ Бѣсовскій,—сказала Аурелія, задѣтая за живое. Честью вамъ клянусь, что одна только лю-

бовь къ ойчизнѣ руководила мною въ моихъ отношеніяхъ къ Гольдгейму; она повторяю, и заставила меня употребить въ дѣло средства, оскорбляющія мое честное имя польской гражданки,— приласкать жида, къ которому я питаю врожденную, большую ненависть, чѣмъ вы сами. Одно утѣшеніе для меня, что мои труды не остались безъ плода. Обольщенный моей мнимой любовью, онъ слѣпо мнѣ повиновался, исполнялъ всѣ мои приказанія и, не преувеличивая, скажу, много содѣйствовалъ возрожденію нашей ойчизны.

— О, конечно! онъ до того усердствовалъ, что возымѣлъ намѣреніе вывести на чистую воду наши тайны, насмѣшливо замѣтилъ Бѣсовскій. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что тотъ же самыйГольдгеймъ, хваленный доброжелатель Польши, былъ у намѣстника; выходя онъ шушукался съ какимъ-то чиновникомъ изъ противнаго лагеря. Ну-съ, панове, какъ вамъ нравятся такіе подвиги.

Чела завзятыхъ ратоборцевъ Польши закипѣли злобой. Плоская ругань посыпалась изъ ихъ устъ съ акомпаниментомъ обильнаго изверженія проклятій.

— Но, благодаря единственно моей неутомимой бдительности, негодяй попадется въ просакъ. Я, панове, велѣлъ сбыть изъ его дома всѣ запрещенныя вещи, когда же москальскія власти придутъ, никакихъ уликъ не окажется. Теперь, конечно, вы поняли цѣль нашего общаго собранія. Мы обязаны произнести приговоръ надъ безчестнымъ измѣнникомъ. По моему, онъ долженъ поплатиться смертію за свое преступленіе. Позвольте спросить ваше мнѣніе панове?

Смерть, смерть измѣннику, Іудѣ-предателю! Онъ вздумалъ доносить на насъ?! смерть, смерть ему, горланили съ остервененіемъ патріоты.

— Извините, ясневельможные панове, что я возвышаю голосъ въ пользу жида. Ради всегосвятаго прошу васъ не карать его, сжалиться надъ его молодостью. Вы черезъ-чуръ скоро осудили его, не призвали къ оправданію. Выслушайте его самаго, разберите дѣло, и опала, навѣрно, смѣнится милостью.

— Оставь, пожалуста, твои скорбныя причитанья, онѣ теперь

неумѣстны, сказалъ запальчиво Бѣсовскій. Сердобольствовать съ жидами намъ не къ лицу. Всѣ жиды, отпѣтые измѣнники, наши непримиримые враги, всѣ ихъ дѣйствія клонятся только къ нашему вреду. Одни жиды, панове, виновники нашихъ злоключеній, расходился Бѣсовскій, между ними произрастаютъ и зрѣютъ бѣдствія для насъ. Всѣми силами мы должны налегать на то, чтобы съ корнемъ вырвать жидовъ, нашихъ исконныхъ непріятелей. Каждый истый полякъ, которому близко интересы Польши, невозбранно можетъ убить жида, гдѣ онъ ни подвернется. Крупную оплошность мы сдѣлали, принявъ поганыхъ въ помощники, провозгласивъ братерство между поляками и жидами и зачѣмъ, спрашиваю, нужно было вилять около жидовъ съ сантиментальными изъявленіями дружбы, съ различными задабриваніями? Положимъ, мы хотѣли воспользоваться ихъ богатствами. Хорошо. Но къ чему нѣжности? По мнѣ, просто-на-просто, безъ околичностей слѣдовало отнять ихъ достояніе до тла. Намъ рѣшительно не-вдомекъ было, что дружась съ жидами, мы собственными руками кладемъ несмываемое пятно на нашу ойчизну. Если мы побѣдимъ, они, пожалуй, будутъ имѣть претензіи на полноправность, будутъ величать себя гражданами Польши. Если же, чего избави Богъ, потерпимъ фіаско, они первые явятся нашими врагами и насмѣшниками. Нѣтъ, не бывать тому, скрежетомъ зубовнымъ довершилъ свою филиппику рѣчистый панъ Бѣсовскій.

Аурелія,, сознавая подавляющую силу убѣжденія пана-Бѣсовскаго, безмолвствовала, остальные члены совѣщанія изъявили свое согласіе съ его мнѣніемъ.

— Вы клевещете на наше гуманное время, сказалъ баронъ Славадскій, человѣкъ съ широкимъ кругозоромъ, который рѣшился свѣтомъ истины разогнать тьму кромѣшнюю, застилавшую глаза его собесѣдниковъ. Снѣдаемые похотью къ политической автономіи, мы не видимъ той горячей работы, которую предъприняло человѣчество для очищенія себя отъ накопившейся на него вѣками тины. Повсюду человѣческіе принципы съ каждымъ днемъ дѣлаютъ большія и большія стяжанія, упраздняются старыя учрежденія, сдаются въ архивы многіе законы, которые столь долго тиранили цѣлыя народности и сословія. Я не хочу думать,

чтобы ваши воззрѣнія на евреевъ раздѣляли всѣ ревнители польской свободы; въ такомъ случаѣ, мы никогда не достигнемъ цѣли и понапрасну будемъ выбиваться изъ силъ. Гдѣ лежитъ существенная причина паденія и разложенія Польши? Не въ рабствѣ ли и во взаимной сословной враждѣ. Да, вотъ въ чемъ закваска нашей политической немощи, вотъ болячки, разъѣдавшія весь организмъ ех-Польши. Панове! Могла ли быть прочна наша самостоятельность, когда крестьяне, ядро населенія, находились въ самомъ плачевномъ положеніи? Мы ихъ смяли въ нашихъ ежовыхъ руковицахъ до maximum сжимаемости, окрестили постыднымъ именемъ «быдла», сами того не замѣчая, что систематическое уничиженіе и изнеможеніе этого сословія исподоволь подрываетъ фонды нашего собственнаго существованія. Высшее сословіе составляло касту людей блаженствовавшихъ, утопавшихъ въ невообразимой роскоши и внѣшнемъ лоскѣ; но баснословныя суммы, которыя тратились на заморскія и доморощенныя фацеціи, всею тяжестью легли на страдальческое, бѣдное крестьянство. Излишняя, глупая потачка высшему сословію и совершенное обезличеніе низшаго—вотъ отличительная черта нашего государственнаго устройства. Польша была лишена твердой почвы и въ самой себѣ носила зачатки смерти. Средняго сословія, въ настоящемъ смыслѣ слова, у насъ не было; эту прорѣху мы искуственно зашивали евреями; но, посмотрите, какихъ уродливостей мы не надѣлали нашимъ безалаберныъ управленіемъ? О важности средняго сословія, способствующаго скорѣйшей встрѣчѣ спроса съ предложеніемъ, не надо распространяться; хорошо организованное, оно обыкновенно бываетъ кровоносною жилою въ государствѣ, даетъ сильный толчокъ развитію торговли, промышленности; въ нашихъ же рукахъ, вслѣдствіе нашей прадѣдовской неумѣлости, оно стало ядовитымъ, отравляющимъ элементомъ. Каждый знаетъ, что роль еврэйства въ исторіи нашей экономической жизни, не очень казиста; евреи эксплуатировали нашу страну, вообще не отличались гражданскими добродѣтелями, но кого мы должны винить? Безпристрастіе, панове, отъискиваетъ искупительную сторону для еврейскихъ грѣховъ и, какъ ни обидно это для нашего самолюбія, говоритъ противъ насъ. Заботилось ли когда нибудь польское

правительство о томъ, чтобы преобразить евреевъ въ честныхъ граждан'ъ? Отвѣтъ, разумѣется, отрицательный, что доказывается отсутствіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ разумно къ этой благотворной цѣли. Наоборотъ наше шляхетство, пораженное привычкою, въ сладкомъ far niente, высасывать въ свою пользу всѣ соки государства, смотрѣло на евреевъ, какъ на ходячіе денежные мѣшки, которые созданы будто бы для того, чтобы черпать изъ нихъ золото, когда только захочется. Практическій умъ евреевъ скоро понялъ, чего добивается отъ нихъ шляхетство и, повинуясь чувству самосохраненія, они стали за одно, сдѣлались его пособниками на поприщѣ паразитства, эксплуатаціи. Шляхетству было даже съ руки потворствовать слабостямъ евреевъ потому, что чѣмъ жалче становилась доля крестьянъ отъ еврейскаго нажима, тѣмъ туже набивало свои карманы обжорливое шляхетство. Евреи эксплуатировали крестьянъ, а шляхта получала въ итогѣ, однимъ махомъ, жатву съ крестьянъ и евреевъ. Съ теченіемъ времени евреи такъ освоились съ своимъ положеніемъ, такъ заматерѣли въ своихъ хищническихъ пріемахъ, что подъ часъ не щадили и самаго шляхетства, и мошны ихъ полнѣли отъ панскаго золота и крестьянскихъ грошей. Было ли наше государство сплочено въ одно нераздѣльное цѣлое? Къ несчастію, наше государственное тѣло было (сшито) изъ различныхъ лоскутьевъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, расползались. Найдите мнѣ еврея, который бы питалъ къ Польшѣ поистинѣ сыновнія чувства, несмотря на то, что евреи въ Польшѣ разжились, благоденствовали. Не проявляется ли въ этомъ безсознательная месть людей къ той странѣ, которая извратила ихъ нравственную природу, втоптала въ грязь самыя неотъемлемыя человѣческія права. Кажется, что крестьяне тоже не могли имѣть никакихъ побужденій любить своихъ тирановъ-пановъ. А какая неладица и рознь господствовали въ самой шляхтѣ; отъ матеріальнаго пресыщенія и умственнаго убожества, паны успѣли развернуть свои конѣечные инстинкты до послѣднихъ предѣловъ самодурства и узкаго эгоизма; каждый изъ нихъ карабкался на недосягаемый другимъ пьедесталъ и честолюбивому Ваалу приносили въ жертву честь и совѣсть, интересы своей ойчизны. Естественнымъ слѣдствіемъ многочисленныхъ ано-

малій было то, что Польша не выдержала серіознаго натиска извнѣ и взлетѣла на воздухъ, напутствуемая знаменительными словами Костюшки: finis Poloniae.

Панове! не принимайте такихъ словъ за кощунство. Какъ жестоко онѣ ни затрогивали бы ваши патріотическія чувствованія, они суть искреннее выраженіе человѣка, болѣющаго о недугахъ своей ойчизны. Безхитростный очеркъ нашей прошлой неурядицы чреватъ поученіями въ предстоящей намъ дѣятельности. Повстанье вызвано къ бытію шляхетствомъ, крестьяне не будутъ намъ сочувствовать, евреевъ мы еще отталкиваемъ; мечами картонными что ли, мы будемъ бороться съ могучими врагами. *Единство*, панове, могущественно; оно не знаетъ препонъ, прорываетъ тормозящія народы плотины; самыя смѣлыя предпріятія съ нимъ удаются; безъ него мы слабосильны, и своими фантазіями смахиваемъ на донъ-кихотовъ. Настоящее настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобы мы покончили съ заплеснѣлыми началами государственной жизни, подкладкой которымъ служило феодальное понятіе о кастахъ. Съ крестьянами, съ евреями мы должны тѣсно соединиться, вдохнуть новую жизнь въ окоченѣвшіе члены нашей ойчизны, сбросить съ нея изношенный нарядъ, забрызганный разными пошлостями. Успѣхъ нашего дѣла возможенъ, ойчизна наша будетъ незыблема, какъ скала посреди морскихъ волнъ, если только мы разстанемся съ ошибками нашихъ предковъ.

Хуже ножа остраго была для всѣхъ слушателей рѣчь трезваго поляка. Бѣсовскій не нашелся что отвѣчать и воскликнулъ: будь что будетъ, а я никогда не поступлюсь въ пользу жидовъ ни одною пядью нашей земли; извести нужно окаянныхъ, и шабашъ! Путешествуя по Царству и Галиціи, продолжалъ баронъ Славадскій, какъ бы не разслушавъ грозныхъ словъ графа Бѣсовскаго, я близко сошелся съ евреями, научился любить и уважать ихъ. Я вынесъ одно убѣжденіе, что бранить евреевъ съ плеча крайне нелѣпо; наше презрѣніе къ нимъ обусловливается тѣмъ, что мы мало или совсѣмъ незнакомы въ ихъ внутреннею жизнью, не знаемъ, какія высоко нравственныя качества прячутся иногда подъ ихъ наружными рубищами. По нашему, еврей—воплощенное корыстолюбіе, ростовщичество; по нашему онъ лишенъ всякихъ воз-

вышенныхъ движеній сердца, способенъ только мошенничать, чтобы поживиться. Мѣркой для нашихъ сужденій о евреяхъ обыкновенно служитъ факторъ или мелкій торгашъ, которые, по своей профессіи стараются оплести васъ и даютъ надувательству самое широкое приложеніе въ повседневной практикѣ; а мы въ простотѣ души думаемъ, что всѣ евреи—факторы, торгаши. Мы забываемъ, что законъ, по которому происходитъ пониженіе честности, дѣйствуетъ одинаково на евреевъ, какъ и на другихъ; мы забываемъ, что бѣдность нигдѣ и никогда не была проводникомъ доброй нравственности. Не слишкомъ пеняйте на еврея-торгаша, обманувшаго васъ: этотъ еврей—нищій, дома жена воетъ, дѣти хоромъ поютъ: тятя, тятя, хлѣба, хлѣба! Когда нужда стучится въ дверь со всѣмъ своимъ причтомъ, рѣдко кто не подличаетъ. Стоитъ только изучить еврея при семейномъ очагѣ, и вы увидите, что онъ обладаетъ самыми богатыми задатками добра, подъ вліяніемъ которыхъ, при лучшихъ условіяхъ жизни и гражданственности, онъ можетъ сдѣлаться хорошимъ граждаданиномъ. Привязанность еврея къ домочадцамъ—поразительна; онъ любитъ ихъ съ самоотверженіемъ. Семейственность у евреевъ очень развита, семейное начало у нихъ не терпитъ ущерба и поруганія отъ посяганій разврата. Посмотрите, какъ благоговѣйно, тепло еврей молится Богу! Когда обстоятельства захватываютъ его въ свои желѣзныя тиски, онъ съ удивительною покорностью подчиняется тяжелому жребію и отъ одного Бога ждетъ облегченія своей участи. Семья и религія, неизсякаемый родникъ, откуда еврей заимствуетъ гиганскія силы для отраженія невзгодъ, которыя валятся на него справа и слѣва. Евреи могутъ гордиться предъ христіанами своею благотворительностью: въ домѣ каждаго еврея вы найдете прибитыя на стѣнахъ жестяныя кружки для сбора подаяній въ пользу неимущей братіи. Цѣлую недѣлю безъ устали и прерывовъ еврей тянетъ лямку, копошится въ муравейникѣ житейскихъ дрязгъ; въ субботу или праздникъ онъ совершенно перерождается, перемѣняетъ свои разодранныя лохмотья на чистое платье, отторгается отъ всѣхъ насущныхъ хлопотъ и предается отдыху, богомыслію, молитвѣ. Умилительно видѣть еврея, сидящаго въ субботу за трапезой съ женою и дѣтьми въ полномъ комплектѣ; кушаніе субботнихъ яствъ

приправляется застольными пѣснями даже и тогда, когда эти яства болѣе чѣмъ убоги—и по качеству, и по количеству. Еврей воздерженъ, пьянство почти небывалое явленіе въ евреѣ, не привыкшемъ жить на авось, въ распашку. Графъ! вы гремѣли проклятіями противъ евреевъ, обрекали ихъ на поголовное истребленіе; но будетъ ли это справедливо? Чѣмъ провинили всѣ евреи, если одинъ изъ нихъ намъ измѣнилъ? Что это за круговая порука и общая вмѣняемость? Можетъ ли мы обозвать все человѣчество сонмищемъ разбойниковъ на томъ основаніи, что на бѣломъ свѣтѣ попадаются разбойники? Не выгораживайте евреевъ изъ человѣческаго общества, примѣняйте къ нимъ обще-человѣческіе законы.

— Назидательныхъ проповѣдей мы не пришли сюда слушать, отвѣтилъ графъ Бѣсовскій, не помнившій себя отъ гнѣва. Наговорите хотъ три-короба краснорѣчивыхъ монологовъ о драгоцѣнныхъ перлахъ еврейскаго характера, мы не отмѣнимъ своего рѣшенія.

— Вамъ же будетъ хуже,—если то возможно,—сказалъ съ грустью и достоинствомъ баронъ Славадскій.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОСВЯЩЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

ОСВЯЩЕНІЕ КЛАДБИЩНОЙ ЦЕРКВИ,

въ деревнѣ Клепачахъ, ивашкевичскаго прихода, (Пружанскаго уѣзда.)

Въ прошломъ году происходило въ деревнѣ Клепачахъ, Ивашкевичскаго прихода, освященіе кладбищной деревянной церкви, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

Деревня Клепачи издавна отличается особеннымъ благочестіемъ и усердіемъ къ святой церкви своихъ жителей.

въ двухъ своихъ половинахъ, принадлежитъ она двумъ сосѣднимъ приходскимъ церквамъ: Ивашкевичской и Езерницкой, и причты обѣихъ церквей по справедливости считаютъ эту деревню лучшимъ украшеніемъ своихъ приходовъ. Въ этомъ отношеніи Клепачи можно ставить въ примѣръ и для всѣхъ ихъ сосѣдей. Хороша и ихъ деревушка, расположенная на двухъ горкахъ, открывающихъ привольный видъ обширной луговой равнины, по мѣстамъ испещренной мелкими лиственными рощицами и орошаемой обширнымъ такъ называемымъ *бездоннымъ* озеромъ, съ которымъ у народа соединено много смутныхъ преданій. И крестьянскіе дома въ Клепачахъ тоже не подъ стать избамъ по другимъ деревнямъ, чистые они, свѣтлые, по большей части съ трубами, а у нѣкоторыхъ хозяевъ внутреннія дворики такіе чистенькіе, что любо глядѣть.

Вотъ жителямъ этой деревушки и запала на сердце добрая мысль украсить родное кладбище храмомъ Божіимъ. А починъ этому дѣлу принадлежитъ крестьянину Константину Ракевичу, при наставленіяхъ и поощреніи словомъ и личными жертвами священника Ивашкевичской церкви отца Игнатія Кончевскаго. При пособіи другихъ усердныхъ крестьянъ той же деревни, именно: Василія Лабейки, Степана Вовчка, Луки Францкевича и Франца Ракевича, удалось убѣдить прочихъ однодеревенцевъ взяться за доброе дѣло. И вотъ, испросивъ архипастырское разрѣшеніе, приступили добрые люди къ святой работѣ, ни трудовъ своихъ не жалѣли, ни издержекъ, а когда не въ мочь имъ приходило, тогда высылали въ міръ Божій по своимъ приходамъ однодеревенца своего Игнатія Гущу, и тотъ съ усердіемъ обходилъ весь за весью и собиралъ на пользу устрояемаго храма Божія.

На третій годъ послѣ основанія храма, онъ былъ оконченъ и наконецъ насталъ давножданный день освященія онаго. Церковь вышла хотя скромная, но вполнѣ приличная, построена прочно, а иконостасъ въ ней даже красивѣе и лучше, чѣмъ въ очень многихъ приходскихъ церквахъ. Строители храма употребили все стараніе на то, чтобы освященіе церкви было, по мѣрѣ средствъ ихъ, какъ можно торжественнѣе. Собрали два очень стройныхъ пѣвческихъ

хора обоихъ своихъ приходовъ Ивашкевичскаго и Езерницкаго, разукрасили новосозданную церковь и ограду оной всегда зелеными елками, оповѣстили своихъ сосѣдей о своемъ праздникѣ. И въ день освященія, собралось изъ окрестныхъ селъ очень много народа повидѣть и участвовать въ великомъ церковномъ торжествѣ деревни Клепачовъ. Къ освященію церкви съѣхалось также и пять окрестныхъ священниковъ съ двумя діаконами. Торжество началось еще вечеромъ наканунѣ дня освященія церкви, торжественной всенощной службой, совершенной соборнѣ тремя священниками. Въ темную осеннюю ночь, ярко освѣщенная, отѣняемая ближнимъ сосновымъ боромъ, новозданная церковь сіяла великимъ свѣтомъ, бросая обильную массу его по сторонамъ, какъ бы въ вещественное знаменіе того, что вскорѣ она будетъ вмѣщать въ себѣ великое богатство и духовнаго свѣта и обильно будетъ источать великіе дары Божіи всѣмъ ищущимъ свѣта и истины Христовой. На утро слѣдующаго дня совершенъ былъ изъ приходской церкви крестный ходъ въ новозданную на шестиверстномъ разстояніи, и за прибытіемъ его, тотчасъ приступлено было къ освященію храма, которое, за нездоровьемъ мѣстнаго благочиннаго, совершили трое прибывшихъ священниковъ съ двумя діаконами. Затѣмъ была отслужена и святая литургія.

По окончаніи богослуженія, главный виновникъ торжества крестьянинъ Константинъ Ракевичъ пригласилъ духовенство и почтеннѣйшихъ своихъ сосѣдей и предложилъ въ своемъ домѣ радушное угощеніе. Мы были окружены здѣсь праздновавшими свое и наше торжество—крестьянами, шедшими рука объ руку съ нами всегда неизмѣнно и во время печали и во время радостей; оттого наиболѣе и трапеза у гостепріимнаго хозяина была и сладкая и веселая.

Такъ создался, такъ святился новый храмъ Божій въ деревнѣ Клепачахъ.

Лит. Еп. Вѣд.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ ВИШНЕВСКОЙ И КРАСНОСЕЛЬСКОЙ.

Въ прошломъ году освящена была во имя св. безсребренниковъ и чудотворцевъ Косьмы и Даміана нововыстроенная каменная церковь въ м. Вишневѣ ошмянскаго уѣзда, а 28-го тогожъ ноября освящена изъ католическаго костела церковь въ память Покрова Божіей Матери въ м. Красносельѣ вилейскаго уѣзда. На освященіе этихъ церквей, устроенныхъ въ новообразованныхъ приходахъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ почти всѣ прихожане суть присоединившіеся къ св. церкви изъ латинства, командированъ былъ его высокопреосвященствомъ ректоръ семинаріи архимандритъ Іосифъ съ членомъ консисторіи протоіеремъ Антоніемъ Пщолькой. Съ сердечнымъ утѣшеніемъ должно сказать, что торжества освященія совершены въ полномъ благоприличномъ порядкѣ, въ сослуженіи всего духовенства мѣстныхъ благочиній, въ присутствіи мѣстныхъ уѣздныхъ властй и при собраніи огромнаго количества народа, на сколько это возможно было при тогдашней погодѣ.

Въ Вишневѣ, по освященіи храма, произнесено было священнодѣйствовавшимъ архимандритомъ Іосифомъ слово о великой милости Божіей, явленной въ освященіи храма, сооруженнаго щедротами благочестивѣйшаго и народолюбиваго Государя Императора. На Бож. литургіи приобщилось св. Таинъ свыше 100 человѣкъ. Все богослуженіе народъ слушалъ съ полнымъ вниманіемъ и молился съ благоговѣніемъ, совершенно правильно и благочестиво изображая на себѣ крестное знаменіе. При богослуженіи, и особенно въ крестномъ ходу, участвовало не мало лицъ римскаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій; даже мѣстный ксендзъ простоялъ въ церкви всю службу, внимательно всматриваясь въ ея отправленіе, и съ умиленіемъ преклонивъ колѣна предъ св. Дарами по ихъ освященіи. Такъ и видно было, что народъ радовался, ликовалъ и внут-

ренно и наружно. И было отъ чего радоваться! Православные прежде должны были ходить въ свои приходскія церкви верстъ за 15—20; а нынѣ—домъ молитвы и освященія близко; къ тому же увеличилась и православная паства изъ новоприсоединившихся къ св. церкви въ не маломъ количествѣ латинянъ; церковь устроена благолѣпная, на видномъ, господствующемъ надъ окрестностію мѣстѣ.

Красноселье отстоитъ отъ православнаго съ церковью мѣстечка „*Краснаго*“ верстахъ въ четырехъ, и составляло почти сплошной римско-католическій приходъ съ костеломъ. Народъ однакожъ помнилъ, что дѣды были уніятами и совращены въ латинство не такъ давно, когда въ Красносельѣ построенъ былъ въ началѣ 18 столѣтія на иждивеніе владѣтельницы этого места—ревностной латинянки—римско-католической монастырь; народъ чувствительно понималъ также свое *русское* происхожденіе, нисколько не отличаясь отъ православныхъ сосѣдняго мѣстечка Краснаго въ языкѣ, образѣ жизни и въ прочей исторической и обиходной обстановкѣ. Монастырь, непропускавшій ни одного случая выразить сочувствіе къ мятежамъ въ прежнія времена, и по недостатку монашествующихъ, довольно давно закрытъ, а костелъ обращенъ въ приходскій; но и послѣдній мятежъ, подобно прежнимъ, обратилъ этотъ храмъ въ мѣсто служенія безпорядку, бунту, въ каѳедру проповѣданій изувѣрныхъ, такъ что русскій народъ самъ—здравымъ смысломъ своимъ—понялъ неспасительность костельныхъ богомоленій и поученій, и сплошною массою присоединился къ св. православной церкви, потребовавъ за тѣмъ отъ начальства, чтобъ и приходскій костелъ ихъ, вмѣстѣ съ ними, обращенъ былъ въ православную, приходскую для нихъ церковь. Да костелъ и строенъ былъ какъ бы для устройства въ немъ православной церкви: алтаремъ обращенъ на востокъ; зданіе имѣетъ форму креста; для алтаря православнаго и для иконостаса планомъ

костела такъ расположено было, что не требовалось ни малѣйшихъ передѣлокъ и не оказалось никакихъ затрудненій при устроеніи св. престола, иконстаса и прочихъ принадлежностей православнаго храма.—Народу на освященіе собралось такъ много, что церковь, довольно обширная, далеко не могла вмѣстить всѣхъ богомольцевъ; но конечно, собраніе было бы и еще гораздо многочисленнѣйшее, еслибъ не помѣшала особенно снѣжная съ вѣтромъ и пурьгою погода. Мѣстный предводитель дворянства К. М. Снитко, древле-православный въ странѣ дворянинъ и помѣщикъ, искренне-усердный и благоразумный дѣятель въ сферѣ не малотруднаго его служенія, а также вилейскій г. исправникъ, институтъ мировыхъ учрежденій, молодечнянская учительская семинарія съ своимъ начальствомъ и пѣвчими, и другія мѣстныя власти и чины придали настоящему торжеству особый отпечатокъ общаго духовнаго веселія,—торжеству, съ которымъ такъ счастливо соединилось еще другое, именно—внесеніе, по освященіи костела, въ новоосвященный православный храмъ, всемилостивѣйше предъ тѣмъ пожалованной Казанской иконы Божія Матери. Эта св. икона, по полученіи ея изъ Вильны, съ особеннымъ уваженіемъ поутру привезена была вилейскимъ благочиннымъ протоіереемъ Балицкимъ въ мѣстечко Красно, а оттуда взятая предводителемъ дворянства, нѣкоторыми чинами и старшинами отъ крестьянъ и прихожанъ, поднесена была къ новоосвященной церкви, предъ которою на площадкѣ была встрѣчена съ иконами и хоругвями вышедшими священствомъ и народомъ, и за тѣмъ торжественно внесена въ самую церковь, гдѣ, по благословеніи ею народа, поставлена на возвышенномъ, особенно видномъ для всѣхъ мѣстѣ. По внесеніи св. иконы въ церковь, священнодѣйствовавшимъ архимандритомъ Іосифомъ была сказана рѣчь народу о значеніи Царева дара для прихожанъ въ ликѣ Царицы небесной; по совершенномъ окон-

чаніи всего освященія храма произнесена была протоіеремъ Антоніемъ Пщолкой проповѣдь, въ которой благовѣстникъ особенно хорошо знакомый съ мѣстною исторіей православія кратко разъяснилъ слушателямъ первоначальность и судьбы его въ здѣшней странѣ, коснулся исторіи основанія мѣстнаго костела и проч., и выразилъ радость неба и земли о томъ, что чада св. храма сего, нѣкогда отторгнутые хитростію или даже насиліемъ въ чуждый дворъ овчій, нынѣ съ любовію возвратились въ свой, праотеческій благословенный домъ Отца небеснаго, въ спасительное лоно матери—св. церкви; а послѣ причастнаго стиха сказано было слово мѣстнымъ священникомъ Василіемъ Гушкевичемъ, которое въ слѣдъ за симъ печатается. И здѣсь было причастниковъ св. тайнамъ не малое число; причащали и малолѣтнихъ дѣтей.

Послѣ богослуженій, какъ въ Вишневѣ, такъ и въ Красносельѣ розданы были во множествѣ народу крестики, образа, книжки духовно-нравственнаго содержанія, которыя были принимаемы на перерывъ, съ радостію и благоговѣніемъ. Кстати можно сказать, что въ красносельскомъ приходѣ, еще недавно римско-католическомъ, оказалось не мало прихожанъ даже изъ великовозрастныхъ, которые уже знали русскую грамоту. И еще кстати присовокупимъ, что въ литовской епархіи не однѣ поименованныя мѣста наслаждались прошлою зимою счастіемъ описываемыхъ торжествъ; епархіальная хроника представляетъ также торжества и въ другихъ мѣстностяхъ, православный людъ въ которыхъ не смотря на холода и морозы, согрѣвалъ себя чувствомъ любви къ родной вѣрѣ и живымъ весельемъ торжества ликующей русской народности, до послѣднихъ лѣтъ обреченной—было на уныніе и уничиженіе. Въ слѣдующихъ книжкахъ Вѣстника продолжимъ описаніе этихъ торжествъ.

СЛОВО,

сказанное въ новоосвященной изъ костела церкви села Красноселья мѣстнымъ священникомъ Василіемъ Гушкевичемъ, на первой литургіи послѣ причастнаго стиха.

Нѣчто ли писано, яко Храмъ мой, храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ; вы же сотвористе его вертепъ разбойникомъ.

Марка гл. II ст. 17.

Вотъ какъ строго укорялъ Спаситель іудеевъ и старѣйшинъ іудейскихъ, допустившихъ торговлю въ храмѣ іерусалимскомъ, и не только осудилъ допустившихъ эти безпорядки, но даже изгналъ изъ храма торговавшихъ: и вшедъ Іисусъ въ церковь начатъ изгоняти продающія и купующія въ церкви и трапезы торжникомъ и сѣдалища продающихъ голуби испроверже (тамъ же ст. 15).

Римско-католики, неумѣвшіе воспользоваться такимъ назидательнымъ примѣромъ и допустившіе еще большіе безпорядки въ костелахъ—подверглись и заслуженному наказанію за оскверненіе храмовъ Божіихъ. За то, что поляки, вмѣсто божественныхъ пѣсней, пѣли мятежныя гимны въ храмахъ, и ксендзы не только позволяли, но еще и поощряли ихъ къ тому.

За все это, говорю, ксендзы какъ осквернители храмовъ изгоняются, а храмы ихъ отдаются православнымъ христіанамъ, для того, чтобы послѣдніе достойно восхваляли въ нихъ Всевышняго Бога.

Вы знаете православные христіане, что и въ этомъ же самомъ храмѣ, когда онъ еще былъ римско-католическимъ, тоже пѣлись повстаньскія пѣсни, говорились мятежныя рѣчи, благословлялись на бунтъ и разбои мятежники панове; здѣсь въ этомъ самомъ храмѣ, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать и внушать христіанамъ взаимную любовь, страхъ Божій и благочестіе, ксендзы проповѣдывали христіанамъ ненависть къ такимъ же христіанамъ; учили убійствамъ и поджогамъ, приводили къ присягѣ мятежниковъ; однимъ словомъ, храмъ этотъ, предназначенный для молитвы и православленія имени Божія, сдѣлали вертепомъ разбойниковъ! За такія беззаконныя дѣйствія и оскверненіе этого храма, Богъ судилъ, чтобы ксендзъ былъ удаленъ

отсюда навсегда, а храмъ этотъ, обновленный и очищенный отъ мятежно-польской нечистоты молитвеннымъ освященіемъ, сдѣлался собственностію св. православной церкви. Все же это совершилось по волѣ Бога, все направляющаго къ лучшему. Ибо кто же, какъ не Богъ просвѣтилъ вашъ умъ, открылъ вамъ глаза, такъ что вы уразумѣли и убѣдились въ томъ, что въ нечистыхъ, замаранныхъ кровью рукахъ ксендзовъ не можетъ оставаться чистою и религія христіанская; почему вы на призывъ пастырей православныхъ и на желаніе православнаго Царя всѣ, за исключеніемъ только шляхты польской, соединились съ св. православною церковью. Такое приращеніе чадъ православной церкви есть несомнѣнный признакъ благоволенія Божія къ нашей православной вѣрѣ. И такъ, христіане, если еще Богъ милосердый терпитъ грѣхи наши и не караетъ насъ: но еще благодѣтельствуетъ намъ, изливая на насъ милости щедрою своею рукою чрезъ благочестивѣйшаго Государя нашего; то будемъ же стараться и напередъ быть достойными этихъ милостей Божіихъ. Поэтому всегда памятуя заповѣдь Христову: воздадите убо Кессарева Кессареви и Божія Богови,—мы должны прежде всего и больше всего любить Бога, а послѣ Бога, избраннаго Богомъ и поставленнаго надъ нами Государя Императора, какъ помазанника Божія.— А сколько есть побужденій, обязывающихъ васъ любить своего Государя! Онъ освободилъ васъ отъ крѣпостнаго права и сдѣлалъ васъ людьми свободными, далъ вамъ надѣлъ земли и сдѣлалъ васъ изъ рабовъ землевладѣльцами. Онъ завелъ для вашихъ дѣтей училища и такимъ образомъ далъ вашимъ дѣтямъ средства научиться разуму, истинному богопознанію и благочестію, и выйти изъ того невѣжества, въ которомъ вы пребывали. Онъ устроиваетъ для васъ храмы Божіи, чтобы вы имѣли гдѣ приносить молитвы и благодаренія Всевышнему Богу за ниспосланныя вамъ благодѣянія. Его же щедротами устроенъ и обновленъ нынѣ посвященный храмъ. Наконецъ, чтобы выразить свою радость о соединеніи вашемъ съ православною церковью, благочестивѣйшій Государь Императоръ прислалъ вамъ въ даръ и благословеніе икону Пресвятыя Богородицы, предъ святымъ образомъ которой навѣрно Самъ не разъ молился о благѣ и счастіи своихъ вѣрно-

подданныхъ. Но не одинъ Государь радуется о присоединеніи вашемъ къ прародительской вѣрѣ, а совмѣстно съ Государемъ радуются всѣ русскіе люди и вся Россія! Вы видите ясное доказательство этого въ сегоднешномъ торжествѣ. Высокоименитый архипастырь нашъ послалъ высокихъ духовныхъ сановниковъ къ намъ, чтобъ освятить храмъ сей какъ можно торжественнѣе и проподать намъ благословеніе; вотъ пожаловали къ намъ къ сегоднешнему торжеству и ваши начальники повѣренные слуги Царскіе! Прибыли же къ намъ всѣ эти высокіе гости, конечно, потому только, чтобы засвидѣтельствовать свою радость о томъ, что вы сдѣлались истинными русскими вѣрноподданными, какъ говорится, по вѣрѣ и по духу.

Умѣйте же цѣнить православные, такую любовь къ вамъ русскаго Государя и всѣхъ русскихъ людей; старайтесь быть за это благодарными. А главное, не забывайте молиться Богу о томъ, чтобы онъ Всевышній продлилъ жизнь возлюбленнаго Государя Императора нашего, общаго отца и благодѣтеля, и всегда помните, что благо и счастье ваше содинено съ Россіей, а безъ Россіи оно немыслимо.

Но такъ какъ между вами, новые братья наши по вѣрѣ, есть еще и такіе, которые упорствуютъ въ заблужденіи каколицизма, то вы должны стараться силою убѣжденія и братскими совѣтами возвратить ихъ къ прародительской вѣрѣ нашей, т. е. къ православной вѣрѣ.

Ты же, Царице небесная, явившая свой Божественный ликъ въ древнемъ русскомъ городѣ Казани, прославленный безчисленными чудесами, здѣсь присущая съ нами въ образѣ, дарованномъ Монаршею милостію для здѣшней ново-красносельской церкви:—моли возлюбленнаго Сына своего и Бага нашего о соединеніи всѣхъ насъ въ едино-нераздѣльное стадо Его, дабы мы всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ исповѣдывали и прославляли Святое имя Бога Отца, Сына и св. Духа—Тройцу единосущную и нераздѣльную. Аминъ.

Лит. Еп. Вѣд.

ѲЕОДОРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПИНСКѢ.

(эпизоды латино-польской пропаганды).

Въ самомъ началѣ настоящаго вѣка старожилы Пинска и его окрестностей возобновляли въ своихъ обычныхъ разговорахъ, „что въ давно минувшія времена изъ Кіева летѣли три святцы, изъ коихъ одинъ упалъ въ Туровѣ, другой сѣлъ въ Пинскѣ, на мѣстѣ гдѣ скоро соорудилъ церковь Ѳеодоровскую, при которой въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ похоронялись пинскіе удѣльные князья и ихъ семейства, а также духовные и міряне, доказательствомъ чему служитъ камень, положенный за алтарною частью, обращенной къ юго-востоку, уже вросшій въ землю, называвшійся камнемъ княжнимъ; а третій святецъ полетѣлъ въ Коломею, что нынѣ городъ въ Галиціи.“ Двузнаменательная басня эта, сливая вымыселъ съ истиной, наводитъ на мысль, что первый проповѣдникъ христіанскаго ученія прибылъ въ Пинскъ изъ Кіева, да и по преданію народному первый храмъ пинскій св. Ѳеодора Тирона принадлежитъ благочестивой ревности великаго князя кіевскаго Владиміра. По сказанію перваго русскаго лѣтописца, преподобнаго Нестора, Пинскъ былъ уже въ 1097 году отъ Р. Хр. Если бы въ это время у пинскихъ руссовъ было кумирослуженіе, то онъ о пинянахъ и не упомянулъ бы. Несторъ жилъ между 1056 и 1116 годами. Князь пинскій Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ съ княгинею своею Еленою на церковь пинскую св. великомученика Ѳеодора Тирона по седмой тысячи 26 года, индикта 6, то есть въ 1518 г. 18-го февраля, надалъ два дворища въ селѣ Кипятичахъ, Дѣдовщину и Куликовщину. Этой княжеской грамоты списокъ находится нынѣ въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ книгѣ пинскихъ привиллегій, на 17 стр. Ѳеодоръ Тиронъ, съ древнихъ до нашихъ временъ, покровитель и защитникъ Пинска. При пинской Ѳеодоровской церкви, по

преданію, съ самаго ея основанія, было братство, занимавшееся сборомъ складочныхъ денегъ, расходомъ оныхъ на надобности церкви и содержаніе школы и богадѣльни, и въ этомъ отчетъ давало только своему обществу. Это братство всегда заботилось о нравственномъ и религіозномъ образованіи молодежи духовной и свѣтской. Изъ воспитанниковъ пинской братской школы, какъ говоритъ преданіе, были рукополагаемы во священники въ Туровѣ, Пинскѣ и въ Кіевѣ, а нѣкоторые изъ нихъ занимались письменными дѣлами въ пинскомъ замковомъ управленіи откуда иногда высылались въ варшавскую королевскую канцелярію для составленія бумагъ, относящихся къ сѣверо-западной Руси. Употребленіе русскаго языка въ судопроизводствѣ отмѣнено въ Литвѣ въ 1697 г.

Въ первую люстрацію г. Пинска, мѣстечекъ, селъ и деревень, приписанныхъ къ замку пинскому, въ 1522 году начатую и оконченную въ 1554 году, королевскіе люстраторы отняли отъ священниковъ *восьми пинскихъ церквей* пахатныя земли, лежащія въ городской чертѣ; при Ѳедоровской же церкви оставили ея земли, огороды и плацы. Въ 1593 году, 9 октября священникомъ Ѳедоровской церкви былъ Андрей Яковлевичъ, имѣвшій церковныхъ подданныхъ, жившихъ на церковной землѣ возлѣ восточныхъ городскихъ воротъ.

Въ 1648 году, католики и уніяты, поднявъ противъ православныхъ жителей Пинска и его окрестностей такія гоненія, что страшно о нихъ и вспомнить,—сожгли 7 православныхъ церквей, кои уже и не отстраивались. Два дня горѣлъ Пинскъ, безпрестанно поджигаемый. Поляки неистовствовали, жители разбѣжались. Весь Пинскъ опустѣлъ внезапно. Ѳеодоровская церковь уцѣлала и не отдана на уніатское богослуженіе.

Въ 1685 году священникомъ пинской Ѳеодоровской церкви Моисеемъ Ждановичемъ проданы два огорода, лежав-

ніе въ городской чертѣ при Кошевлѣ пинскимъ мѣщанамъ Колбовичу и Порѣцкому.

Въ 1722 году сильнѣйшимъ оплотомъ для православія было братство пинской Ѳеодоровской церкви и братство пинскаго Богоявленскаго монастыря, вполнѣ сознавшія правоту своего дѣла, когда уніатской бискупъ пинскій и луцкій Симонъ Рупіевскій Годебскій, съ помощью канцлера Вишневецкаго и фанатиковъ, забралъ насильно на унію около двадцати тысячъ прихожанъ православнаго исповѣданія съ ихъ церквами и запечалъ пинскую Богоявленскую и Ѳеодоровскую церкви, которыхъ прихожане отстояли неистовые нападки латинства и уніи и церквей своихъ не отдали на уніатское богослуженіе. Коммисаръ Императора Петра I Рудаковскій лично возвратилъ православнымъ Пинска обѣ сказанныя церкви, запечанныя врагами православія; съ этого времени Ѳеодоровская церковь перестала быть самостоятельною и причислена къ пинскому Богоявленскому монастырю. Рука Провидѣнія, не взирая на ревностную заботливость католиковъ и уніатовъ стереть съ этихъ церквей всѣ малѣйшіе слѣды православія, не допустила истребиться православію въ самомъ Пинскѣ. Когда въ 1793 году 27 марта, Пинскъ былъ присоединенъ къ Россійской Имперіи, оставались въ немъ только двѣ православныя церкви, Богоявленская и Ѳеодоровская, но когда въ 1797 году пинскій Богоявленскій монастырь съ церков ю сгорѣлъ, осталась только церковь Ѳеодоровская въ Пинскѣ, при которой продолжали хоронить усопшихъ православныхъ, а равно и на погостѣ кладбищъ сгорѣвшей Богоявленской монастырской церкви до 1810 года, въ теченіи котораго было назначено мѣсто въ полѣ подъ православное кладбище, на которомъ и нынѣ хоронятъ усопшихъ. За погребеніе при пинскихъ церквахъ платили по обычаю, завѣщанному предками потомкамъ, покладное въ пользу церквей, слѣдовательно сказанныя достопамятныя мѣста навсегда при-

надлежать древле-православнымъ прихожанамъ пинскаго собора, а не причту его. Θеодоровская церковь, едва державшаяся отъ ветхости, по распоряженію мѣстнаго епархіальнаго начальства была въ 1836 году запечатана, а въ 1836 году разобрана.

Когда въ самомъ началѣ 1857 года причтъ пинскаго Θеодоровскаго собора возымѣлъ желаніе отдать Θеодоровскій погостъ—священное мѣсто пинскимъ евреямъ въ арендное содержаніе, на прошеніе древле-православныхъ Пинска послѣдовала 20 марта 1857 г. резолюція его высокопреосвященства: „уваженіе прихожанъ къ мѣсту, на которомъ хоронились православные и на которомъ находилась святыня, весьма похвально.“ Въ силу письменной жалобы прихожанъ пинскаго Θеодоровскаго собора отъ 23 января 1865 года, святѣйшій правительствующій сѵнодъ объявилъ чрезъ минское губернское правленіе, что онъ препятствія къ пріобрѣтенію просителями, дозволенными закономъ способами, средствъ къ построенію часовни на Θеодоровскомъ погостѣ своей стороны не встрѣчаетъ. Синодальный указъ отъ 28 іюля 1865 года объявленъ православнымъ г. Пинска 29-го августа 1865 года.

Свѣдѣнія для исторіи Θеодоровской церкви можно собрать изъ литовскихъ метрикъ большой и малой, хранящихся въ архивахъ третьяго департамента правительствующаго сената, или просмотрѣть списки изъ нихъ, хранящіеся въ варшавскомъ коронномъ архивѣ и заглянуть въ старинныя бумаги Пинска, увезенныя въ 1847 году въ Житомірѣ и въ Кіевѣ, а также въ виленскомъ центральномъ архивѣ, куда, кажется, въ 1852 году, отправлены остатки пинскихъ старинныхъ архивовъ.

Въ дополненіе помѣщенной выше замѣтки о пинской Θедоровской церкви считаемъ необходимымъ прибавить

слѣдующія интересныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ разныхъ документовъ.

1., Февраля 1627 года возные пинскаго уѣзда подали для записи въ городскіе книги заявленіе о томъ, что они, бывъ посланы уніатскимъ епископомъ Григоріемъ осмотрѣть Ѳедоровскую церковь, запечатанную и состоявшую, якобы, подъ *юрисдикціей* (вѣдомствомъ) названнаго епископа, нашли оную отворенной и въ ней какого-то священника Каминскаго, отправлявшаго богослуженіе въ присутствіи множества пинскихъ мѣщанъ. Объ этомъ фактѣ донесено, какъ о преступленіи. (а)

2., Въ томъ же году 5 марта епископъ Григорій выхлопталъ у короля Сигизмунда III приказъ пинскимъ православнымъ мѣщанамъ, чтобы они, подъ опасеніемъ уплаты 5 тысячь копъ грошей, не смѣли самовольно распоряжаться церквами, укрывать и защищать въ своихъ домахъ поповъ, непослушныхъ епископу, а напротивъ должны выдавать ихъ и оказывать момощь къ преслѣдованіямъ и наказаніямъ. (б)

3., За самовольное дозволеніе пинскимъ старостою заборажскимъ служить въ церкви св. Ѳедора, запечатанной уніатами, король Сигизмундъ позывомъ 9 іюня 1629 г., велѣлъ ему явиться въ королевскій судъ на объясненіе. (в)

4., 6 августа 1631 г. епископомъ и капитулою уніатскими Ѳеодоровская церковь была совершенно отобрана у пинскихъ православныхъ мѣщанъ со всѣмъ ея имуществу, отчета приложеннаго къ донесенію markup возанаго Андрея Сачковскаго, видно, что церковь имѣла 51 образъ, изъ нихъ 10 съ серебрянными украшеніями. (г)

5., 16 марта 1633 г. король Владиславъ IV данною въ

(а) Вѣстникъ Западной Россіи 1868 г. кн. 5.
(б) Тамже.
(в) Тамже.
(г) Тамже.

Кракове грамотою *возвратилъ* православнымъ (неуніатамъ) по одной церкви—въ Бресте Рождество-Богородичную, и въ Пинске въ имя св. Өедора Тирона. Обстоятельство это было вызвано, какъ видно изъ означеннаго же документа, необходимостью *„примиритъ людей религіи греческой неунитовъ съ людьми религіи греческой въ уніц съ костеломъ св. римскимъ пребывающими.* Упомянутыя три церкви велено было возвратить православнымъ при посланномъ отъ короля дворянине Өедоре Корсаке; при чемъ вообще запрещалось препятствовать свободному отправленію православнаго богослуженія, подъ опасеніемъ, въ противномъ случае, лишиться *ласки* королевской. (д)

6. Когда же Өедоръ Корсакъ, прибывши въ Пинскъ, (е) 14 мая 1633 г., имелъ намереніе передать Өеодоровскую церковь православнымъ мещанамъ, уніятское духовенство возбраняло эту передачу, указывая Корсаку на королевскія привилегіи, которымъ названная церковь взята у мещанъ и навсегда отдана пинской (уніятской) епископіи, а также и на то, что православные въ пинской епархіи въ различныхъ местахъ могутъ свободно отправлять богослуженіе, что мещане-бурмистръ, радцы, лавники и простой народъ, представивъ дело въ ложномъ виде, будто они не имеютъ возможности свободно отправлять свое богослуженіе въ Пинске, несправедливо выпросили у короля эту церковь чрезъ упомянутаго Корсака. Последній, принявши отъ уніатскаго духовенства предъявленныя привиллегіи, не передалъ православнымъ церкви тогоже 14 мая, а между темъ, гогда уніятскій священникъ пришелъ на дру-

---

(д) Древніе грамоты и акты, собранные въ 1848 году особою коммиссіею въ городскихъ архивахъ и монастыряхъ Минской губ.

(е) Въ оглавленіи документа, помещеннаго въ 11 кн. Вестника Западной Россіи за 1868 г., откуда заимствованы настоящія сведенія, вкралась ошибка. Составленіе документа отнесено здесь къ 1632 г., тогда какъ изъ самаго содержанія этого документа видно, что онъ составленъ въ 1633 году.

гой день въ 3 часу ночи для совершенія богослуженія, увидѣлъ, что церковныя ворота и церковь отперты и въ церкви засталъ мѣщанъ и православныхъ священниковъ Каминскаго и Тимофѣя Аввокумовича, совершавшихъ богослуженіе. О такомъ незаконномъ, по мнѣнію уніатовъ, поступкѣ и передачѣ церкви, базильянскій монахъ Неофитъ Фрикъ; по порученію епископа, намѣреваясь начать судебное дѣло съ Корсакомъ, подалъ протестъ въ пинскій городской судъ. (ж)

7. 18 іюля 1636 г., тѣмъ же королемъ Владиславомъ издано было въ Вильнѣ повелѣніе во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Великаго Княжества Литовскаго раздѣлить церкви между православными и уніятами соразмѣрно числу прихожанъ. (з)

8. Въ 1648 г., возный пинскаго уѣзда Өедоръ Высоцкій свидѣтельствовалъ сборщику податей Ольшевскому, что во время мятежа, бывшаго въ томъ году въ Пинскѣ, бурмистры, радцы (совѣтники), лавники (засѣдатели судейскіе) и посполиство (общество) поутекали изъ города, а нѣкоторые убиты, такъ что въ Пинскѣ осталось только малая часть жителей. (и)

9. Въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ 2 декабря 1656 года помѣщицею пинскаго уѣзда, имѣнія Жабчицъ, Софьей Пекарской-Володковичевой, между прочимъ, упоминается, что въ пользу Өеодоровской пинской церкви она пожертвовала, съ вѣдома отцовъ пинскаго братства, для отправленія по ней впослѣдствіи сорокоуста, разныя серебрянныя-вызолоченныя вещи, какъ то: келихъ (чашу), патышу (дискосъ), гвязду (звѣздицу) и лыжку (лжицу). Это доказываетъ, что церковь св. Өеодора пользовались усер-

(ж) Вѣст. Зап. Россіи 1868. г. кн. 11.

(з) Древніе грамоты и акты, собранные въ городскихъ архивахъ и монастырахъ Минской губерніи.

(и) Тоже.

діемъ не однихъ только своихъ прихожанъ. Достойно также замѣчанія упоминаемое здѣсь распоряженіе Володковичевой. Внукъ ея, Петръ Маскевичъ, по смерти своего отца, принялъ римско-католическую вѣру. Опасаясь, чтобы онъ не обратилъ приходскую жабкицкую церковь въ костелъ и особенно въ уніатскій храмъ, она предостерегаетъ его, что церковь построена и снабжена всѣми необходимыми принадлежностями усердіемъ дѣда его, Ивана Маскевича, который на крестѣ и на кадилѣ написалъ собственной рукой проклятіе на всякаго, кто бы рѣшился обратить оную церковь на иновѣрческое богослуженіе, и что если онъ забудетъ и нарушитъ завѣщаніе дѣда, то и она сама, Володковичева, призываетъ на него съ неба означенное проклятіе, (i)

10. 18 іюня 1661 г. король Іоаннъ-Казимиръ выдалъ духовенству и православнымъ жителямъ пинскаго уѣзда заручный листъ, которымъ было запрещено уніатскому епископу Андрею Злотому Квасинскому самовольно забирать православныя церкви, принуждать къ принятію уніи, привлекать подъ свою власть духовныхъ особъ неунитовъ и требовать себѣ отъ нихъ повиновенія. (к)

11. Подобный же заручный листъ данъ королемъ Іоанномъ III 20 іюня 1676 г. православнымъ помѣщикамъ пинскаго уѣзда противъ епископа Мартина Бѣлозора, желавшаго забрать новую полотическую церковь, построенную вмѣсто прежде обращенной въ уніятскую, и угрожавшаго лишить жизни протоіерея Мирона Турчиновича. За нарушеніе этой королевской грамоты епископъ обязывался уплатить штрафъ въ 10,000 копъ литовскихъ, изъ коихъ одна половина назначилась въ пользу обиженныхъ, а другая въ казну. (л)

(i) Тоже.
(к) Тоже.
(л) Тоже.

12: Въ 1700 г. староста православнаго Богоявленскаго монастыря въ Пинскѣ, Степанъ Шоломицкій, отъ имени всего братства, писменно жаловался кіевскому митрополиту на притѣсненія со стороны уніатовъ и просилъ его донести *пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему его царскому величеству*, дабы для защиты ихъ отправилъ на предстоящій сеймъ своего п сла. При семъ Шоломицкій присовокупилъ, что и пинскіе православные жители выправятъ отъ себя депутатовъ на этотъ сеймъ. Въ другомъ же документѣ 1701 г. видно, что дворяне пинскаго уѣзда, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, до приступленія къ выборамъ депутатовъ на сеймъ, хотя и требовали включенія въ инструкцію нѣкоторыхъ пунктовъ *о незабираніи церквей, неотягощеніи монастырскихъ имѣній и непреслѣдованіи православія*, но требованіе ихъ католиками и уніатами не было принято, на что составленъ 12 мая тогоже года протестъ, предъявленый въ Брестѣ. Число подписавшихся къ сему протесту простирается до 80 человѣкъ. (м)

13. Игуменъ Богоявленскаго пинскаго монастыря позвалъ уніатскаго епископа Ѳеофила Годебскаго за то, что онъ забралъ много вещей изъ Богоявленскаго манастыря и изъ Ѳеодоровской церкви, также евангеліе въ богатомъ окладѣ, въ 1000 золотыхъ польскихъ, пожертвованное новодворскому монастырю фельмаршаломъ Борисомъ Шереметьевымъ. (н)

14., Игуменъ тогоже монастыря Ѳеофанъ Яворскій, послѣ пожара, бывшаго въ Пинскѣ въ 1758 году и испепелившаго церковь св. Ѳеодора Тирона и многія монастырскія строенія, испросилъ у короля Августа III разрѣшеніе на возобновленіе Ѳедоровской церкви и строеній, бывшихъ прежде на монастырскихъ плацахъ. Онъ же судился съ уніатскимъ лещинскимъ архимандритомъ Кипріаномъ Бул-

(м) Тоже.

(н) Историко-статистическое описаніе минской епархіи, архимандр. Николая стр. 146.

гакомъ, по наущенію котораго уніаты остригли ему голову и бороду, и жаловался на епископа Григорія Булгака и подчиненное ему уніатское духовенство за то, что пинскіе уніаты сажают православныхъ мѣщанъ въ тюрьмы, силою совращаютъ въ унію и отнимаютъ кружки у людей, собирающихъ деньги на православныя церкви. (о)

и 15. 17 декабря минувшаго 1868 года, по распоряженію г. начальника губерніи, въ Пинскѣ розыскивали старый фундаментъ Θедоровской церкви и на мѣстѣ гдѣ былъ престолъ найденъ булыжный камень, потомъ нѣсколько обыкновенныхъ кирпичей, далѣе кирпичная плита, а подъ нею мѣдная доска, величиною въ квадр. четверть аршина, лежавшая на кругломъ, отдѣланномъ камнѣ, на которомъ высѣченъ крестъ. Доска эта была положена при закладкѣ возобновленной церкви св. Θеодора, что видно изъ слѣдующей сохранившейся на ней надписи славянскими буквами:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основасѣ церковъ сія вчесть и память святаго великомученика Θеодора Тирона при благополучномъ государствованіи вроссіи благовѣрнія государыны императрицы елисаветъ петровны; вполщѣ же великодержавнаго короля августа третіяго за его королевскимъ привилегіемъ благословеніемъ преосвященнѣйшаго киръ арсенія митрополита киевского азаигуменства благочестивомъ пѣнскомъ богоявленскомъ монастирѣ вчестнаго отца Θеофана Яворскаго тщаніемъ иждивеніемъ состоящаго воблагочестивой христіянской греческой вѣри пѣнскаго братства. 1760 года мѣсяца іюнія дня 9.

Означенная надпись, кромѣ свидѣтельства о времени возобновленіи Θеодоровской церкви средствами братства богоявленскаго монастыря, доказываетъ, что въ прежнее время православные назывались въ здѣшнемъ краѣ *благочестивыми*. Въ настоящее время мѣдная доска находится у

(о) Тамже стр. 148.

начальник губерніи, и въ скоромъ времени она будетъ послана въ виленскій музей.

Изъ этого краткаго отерка нельзя не убѣдиться, что разобранная церковь ѳеодоровская есть одинъ изъ памятниковъ западно-русской старины, который еще такъ недавно служилъ живымъ потвержденіемъ истины, чтоПинскъ, составляя древнее достояніе Россіи, отъ эпохи введенія въ ней христіанства, былъ однимъ изъ пунктовъ, гдѣ господствовала православная вѣра - уничтоженіе въ г. Пинскѣ многихъ православныхъ храмовъ и доведеніе Ѳеодоровской церкви до совершеннаго разрушенія, есть печальное послѣдствіе борьбы православія съ латинствомъ. Возстановленіе храма св. Ѳеодора было бы здѣсь полнымъ торжествомъ православія; нѣтъ сомнѣнія, что русскія люди позаботяться. при первой возможности, о возстановленіи этого древняго памятника православія. Но пока мысль эта осуществится, съ грустною думою пройдетъ не одинъ еще русскій человѣкъ, въ г. Пинскѣ, мимо площадки, гдѣ стоялъ храмъ св. Ѳеодора. Площадка эта обнесена небольшимъ деревяннымъ заборомъ, за чертою котораго, въ былыя времена, совершалось такъ много историческихъ событій въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, тяготѣвшихъ надъ русскою разрозненною землею.

Опустѣлая площадка эта съ одинокимъ камнемъ, сохранившимъ и по нынѣ въ народѣ названіе „Княжьяго" есть замѣчательный уцѣлевшій памятникъ старины православно-русской въ сѣверо-западномъ краѣ. И здѣсь, въ древнемъ Пинскѣ, совершились не одна изъ тѣхъ потрясающихъ драмъ, которыхъ современное описаніе сохранено для потомства между прочимъ Георгіемъ Конинскимъ... „Когда я о таковыхъ насиліяхъ (т. е. о насильномъ завладѣніи православными церквами), пишетъ Конинскій, коро-

лю въ Варшавѣ въ 1765 году доносилъ, то, въ то самое время получилъ изъ Могилева извѣстіе объ отнятіи миссіонерами іезуитскими, въ м. Лозовицахъ, близь Мстиславля, резиденцію свою имѣющими, подлѣ церкви нашей въ околицѣ Осмоловичахъ. И съ какимъ коварствомъ оная отнята. Близь той смоловицкой церкви поставили они, лозовицкіе миссіонеры, свою маленькую, до которой въ день зачатія Богоматери въ большой толпѣ учинили крестный ходъ. Миссіонеръ ксендзъ Терлецкій несъ въ рукахъ крестъ деревянный, и кода они на оную церковь осмоловицкую напали, а православные однодворцы, шляхта мужеска и женска пола отъ нападенія онаго оборонялись въ томъ замѣшательствѣ помянутый ксендзъ Терлецкій, нарочито упавъ, сломилъ поперечникъ несомаго имъ креста, и тотчасъ вскричалъ: „Схизматики руку Христу отломили." Съ симъ крестомъ когда явился онъ въ судъ мстиславскій, крича о томъ самомъ Христоубійствѣ, то и опредѣлено явиться благочестивымъ однодворцамъ, болѣе нежели 70 человѣкамъ, въ судъ по таковому уголовному дѣлу. Шляхта, сіи убогіи и едва который изъ нихъ грамотѣ умѣющій, убоявся, разбѣжались изъ домовъ по лѣсамъ и болотамъ во время самыхъ сильныхъ морозовъ. Судъ за неявку ихъ къ отвѣту, опредѣлилъ ловить ихъ и лютѣйшею смертью, т. е. четвертя, казнить. По таковому опредѣленію собралось тотчасъ нѣсколько сотъ охотниковъ съ собаками ловить убѣжавшихъ, изъ коихъ иные найдены, другіе сами, невостерпѣвъ больше трехъ дней холода и голода въ лѣсахъ и болотахъ явились въ судъ, гдѣ угрожаемы были помянутымъ безчеловѣчнымъ опредѣленіемъ до тѣмъ поръ, пока одни изъ нихъ въ римскій законъ, другіе въ унію вступить согласились; церковь же ихъ осмоловицкую тѣ же миссіонеры, тогда же подославъ ночью зажигателя, сожгли."

Мин. Губ. Вѣд.

ОТЪ Г. ПИНСКА ДО Г. НОВОГРУДКА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

I.

Минуло невыносимо - знойное лѣто. Наступила осень. Вотъ уже и половина сентября, а между тѣмъ погода стоитъ прелестная, вовсе не сентябрьская. Небо безоблачно, дни свѣтлые, ясные, теплые. А ночью во всемъ великолѣпіи является луна и своимъ свѣтомъ всей природѣ придаетъ какую-то волшебно - очаровательную прелесть. Да, прекрасна была въ этомъ году осень. Старожилы, и не припомнятъ подобной осени.

Спѣшите же, обитатели пинскихъ равнинъ, наслаждаться природою, которая здѣсь такъ рѣдко являетъ свою красоту. Скоро, быть-можетъ, надъ пинскими болотами начнутъ подыматься густые и холодно-сырые туманы; пойдутъ дожди, разрыхлѣетъ почва, улицы сдѣлаются непроходимыми, вся природа тогда приметъ видъ угрюмый, наводящій на душу тоску и уныніе, которыя такъ свойственны пинской мѣстности.

И я, воспользовавшись нѣсколькими днями свободы, предпринялъ недальную поѣздку и рѣшаюсь подѣлиться съ читателями хоть немногими и небогатыми по содержанію замѣтками, сдѣланными мною по пути отъ г. Пинска до г. Новогрудка. Дѣлюсь чѣмъ богатъ, пока не найдется чего-либо лучшаго. И такъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, далѣе въ путь.

Вотъ мы проѣхали первую и вторую почтовыя станціи *Иванисовку* и *Лыщу*, и находимся на станціи *Бобрикъ*; въ 53 верстахъ отъ Пинска. На этомъ пространствѣ изрѣдка попадаются то небольшіе песчаные холмы, то заросли и рощи по болотамъ и берегамъ ручьевъ, то болота и лѣса, прерываемые пахатными полями. Отъ *Бобрика* мѣстность принимаетъ иной видъ. Начинаются лѣса, которые не-

прерывною сплошною массою тянутся на разстояніи 64 верстъ до самой станціи Синявки, лежащей па шоссейномъ трактѣ изъ Бреста въ Бобруйскъ. Дорога идетъ по совершенно ровной мѣстности, на которой не попадается ни одного пригорка, ни одного холма, до такой степени ровной и гладкой, что не будь этихъ лѣсовъ, изъ Бобрика можно было бы видѣть Синявку черезъ 64-верстное пространство, ихъ отдѣляющее. Такой видъ этой мѣстности даетъ основаніе думать, что все это пространство въ отдаленныя времена было подъ водою. Когда воды сошли и уменьшились, образовалось обширное болото, какія еще и теперь занимаютъ неизмѣримыя пространства въ разныхъ мѣстахъ минской губерніи. Прошли еще вѣка и въ нихъ воды стали уменьшаться, болота по немногу осушались и покрывались болотными кустарниками, зарослями, а впослѣдствіи времени и лѣсами, продолжающими существовать и по настоящее время. Поразительное и ужасающее зрѣлище представляютъ исполинскія массы горъ, мощною силою выдвинутыя изъ нѣдръ земли на ея поверхность, взлетѣвшія на воздухъ и застывшія гранитомъ; не менѣе удивительное зрѣлище представляетъ мыслящему наблюдателю и эта молчаливая и на первый взглядъ скучная своимъ однообразіемъ равнина. И тутъ, какъ и тамъ, видна многовѣковая непрерывная работа мощной природы.

Въ лѣсахъ этихъ обитаетъ множество дичи всякаго рода. Тутъ водятся *дикіе кабаны, дикія козы, лоси* и пр., тутъ же есть разныя крупныя и мелкія птицы, какъ напр. *глухари, рябчики* и пр. Стада *тетеревей* постоянно попадаются по дорогѣ на березкахъ, на которыхъ они, какъ видно, находятъ пріятную для себя пищу. По временамъ появляются въ этихъ лѣсахъ и *медвѣди*, которые въ качествѣ незванныхъ посѣтителей заходятъ сюда, быть можетъ, даже изъ Бѣловежской пущи. О своемъ появленіи они даютъ знать крестьянамъ сбрасываніемъ ульевъ и вы-

дираніемъ изъ нихъ пчелъ, съ такъ называемыхъ *станковъ*, устраиваемыхъ на большихъ соснахъ. Такъ разсказывали мнѣ, что въ половинѣ нынѣшняго сентября около деревни *Хотыничъ* и станціи *Буды* въ нѣсколькихъ мѣстахъ медвѣди поскидывали и пораздирали ульи съ пчелами. Не рѣдко также появляются здѣсь и *волки* стадами. Они нападаютъ не только на домашній скотъ, но часто заѣдаютъ и лосей. Такъ въ прошломъ году найдены были остатки пяти лосей, задавленныхъ волками. Цѣлыми десятками истребляютъ волковъ охотники, какъ опасныхъ и вредныхъ животныхъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, если вѣрить разсказамъ, помѣщикъ Н. убилъ ихъ 20, а въ лѣсахъ кн. Радзивилла до 75.

Въ благопріятное лѣто въ лѣсахъ этихъ обильно родятся *грибы* и *ягоды* разнаго рода (земляника, малина, черника, клюква, брусника, калина и проч.). Трудолюбивый крестьянинъ отъ сбора ихъ можетъ выручить порядочную копейку. Грибы сушатъ и для своего употребленія и для продажи; рыжики большею частью употребляютъ въ пищу свѣжіе и порядочно ихъ солить для долгаго сохраненія, кажется, не умѣютъ; по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ они попадаются здѣсь рѣдко. Ягоды, особливо чернику также сушатъ на болѣе продолжительное сохраненіе и для продажи. Соку изъ клюквы, напримѣръ, и другихъ ягодъ не выдѣлываютъ и онъ здѣсь не попадается. При умѣньи это также могло бы составить немаловажную статью дохода въ бюджетѣ крестьянина здѣшнихъ мѣстъ.

Главное мѣсто сбыта этихъ лѣснихъ произведеній деревня Хотыничи, а еще болѣе м. *Логишинъ*. Впрочемъ, отъ зоркаго глаза еврея - барышника нигдѣ ничто не укроется. Они шныряютъ по деревнямъ и усадьбамъ, отъискиваютъ и закупаютъ у крестьянъ всѣ запасы и перепродаютъ потомъ по такимъ цѣнамъ, какія имъ угодно назначить. Нигдѣ и ни въ чемъ безъ нихъ обойтись невоз-

можно; все приходится получать черезъ ихъ руки. Почему бы, кажется, между самими крестьянами не найтись такому предпріимчивому и сметливому промышленнику, который бы могъ заняться покупкою и перепродажею подобныхъ предметовъ. При знаніи и умѣніи вести свои дѣла такой промышленникъ не остался бы въ убыткѣ. Нынѣшнее лѣто было неблагопріятно для сбора грибовъ, которыхъ, по словамъ крестьянъ, родилось очень мало въ сравненіи съ прежними годами. Евреи закупили, гдѣ могли, скудные запасы у крестьянъ и препродаютъ — грибы по 35 коп., сушеныя ягоды по 15 к. и болѣе за фунтъ.

Должно полагать, что *пчеловодство* также составляетъ немаловажный предметъ занятій для обитателей этой лѣсистой страны, судя по часто попадающимся даже при самой дорогѣ ульямъ, размѣщеннымъ на соснахъ на особо устроенныхъ для того станкахъ. Къ сожлѣнію, объ этой важной и очень интересной отрасли сельскаго хозяйства не удалось мнѣ этотъ разъ собрать подробныхъ и болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній.

2.

За почтовою станціею *Синявкой* мѣстность, доселѣ скучная своимъ однообразіемъ, вдругъ перемѣняется и принимаетъ болѣе веселый и пріятный видъ. Лѣса кончились и передъ вами открывается обширное, необозримое пространство. Поверхность представляетъ то возвышенія, пригорки и холмы, то глубокія, зеленѣющія долины. Въ отдаленіи разстилаются, какъ бархатные ковры, прекрасные озимые всходы, обѣщающіе хорошій урожай на будущее лѣто. Мѣстами виднѣются деревни, которыя то робко выглядываютъ изъ-за небольшихъ лѣсовъ, то вдругъ прячутся въ зеленѣющихъ рощахъ. Передъ вами почтовая дорога тянется нескончаемою лентою, извиваясь по возвышеніямъ и пригоркамъ. Съ одной и другой стороны ея сто-

ятъ стройнымъ рядомъ красивыя *березки*, которыя въ проѣздѣ то взбѣгаютъ передъ вами на горки, то вдругъ опускаются внизъ въ долины. Каждая изъ нихъ наряжена въ кудри, которыя яркимъ золотистымъ цвѣтомъ блестятъ на ясномъ осеннемъ солнцѣ. Изрѣдка межъ ними мелькнетъ *сосна* и *ель* въ темно-зеленаго цвѣта бархатномъ нарядѣ, который носятъ онѣ не по послѣдней модѣ, какъ наши красавицы, а по модѣ, которой придерживаются онѣ тысячи, а можетъ быть, и сотни тысячъ лѣтъ. Природа не такъ перемѣнчива и прихотлива на моды, какъ люди: законы ея вѣчны, неизмѣнны. А вотъ между березками вспыхнула яркимъ румянцемъ, какъ деревенская красавица, и *рябина*. Дрозды и прочая лѣсная дичь налетѣли на нее стадой и она мгновенно лишилась и своего румянца, и всей своей прелести..... Все въ природѣ прекрасно и торжественно. А между тѣмъ осень, какъ она ни прекрасна, навѣваетъ на душу какое-то неопредѣленно-упылое чувство, въ которомъ невозможно дать себѣ яснаго отчета. Невольно душа возносится къ небу тихою, безмолвною молитвою безъ звука и словъ.

Вотъ наконецъ и м. *Несвижъ*. При въѣздѣ въ него прежде всего представляется взору вашему старинный замокъ съ высокою башнею, на которой еще и теперь паритъ одноглавый орелъ. Это давняя резиденція князей Радзивилловъ несвижскихъ замокъ стоитъ на возвышеніи, обведенъ кругомъ очень высокими земляными валами, на которыхъ нѣкогда стояли пушки. За валами находится глубокій ровъ, который наполнялся водою изъ тутъ же находящагося озера, въ которое впадала небольшая рѣчка. Изъ мѣстечка въ замокъ черезъ озеро проведена была длинная плотина. На ней находился нѣкогда сводный на цѣпяхъ мостъ, который въ нужныхъ случаяхъ разнимался и замокъ дѣлался неприступнымъ, какъ крѣпость.

Въ замкѣ, гдѣ прежде кипѣла бурная жизнь и шумное

веселье, теперь все тихо и спокойно. Въ немъ живутъ только оффиціалисты нынѣшняго владѣльца. Множество комнатъ совершенно пусты. Между замѣчательностями въ замкѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе любопытныхъ посѣтителей *портретная галлерея* фамиліи князей Радзивилловъ. *) Портреты во весь ростъ, иные даже больше настоящей величины, развѣшаны по стѣнамъ пустыхъ комнатъ верхняго и нижняго этажей. Всѣхъ портретовъ, находящихся на виду больше 210. Между портретами всѣхъ кн. Радзивилловъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, тутъ есть и портретъ короля Сигизмунда I, и Владислава Ягеллы (послѣдній очень хорошо сохранился и вѣроятно новѣйшей работы) и Понятовскаго; также портреты Жолкевскаго, Григорія Ходкевича (основателя православныхъ церквей), Льва Сапѣги, епископа виленскаго Протасевича и мн. др. Тутъ есть и портреты кіевскихъ митрополитовъ *Петра Могилы* (№ 135) и Жоховскаго. Между Радзивиллами является благодушный и короткій ликъ *князя Константина Острожскаго* (№ 77), знаменитаго ревнителя право-

*) Когда вы глядите изъ оконъ замка, котораго залы украшены фамильными портретами прежнихъ владѣльцевъ въ яркихъ польскихъ костюмахъ—на внутренній дворъ, вымощенный дикимъ камнемъ, и вашъ доморощенный чичероне повѣтствуетъ вамъ, что здѣсь, въ торжественные дни, или передъ войною, собиралось когда-то войско князей Радзивилловъ; когда онъ указываетъ на темницы (подвалы) и по нынѣ частью уцѣлѣвшія,— воображеніе живо рисуетъ передъ вами отжившую эпоху владычества «рѣчи посполитой», съ ея безспокойными магнатами, шляхтой и религіозными преслѣдованіями, подъ покровомъ іезуитизма;— съ ея сеймиками, съ ея историческимъ Veto (niepozwalam), которое какъ бы и по нынѣ слышится подъ сводами старинныхъ залъ одного изъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ рѣчи посполитой, и наконецъ—съ этимъ роковымъ memento mori; finis poloniae! впервые пророчески произнесенныхъ лучшимъ изъ людей Польши: Костюшкою.

Въ замкѣ имѣется тоже Библіотека съ фамильными и другими актами князей Радзивилловъ. Къ сожалѣнію библіотека эта доступна только для избранныхъ: теперь занимаются ея разборомъ по порученію владѣльца.

славія во времена тяжкой и трудной борьбы его съ уніей, и сына его Александра. Въ большой парадной залѣ выставлены двѣ картины огромныхъ размѣровъ — во всю длину и высоту стѣнь. Одна изъ нихъ представляетъ возведеніе одного изъ предковъ Радзивилловъ въ княжеское достоинство; другая представляетъ одного изъ Радзивилловъ въ качествѣ гетмана командующимъ военными дружинами всей Литвы.

Внизу, при входѣ въ домовую капеллу, хранятся 21 старинныя *пушки*. Нѣкоторыя изъ нихъ очень велики, имѣютъ до 2 сажень длины и отлиты изъ отличной мѣди. Наибольшая между ними—это пушка Яна Собѣскаго, недавно найденная гдѣ то въ землѣ. На ней означенъ 1692 годъ Нѣсколько изъ нихъ отличаются красивою отдѣлкою и особенно изящною рельефною рѣзьбою.

Въ р.-католическомъ костелѣ, который стоитъ на краю м. Несвижа по дорогѣ въ замокъ; находятся *гробы князей Радзивилловъ*. Вся внутренность этого костела, стѣны и потолокъ, расписаны яркихъ цвѣтовъ живописью для прежняго времени очень красивою и изящною. Подъ зданіемъ идутъ подземелья и склепы со сводами. Слабый лучь свѣта только изрѣдка проникаетъ въ это уединеніе. Тамъ въ волшебномъ полумракѣ при могильной тишинѣ тлѣютъ кости князей Радзивилловъ въ богатыхъ гробницахъ, которыя опущены въ дубовыя гробы. Всѣхъ гробовъ находится здѣсь до 80 большихъ, и нѣсколько малыхъ, дѣтскихъ. Большая часть гробовъ заколочены наглухо, но нѣсколько изъ нихъ открываются. Вотъ напр. въ углу гробъ, въ которомъ лежитъ жена одного изъ князей Радзивилловъ. Атласная матерія ея платья или покрывала еще не совсѣмъ истлѣла; а атласные бѣлые башмаки на ея ногахъ, почти совсѣмъ цѣлы. Только смерть и тлѣніе, нещадящія ни красоты, ни знатности, наложили тяжелый и мрачный отпечатокъ на ея лице, которое, быть можетъ, нѣ-

когда сіяло очаровательною красотою. А вотъ на противоположномъ концѣ при стѣнѣ лежитъ и послѣдній изъ князей Радзивилловъ, скончавшійся 1791 г. Пане Коханку, составившій такую повсемѣстную извѣстность своими причудами. Не развалившаяся еще его грудь необыкновеннаго объема и очень толстыя голени его ногъ выглядывающія изъ толстоко ихъ голенищъ сапогъ, доказываютъ его атлетическое сложеніе и высокій ростъ. Черепъ головы покрытъ какою-то матеріею. Облаченіе на немъ еще не совсѣмъ истлѣло: замѣтны остатки шерстяной одежды и куски синей, шелковой ленты на груди.

Гробовая тишина владѣетъ въ этомъ подземельномъ царствѣ смерти. При слабыхъ лучахъ свѣта, изрѣдка проникающихъ сюда черезъ небольшія окна, въ могильной тишинѣ и полумаркѣ, тлѣютъ здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ остатки цѣлыхъ поколѣній; тлѣютъ, пока труба архангела не вызоветъ ихъ изъ богатыхъ гробницъ. Тогда всѣ они толпою, числомъ до 80, выйдутъ изъ этихъ подземелій, чтобы дать отчетъ, какъ каждый изъ нихъ жилъ, на какія добрыя или злыя дѣла употреблялъ тѣ громадныя средства, значеніе и вліяніе, которыя въ его распоряженіе дала судьба.

3.

На половинѣ дороги изъ м. Несвижа въ м. Міръ на 14 в. не мѣшаетъ побывать въ деревнѣ Городзеѣ, находящейся въ двухъ верстахъ въ сторонѣ отъ почтовой дороги. Тамъ находится обширная *сыроварня.* Сыры, здѣсь выдѣлывающіеся на подобіе швейцарскихъ извѣстны подъ именемъ сыровъ *Броходскаго,* пользуются хорошею извѣстностью и закупаются въ большомъ количествѣ для развоза въ разныя мѣста.

При въѣздѣ *въ м. Міръ,* въ такомъ же почти разстояніи отъ него, какъ и въ м. Несвижъ находился въ давнія времена оборонительный замокъ князей Радзивилловъ

мірскихъ на возвышеніи, господствующемъ надъ городомъ. Теперь стоятъ только однѣ развалины его. Двухъэтажныя стѣны замка, еще и теперь въ развалинахъ имѣющія до 5½ саженъ высоты выведены въ квадратъ, котораго каждая сторона имѣетъ до 30 саженъ. По четыремъ угламъ возвышаются надъ стѣнами четыре боевыя башни въ нѣсколько ярусовъ, которыя еще и теперь имѣютъ до 9 саженъ высоты. Въ башняхъ съ каждой стороны находится по нѣскольку отверстій и оконъ одно надъ другимъ, очевидно для пушекъ и огнестрѣльнаго оружія. Надъ стѣною, обращенною съ м. Міру и составлявшею фронтъ замка, возвышается еще и пятая башня, подъ которою былъ въѣздъ въ замокъ. Въ каждой башнѣ находилась узкая, витая спиралью лѣстница, она вела на самый верхъ башни. По ней можно было пробираться только одному человѣку. И теперь еще по одной изъ нихъ можно взобраться на самый верхъ башни, но для того нужно имѣть смѣлость и рѣшительность, потому что крутая лѣсница очень узка, и когда вы подымаетесь по ней, постоянно надъ головою у васъ торчатъ кирпичныя глыбы, ежеминутно готовыя на васъ обрушиться; подъ вами обрываются кирпичи, открываются то щели, то трещины, въ которыя легко провалиться, оступившись. За то, тотъ кто, одолѣвъ всѣ эти трудности и опасности, взберется на самый верхъ башни, вознагражденъ будетъ пріятнымъ зрѣлищемъ. Сверху башни однимъ взглядомъ онъ въ состояніи будетъ обнять безпредѣльное пространство вокругъ представляющее прекрасную картину.

Въ 9 саженяхъ отъ стѣнъ замка идутъ прямыми линіями, соотвѣтственно стѣнамъ самаго замка и образуя квадратъ, земляные валы, имѣющіе 2 сажени высоты. Съ наружной стороны они имѣютъ въ высоту 4 сажени, а по верху вала въ ширину 2 саж. По угламъ валовъ, соотвѣтственно

четыремъ угловымъ башнямъ замка, замѣтны бастіоны. За валами глубокій ровъ, теперь сухой, въ прежнее же время наполнявшійся водою, вѣроятно, изъ небольшой въ настоящее время тутъ находящейся рѣченки, которая въ давнія времена могла быть гораздо большею.

Жителей въ м. Мірѣ считается: христіанъ 622, евреевъ 1012, татаръ 52 души муж. пола. Христіане почти всѣ православнаго исповѣданія и возвратились къ вѣрѣ своихъ отцевъ года два тому назадъ. Въ католичество они были обращены въ минувшія столѣтія насиліями могущественныхъ магнатовъ, слѣдовавшихъ внушеніямъ агитаторовъ католическо-польской пропаганды. Мнѣ наприм. попадался документъ 1709 года, въ которомъ Карлъ Станиславъ Радзивиллъ Мірскій, водворяя при Мірской церкви базиліянъ, вмѣняетъ имъ въ обязанность ѣздить по деревнямъ для распространенія католической вѣры. Когда, сказано въ документѣ, пріѣдетъ монахъ въ деревню, тогда деревенскія власти должны собрать крестьянъ въ одну избу и тамъ должны они слушать наставленія и поученія монаховъ въ правилахъ католической вѣры. Непокорныхъ и ослушниковъ предписывалось приводить въ замокъ для расправы. Неудивительно, что подобныя дѣйствія, поддерживаемыя сильными вельможами и панами польскими, приготовляли цѣлыя деревни къ отреченію отъ вѣры своихъ отцевъ и къ совращенію въ католичество.

Православная Мірская церковь, освященная изъ р.-католическаго костела, украшается, въ настоящее время очень благолѣпно, благодаря стараніямъ и попечительной заботливости мѣстнаго духовенства и усердію прихожанъ. Особливо иконостасъ и недавно выписанное паникадило вполнѣ соотвѣтствуютъ обширности зданія и украшаютъ домъ молитвы.

Замѣчательна, между прочимъ, сохранившаяся въ м. Мірѣ, вѣроятно еще отъ давнихъ временъ, организація

цѣховъ, которыхъ здѣсь четыре: сапожный, гончарный, ткацкій и кузнецкій. Они имѣютъ ремесленный и полурелигіозный характеръ, составляя нѣчто въ родѣ церковныхъ братствъ. Каждый цѣхъ имѣетъ въ церкви свою хоругвь и братскія свѣчи, отличающіяся громадною величиною. Всякое торжественное богослуженіе совершается при участіи цѣховъ. При торжественныхъ похоронахъ цѣхи также принимаютъ участіе съ своими хоругвями и свѣчами. Люди. близко знакомые съ внутреннею жизнью Мірскихъ цѣховъ, увѣряютъ, что они имѣютъ доброе вліяніе на нравственность жителей. Напримѣръ, при погребеніяхъ они принимаютъ всѣ расходы на средства своей общины и при этомъ не бываетъ никакихъ попоекъ, безъ которыхъ въ другихъ мѣстахъ почти никогда не обходятся подобные случаи.

4.

Въ 45 верстахъ отъ м. Міра находится г. Новогрудокъ. Подъѣзжая къ нему, точно также какъ въ Мірѣ и Несвижѣ, прежде всего является взору путешественника старинный замокъ на горѣ. Только остатковъ отъ него сохранилось здѣсь несравненно меньше, чѣмъ въ м. Мірѣ. На очень высокой горѣ на сѣверной ея сторонѣ держатся только двѣ высокія кирпичныя на каменномъ фундаментѣ башни. Онѣ имѣютъ квадратную форму: каждый бокъ большей башни имѣетъ до 5 саженъ; другая башня немного меньше. Толщина стѣнъ башенъ одинъ саженъ, а высота ихъ до 7 саж. Въ башняхъ, внутри, теперь замѣтно три этажа; въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку оконъ и отверстій со всѣхъ сторонъ, очевидно для пушекъ и огнестрѣльнаго оружія. Подъ одною изъ башень сохранился еще проѣздъ по направленію съ южной на сѣверную сторону. Въ боковой стѣнѣ башни замѣтенъ узкій ходъ; вѣроятно тутъ была такая же лѣстница на верхъ башни, какъ и въ башняхъ мірскаго замка. Замокъ стоялъ на очень высокой горѣ, имѣющей правиль-

ную форму усѣченнаго конуса. Теперь при основаніи этотъ конусъ имѣетъ до 300 саженъ по вершинѣ вокругъ до 200 саженъ, а отъ основанія до вершины по наклонной линіи до 30 саженъ. На вершинѣ горы замѣтна большая впадина, въ которой вѣроятно находилось какое то строеніе, судя по кирпичному фундаменту. При основаніи гора обведена глубокимъ рвомъ, за которымъ находятся земляные валы.

Съ вершины горы, на которой стоятъ старыя башни, открывается на сѣверную сторону едва обозримое глазомъ пространство: поверхность холмистая, испещренная множествомъ зарослей, лѣсовъ пахатныхъ полей. По этой поверхности вьются по пригоркамъ, какъ змѣйки, дороги въ разныхъ направленіяхъ. Вездѣ раскинуты то деревни, то усадьбы; при нихъ пахатныя поля и огороды. Вообще видъ на сѣверную сторону прелестный, особливо при яркихъ лучахъ утренняго осенниго солнца. Видъ съ горы на южную сторону закрытъ городскими строеніями.

———

Вотъ сколько остатковъ старой жизни отлетѣвшихъ въ вѣчность столѣтій попадается на одной только дорогѣ отъ г. Пинска до г. Новогрудка, на разстояніи 225 верстъ. Мы переживаемъ эпоху, когда старая жизнь, старыя начала умираютъ, истлѣваютъ вмѣстѣ съ своими представителями въ темныхъ гробахъ, рушатся, подобно старымъ башнямъ Мірскаго и Новогрудскаго замковъ. На развалинахъ старой жизни уже слышно вѣяніе новой—вѣяніе свѣжихъ новыхъ, началъ. Будемъ же дружно съ постояннымъ усиліемъ работать во имя этихъ новыхъ началъ и новой жизни; будемъ неуклонно слѣдовать въ своихъ усиліяхъ руководительнымъ указаніямъ свыше и, въ твердомъ упованіи на помощь Божію, ожидать и надѣяться для этихъ странъ лучшей и болѣе свѣтлой будущности, чѣмъ времена минувшія.

Кукминъ.

Мин. Губ. Вѣд:

ОЧЕРКИ НРАВОВЪ БОРИСОВСКАГО УѢЗДА.

Крестьяне вообще—какъ народъ мало развитой и пользующійся совершенно равными правами между собою въ общественной жизни и имѣющій по этому общіе интересы—разумется чужды нашимъ принятымъ условіямъ и приличіямъ. Все то, что условливается приличеніемъ въ классѣ людей образованныхъ, у крестьянина дѣлается по принятому стародавнему обычаю или по своеобразному взгляду на вещи. Напримѣръ: на свадьбахъ иногда гуляетъ цѣлая деревня, иногда только родственники жениха и невѣсты, а иногда нѣсколько постороннихъ; родственники же самые близкіе стоятъ у дверей хаты въ качествѣ наблюдателей. По поводу этого мнѣ приходилось не разъ дѣлать замѣчанія на свадьбахъ.

— Никита! вѣдь это твой дядька стоитъ у дверей, что ты не приглашаешъ?—„Да уже-шъ нѣколи попрошу, гето своячина, говоритъ онъ: маувляувъ-ты: гневацця не будзець калишъ-ци выпьемъ; а цяперь нехай госци гуляюць. Канцелярія ганяецъ за гроши, а Богъ кривдицъ урожаемъ; калибъ гэто Богъ да дау, дакъ чамужъ? Можно булобы пажиць, да и горѣлочки можно булобы купиць, да къ святу кума запрасить и каубасу спекціи.“

Все это, какъ видите, происходитъ не изъ ихъ особыхъ взглядовъ на условныя отношенія окружающей среды цивилизованнаго общества, а просто или отъ невѣжества, или по обычаю, какъ гдѣ принято ибо замѣтье, что при всемъ довольствѣ жизни, онъ родственника своего не позвалъ-бы на свадьбу, а на свято, т. е. на какой-либо церковный годичный праздникъ. Главное же сосредоточніе массы заключается въ одинаковой необходимости, понятіяхъ, вѣрованіяхъ, или преданіяхъ. Это случается почти въ каждой деревнѣ, селѣ, обществѣ и наконецъ въ цѣлыхъ волостяхъ. Къ такому роду единства въ жизни крестьянина можно отнести: дзяды, т. е. дни поминовенія по усопшимъ,

годовые и церковные праздники, или такъ называемые кермаши, на которые стекаются (смотря по важности праздника, преданія, событія или продажи своего товара) цѣлыя селенія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ или даже изъ другихъ уѣздовъ, оставляя свои хаты на попеченіе сосѣдямъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ цѣлыми вереницами тянулся народъ наканунѣ праздника пѣшкомъ, въ телѣгахъ и верхомъ, держа въ рукахъ свѣчи, которыя заранѣе освящались священниками. (1)

Всякъ былъ одѣтъ въ лучшее платье, толпа бѣлѣла, пестрѣла и скрывалась въ зелени лѣсовъ. Иные крестьяне, лежа въ телѣжкахъ, или какъ они называютъ, на колахъ, шептали молитвы, искажая слова и смыслъ ихъ до-нельзя, напримѣръ: „Слова табѣ боже, слова боже, шепталъ одинъ"; другой твердилъ, „цару небесному удушицелю, душа истина"; третій, надвинувъ шапку или магерку на глаза, серьезно произносилъ: „ойче нашъ, бацько нашъ, на небо взойшоувъ, чартей съ неба сопхаувъ, избави насъ отъ лукаваго твояго, святаго, (2) амэнъ"

Но надо замѣтить, что, благодаря нынѣшнему усердію священниковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молитва въ устахъ народа исправляется, насколько можно, чтеніемъ въ церкви; но и теперь сплошь и рядомъ найдете, что крестьянинъ вмѣсто „при понтійстемъ пилатѣ," читаетъ, „при пантійской палатѣ."

Вообще по присущей человѣку природѣ творчества, при весьма сжатыхъ условіяхъ жизни и при удаленіи полнаго наблюденія надъ его внутренней стороной, и наконецъ, при довольно преворномъ чтеніи въ церквахъ молитвъ, крестьянинъ ловитъ слова и ими снабжаетъ молитвы самъ безъ всякой редакціи, иногда же работаетъ его собственная фантазія; напримѣръ: вы слышите молитву на

1) См. уніатскій требникъ освященія огня.
2) Вѣроятно святаго относится: да святится имя твое.

сонъ грядущій въ Тулѣ: „хрестъ во мнѣ, хрестъ во лбѣ, хрестъ надо мной, хресть подо мной, уся крестами обложена раба божія Авдотья;“ иногда за этимъ слѣдуетъ исчисленіе святыхъ мощей, иконъ или монастырей. Но вы догадываетесь, что наборъ этотъ словъ отдается паломничествомъ и переданъ народу странниками и странницами. Здѣсь же въ Бѣлоруссіи чувство и смыслъ выражется проще, яснѣе и даже поэтичнѣе, напримѣръ: „Ложуся спаць, сузди Боже встаць, Матерь Божія постель стель, Христомъ покрываюся“ или „Ложуся спаць, сузди Боже встаць, аньелы мои станьте при мнѣ, что вамъ, то и мнѣ.“ Далѣе крестьянинъ, сидя на лавкѣ и скрестивъ на груди руки, довольно разсѣянно продолжаетъ въ полъ-голоса: „А въ нядзельку раненько, найсвентша матка по небу ходзила, своего сынечку за ручку водзила до мши, (1) со мши на казанье (2) въ рай; а въ раи вялизный камень ляжиць, на гэтымъ каменѣ стольчикъ стоиць, на тымъ стольчику Iезусъ ляжиць, свои раны распатруэ, (3) горячей кровью поливаэ. Матка моя наймилѣйшая, кэды менэ жалуешь, (4) закажъ Петру и Павлу, чтобъ яны спастили среду и пятницу, а въ нядзельку (5) раненько до божіей службы хадзили.“

Народъ всегла тайну хочетъ облечь въ какія-то осязательныя формы, и чѣмъ недоступнѣе для него предметъ, тѣмъ пластичнѣе характеризуется онъ въ словѣ; чтоже кажется разуму и понятію его вовсе недоступнымъ, то онъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ, оставляя на долю поэтическаго воображенія предметы болѣе ему знакомые и усвоенныя народною фантазіею.

Напримѣръ: я не могъ добиться понятія о славномъ воскресеніи Христовомъ, напротивъ о паденіи въ это время

1) Мша—обѣдня.
2) Казанье—проповѣдь.
3) Распатруэ—разсматриваетъ.
4) Жалуешъ—жалѣетъ.
5) Недѣля—воскресенье.

діавола народъ создалъ свою сказку; силился сочинить что-то въ знакъ торжества сына Божія, но ограничился однимъ праздничнымъ припѣвомъ къ набору словъ изъ обыденной жизни; и такъ прошу слушать: въ субботу подъ воскресеніе Христово крестьяне усаживаются въ хатѣ за столъ, накрытый скатерью и уставленный разнымъ печенымъ и вареньмъ кушаньемъ; старшій начинаетъ говорить: „Пильнуйте (1) дѣтки, кабъ намъ сказать вмѣстѣ съ бацюшкомъ Христоса, да, цяперѣ чарту горе: онъ подъ Божіимъ вяленіемъ у балотцѣ сидиць на ланцугу (2) и тый ланцугъ грызецъ; а кали мы не упильнуемъ, да оторветца, тогда насъ побьецъ, будемъ дзѣтки стараться кабъ разомъ сказаць съ священникомъ: Христосъ воскресъ! дакъ тогда у яго (черта) ланцугъ потолстее и будзе енъ сидзець у тымъ болотѣ; а вы дзѣтки пильнуйтеся на лѣто того дня и кабы и зновъ не забылися.“

Послѣ этого, они спѣшатъ сказать: Христосъ воскресе! и пропѣвши „далъ Богъ вяликъ день, испечемъ порося и возрадуемся“ приступаютъ къ разгавливанью. Но надо замѣтить, что это дѣлается въ отдаленныхъ деревняхъ отъ церквей, гдѣ крестьянскія явства освѣщаются заранѣе священникомъ.

У кого есть водка, пьютъ ее въ хатахъ; большая же часть крестьянъ идетъ въ корчму и уже тутъ начинается праздникъ.

Представьте себѣ на углу деревни корчму; на крыльцѣ, на завалинкѣ и возлѣ нее стоятъ и сидятъ крестьяне и разсуждаютъ.

— А што, кажу я вамъ, говоритъ одинъ: будземъ говорить о совѣстномъ.— Будземъ хлопцы; яго нетреба намъ, енъ усимъ кривдзиць; ни якой жадной рады нема.

Между тѣмъ совѣстный въ корчмѣ отплясываетъ подъ

1) Пильновать—стеречь, наблюдать.
2) Ланцугъ—цѣпь.

отчаянную игру двухъ скрыпокъ такъ называемую *лявониху*. Танецъ этотъ довольно ловокъ, мужчины взявши по дѣвкѣ, съ пристукомъ каблукомъ, съ шиканьемъ и съ припѣвомъ довольно остроумныхъ, но неприличныхъ стиховъ, сначала ходятъ кругомъ, потомъ мужчина кладетъ руки на плечи своей дамѣ, она его тоже обхватываетъ и начинается круженіе на подобіе вальса или польки. Между тѣмъ, за столомъ сидятъ пьяные, раскраснѣвшіеся бѣлоруссы и толкуютъ, кто о чемъ вздумаетъ; но какъ пьяному человѣку всегда хочется покричать и побуянить, то нерѣдко припоминается давнишняя обида.

— Ты, кажу, говоритъ одинъ, куря трубку,—сяго лѣта майго хлопца забиувъ.

— А ты, кажу, у меня шкоды наробилъ пару гоней (1), кажу, коньми попсоваувъ.

Затѣмъ хлопъ въ ухо Никиту, Никита Ничипора, Ничипоръ какъ бы невзначай совѣстнаго; за совѣстнаго вступается его партія или родня, и начинается свалка.

— Пане свѣтскій ратуй, забиваютъ — кричатъ мужики, обращаясь къ дьячку, и вотъ миротворцемъ является духовная особа.

— Постойте, постойте кричитъ дьячекъ, сего не дозволяется начальствомъ.

— Что будетъ робить начальство, кали енъ схватиувъ за бороду, да увжешь повыдзеръ усѣ волосы, щемиць голова ажъ шкура отстала.

— А ты въ якого Бога вѣруешъ? Спрашиваетъ дьячекъ.

— Въ якого усѣ.

— А въ Христа вѣруешь?

— Вѣрую

— Въ якого же больше?

Вопросъ этотъ заинтересовываетъ мужиковъ и они драку прекращаютъ.

---

1) Гоны—полосы.

— Въ якого панъ завелитъ, ты-жъ разумнѣйшій за насъ.

— А, то-то! Теперь я вамъ не скажу, поелику дѣтей въ школку не отдаете.

Мужики чешутъ въ затылкахъ и идутъ изъ корчмы въ недоумѣніи, якой Богъ больше: чи тотъ, что мулеръ пише молодѣйшимъ, или его старожитный ойтецъ, или-жъ голубъ.

Толпа идетъ по деревнѣ; два крестьянина продолжаютъ играть, наконецъ останавливаются у помѣщика или хорошаго хозяина подъ окномъ и раздается славленье.

Голосъ: — А на муравѣ, а на зеленой.
Хоръ: — Христосъ воскресъ сынъ Божій.
Тамъ лежало тесовое брусье,
Христосъ и проч.
А на тымъ брусьѣ мужи сидзѣли.
Христосъ и проч.
Раду радили,
Христосъ и проч.
Раду радили, да великую,
Христосъ и проч.
Да великую, да немалую:
Христосъ и проч.
Обирали войта славнаго мужа,
Христосъ и проч.
Молодаго Львовеньку.
Христосъ и проч.
Даруемъ ему три подарочки:
Христосъ и проч.
Первый подарокъ ворона коня,
Христосъ и проч.
Второй подарокъ серебро и злото,
Христосъ и проч.
Третій подарокъ ядреное жито.
Христосъ и проч.
Ворона коня на поѣздочку,
Серебро-злото на уплаточку,
Ядрено жито на пожиточекъ.
На ворономъ кони поѣзжать буду,

Грошьми своими шеловать буду;
А ядренымъ житомъ дѣтей кормить.

В. Соколовъ.
Мин. Губ. Вѣд.

БРОШЮРА О ВОЗМОЖНОМЪ РАЗРѢШЕНІИ КАТОЛИЧЕСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.

Недавно появилась въ Кіевѣ брошюра г. Краинскаго, подъ заглавіемъ: „О возможномъ разрѣшеніи католическаго вопроса въ Россіи“. Брошюра эта обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что она затрогиваетъ одинъ изъ важныхъ для Россіи вопросовъ. Для того, чтобы отдѣлить у насъ католическую религію отъ полонизма, т. е., чтобы всякій исповѣдующій католическую религію не считалъ себя непремѣнно полякомъ и въ этомъ качествѣ какбы обязаннымъ вредить Россіи, г. Краинскій считаетъ необходимымъ учредить въ предѣлахъ русскаго государства отдѣльную отъ Рима католилескую церковь, съ предоставленіемъ ей права самоуправленія и соборнаго поставленія своихъ епископовъ.

Развивая свою мысль, г. Краинскій восходитъ ко временамъ Екатерины II, которая хорошо понимала весь вредъ, проистекающій для государства отъ зависимости русскихъ подданныхъ въ религіозномъ отношеніи отъ иностраннаго государя, и потому указомъ 6 сентября 1795 года торжественно возобновила прежнія свои повелѣнія, „воспрещающія епископамъ, монастырямъ и всему духовенству римскаго исповѣданія признавать себя зависимыми отъ какой-либо духовной власти, пребывающей внѣ предѣловъ Имперіи, имѣть предосудительнныя общему спокойствію отношенія, или высылать имъ доходы или часть оныхъ, избирать провинціальныхъ и генеральныхъ суперіоровъ, повиноваться ихъ повелѣніямъ“. Держась этихъ общихъ началъ

въ отношеніяхъ русскихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія съ римскимъ дворомъ, Екатерина II собственною властію, безъ предварительнаго соглашенія съ папою, учреждала въ своихъ владѣніяхъ римско-католическія каѳедры и назначала на нихъ епископовъ.

Но мысль Екатерины II не была доведена до конца. По кончинѣ императрицы, отношенія русскихъ католиковъ къ папѣ вошли въ прежнія формы и окончательно узаконены конкордатомъ 1847 года. Такимъ образомъ въ предѣлахъ Россіи образовалось нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, независимаго отъ верховной власти императора и покорнаго лишь папѣ. Но такой порядокъ вещей не могъ принести ничего, кромѣ вреда государству, что и обнаружилось, между прочимъ, во время мятежа 1863—1864 года, когда папа, въ посланіяхъ къ варшавскому архіепископу, называлъ мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ для подавленія мятежа, ожесточенною войною, воздвигнутою имъ противъ католической церкви, ея правъ и духовенства, и отмѣняя распоряженія русскаго правительства, предписывалъ духовенству оставаться до конца вѣрнымъ тому образу дѣйствій, которому оно до тѣхъ поръ слѣдовало.

Предоставленіе католической церкви въ Россіи права самоуправленія и соборнаго поставленія своихъ епископовъ г. Краинскій основываетъ на томъ, что ея каноническое право не есть вселенское, а основано на декреталіяхъ, признанныхъ подложными, на буллахъ самихъ папъ и на постановленіяхъ тридентскаго собора, не для всѣхъ даже католическихъ державъ признанныхъ обязательными, и наконецъ на томъ, что образованіе отдѣльныхъ митрополій издревле вызвано было необходимостью ближайшаго надзора за церковнымъ управленіемъ и освящено въ самомъ принципѣ постановленіями вселенскихъ соборовъ, въ слѣдствіе чего могла отдѣлиться отъ константинопольскаго

патріархата при царѣ Өедорѣ Іоанновичѣ русская церковь и въ 1834 году церковь греческаго королевства.

Принимая все это во вниманіе, г. Краинскій считаетъ возможнымъ учредить отдѣльную отъ Рима митрополію въ западной части Россійской Имперіи посредствомъ помѣстнаго католическаго собора въ Россіи. Но прежде чѣмъ установить это, нужно, по словамъ г. Краинскаго, подготовить основанія, на которыхъ католическій помѣстный соборъ въ Россіи, съ сознаніемъ своего права, будетъ обсуждать потребности своей церкви, и для этого надобно составить предварительно сводъ того каноническаго права, какое было установлено вселенскою церковію въ теченіи первыхъ восьми вѣковъ христіанства, но по католическимъ источникамъ, чтобы не возбудить ни возраженій, ни сомнѣній со стороны католиковъ. Когда выработаются эти основанія, тогда возможно будетъ созвать и самый соборъ, который, при сохраненіи цѣлости католическаго вѣроученія, устроитъ и свое церковное самоуправленіе къ обоюдному спокойствію государства и русскихъ подданныхъ католиковъ.

Не отрицаемъ того, что если бы мысль г. Краинскаго была приведена въ исполненіе, то отъ этого проистекли бы весьма плодотворныя послѣдствія, какъ для болѣе нормальнаго отношенія русскихъ католиковъ къ государству, такъ и для блага самой католической церкви. Къ сожалѣнію, мы не должны скрывать, что высказанныя г. Краинскимъ предположенія неосуществимы до тѣхъ поръ, пока будетъ существавать папство на своихъ вѣковыхъ началахъ. Г. Краинскій, повидимому, не замѣчаетъ, что установленіемъ отдѣльной отъ Рима католической церкви въ Россіи онъ производитъ коренное измѣненіе въ самомъ существѣ католицизма. Что такое католическая церковь? Въ существенныхъ догматахъ вѣры она также, какъ и церковь православная, есть часть вселенской, соборной и

апостольской церкви. Но въ томъ-то и дѣло, что католицизмъ не остановился на этомъ въ своемъ историческомъ существованіи, не сохранилъ вполнѣ своего вселенскаго характера, а внесъ въ свое вѣроученіе такой догматъ, который самымъ своимъ появленіемъ отнялъ у католической церкви этотъ характеръ и отдѣлилъ ее отъ вселенскаго единства. Это—догматъ о главенствѣ папы. И такъ, если лишить католическую церковь этого существеннаго ея отличія отъ вселенской церкви, то она перестанетъ быть отдѣльною церковію и снова возвратится къ вселенскому единству. Само собою разумѣется, что въ этомъ заключалось всегдашнее стремленіе православной церкви, это и по нынѣ составляетъ и будетъ составлять постоянный предметъ ея ожиданій и молитвъ. Но такой поворотъ въ ученіи католической церкви очевидно не въ расчетахъ римской куріи. Стремленіе къ преобладанію всегда было задушевнымъ стремленіемъ папства, выразившимся между прочимъ и въ наши дни въ извѣстныхъ посланіяхъ нынѣшняго папы къ православнымъ епископамъ. Возможно ли допустить, чтбы папство вдругъ согласилось на отмѣну своихъ мнимыхъ правъ на главенство въ христіанской церкви? Не вселенскаго единства нужно римскому епископу, а вселенскаго господства въ церкви. Въ этомъ заключается сущность и основа его бытія, въ этомъ идеалъ его стремленій и смыслъ всей его исторіи.

Возможно ли произвести предлагаемую г. Краинскимъ реформу безъ согласія папы? Мы полагаемъ, что невозможно. Ни одинъ католикъ въ Россіи, точно также, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, не согласится на это, если только онъ захочетъ остаться настоящимъ, истымъ римскимъ католикомъ. Г. Краинскій говоритъ о подложности декреталій, о каноническихъ постановленіяхъ первыхъ восьми вѣковъ христіанства. Но признать подложность декреталій и истину древнихъ церковныхъ каноновъ, не зна-

чить ли отрицать самый католицизмъ? Вѣдь католицизмъ и основанъ на этихъ самыхъ декреталіяхъ, выдаваемыхъ имъ за истинныя, равно какъ и на отрицаніи католическаго права, дѣйствовавшаго въ древней вселенской церкви. Измѣнить свой взглядъ на эти основы римско-католическаго права—это значитъ ни больше ни меньше, какъ перестать быть римскимъ католикомъ и сдѣлаться православнымъ; но какой же вѣрный сынъ римско-католической церкви согласится на это? Примѣры устройства отдѣльныхъ митрополій въ православной церкви, приводимые г. Краинскимъ, не указъ римскому католицизму. Въ православной церкви это было возможно, потому что православная церковь основываетъ свое единство главнымъ образомъ на единеніи вѣры и духа; тогда какъ въ римско-католической церкви все основано на внѣшней связи, на преобладаніи одного надъ всѣми. Указаніе на отмѣну конкордата въ Австріи и на провозглашеніе свободной церкви въ свободномъ государствѣ въ Италіи также не можетъ служить примѣромъ для Россіи. Конкордатъ отмѣненъ и у насъ. Но все-таки высшее управленіе римско-католическую церковію остается въ рукахъ папы какъ въ Австріи и Италіи, такъ точно и въ Россіи.

Вотъ причины, по которымъ мы считаемъ невыполнимыми предположенія г. Краинскаго. Повторяемъ, до тѣхъ поръ, пока папство останется при своихъ вѣковыхъ началахъ, составляющихъ основу его бытія, никакія сдѣлки съ нимъ невозможны. Пусть слѣдовательно дѣла остаются въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся со времени отмѣны конкордата 1847 года. Слѣдуетъ только принимать мѣры, чтобы вліяніе папы на римско-католическое духовенство въ Россіи не простиралось за предѣлы области чисто-духовной. Тогда это вліяніе останется безвреднымъ въ политическомъ отношеніи, а этого пока и нужно желать въ интересахъ Россіи; религіозный же вопросъ долженъ быть трактуемъ отдѣльно. *Совр. Лист.*

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВИЛЕНСКОЙ ХРОНИКИ НАЧАЛА XVII ВѢКА.

На Большой улицѣ города Вильны есть двѣ историческія достопримѣчательности. Это—два каменныхъ дома: одинъ подлѣ Пятницкой церкви, бывшій нѣкогда собственностью Ходкевичей, а нынѣ принадлежащій виленскому учебному округу; другой—помѣщающійся на углу Большой и Ивановской улицъ, не подалеку отъ дома Ходкевичей, въ настоящее время составляющій собственность почтоваго вѣдомства и занятый почтамтомъ. Домъ этотъ, еще со временъ Сигизмунда I, принадлежалъ князьямъ Радзивилламъ. Въ 1541 г. онъ достался Николаю Радзивиллу, по прозванію, „Черному", послѣдователю ученія Кальвина. Николай Радзивиллъ прикупилъ сосѣдній къ нему домъ, по Ивановской улицѣ, и, соединивъ оба зданія вмѣстѣ, превратилъ ихъ въ мѣсто сбора тогдашнихъ здѣсь реформатовъ для общественныхъ молитвъ. Потомокъ Николая, Юрій, получившій въ наслѣдство этотъ домъ, на оборотъ, благодаря іезуитамъ, былъ уже ревностнымъ католикомъ и, вступивъ въ санъ духовный, сдѣлался кардиналомъ и епископомъ краковскимъ. Онъ избралъ этотъ домъ своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства и устроилъ въ немъ кельи для находящихся при немъ ксендзомъ и домашнюю часовню. Отъ него зданіе получило названіе *кардиналіи*, то е. дома, гдѣ жилъ кардиналъ, которое осталось за нимъ до настоящаго времени. А въ 1600 году, домъ этотъ снова попалъ въ руки яраго кальвиниста, Христофора Радзивилла, воеводы Виленскаго. Между этимъ-то Радзивилломъ и его сторонниками съ одной стороны, и Ходкевичами съ другой, происходила та знаменитая, по поводу замужества княжны Слуцкой, Софіи Олельковичъ, распря и баталія, въ которой участвовали оба дома и о которой я хочу передать читателю характерическія подробности. Тогда цѣлая Вильна, по случаю вооруженной ссоры двухъ магна-

товъ, дрожала за свою личную и имущественную безопасность. Да не только одну Вильну—вражда эта заставила цѣлую страну принять въ ней участіе и поддерживать боровшіяся стороны, безъ всякой для себя пользы, единственно изъ угожденія пустому самолюбію двухъ расходившихся пановъ.

Княжна Софія была дочь Юрія Олельковича и племянница старосты жмудскаго, Юрія Ходкевича, бывшаго въ родствѣ съ Радзивиллами чрезъ свою жену. Въ 1594 г., когда Софія лишилась отца, Юрій Ходкевичъ, какъ ближайшій родственникъ, былъ назначенъ опекуномъ ея. Тогда Радзивиллъ сталъ хлопотать у Ходкевича о рукѣ Софіи для своего старшаго сына—Ивана. Тотъ обѣщалъ ему и они заключили между собою законный договоръ. Въ документѣ этомъ, явленномъ въ виленскомъ трибуналѣ, было сказано, что „княжна, по достиженіи ею совершеннолѣтія если изъявитъ согласіе, будетъ выдана опекуномъ ея, Ходкевичемъ, за мужъ за Ивана Радзвилла, который самъ обязывается стараться о ея къ нему расположеніи.“ Договоръ скрѣпили участвовавшіе въ немъ подписями своими и свидѣтелей, въ числѣ которыхъ находился братъ Юрія Ходкевича, Іеронимъ. Спустя годъ, Юрій Ходкевичъ умеръ; а опека перешла въ руки его брата Іеронима. Радзивиллъ, твердо стоя при желаніи соединить бракомъ сына своего съ Софіей, замѣнилъ прежній договоръ новымъ, уже съ такимъ прибавленіемъ: „если княжна добровольно, безъ принужденія, пожелаетъ выйти замужъ, то будетъ выдана за князя Ивана Радзивилла 6-го февраля 1600 г., въ Вильнѣ, въ домѣ Ходкевичей.“ Для вящшей прочности; новый договоръ былъ обезпеченъ обѣими сторонами, т. е. Іеронимомъ Ходкевичемъ и Христофоромъ Радзивилломъ, неустойкою въ 100,000 копъ литовскихъ на тотъ случай, если кто изъ нихъ будетъ противиться его исполненію. (Копа 60 серебрянныхъ грошей).

Между тѣмъ, до наступленія назначеннаго времени, князь Радзивиллъ, виленскій воевода, получившій еще прежде отъ князей Острожскихъ, въ приданое за женою, богатое княжество Копыль, не далеко отъ г. Орши, заложенное имъ въ послѣдствіи Ходкевичамъ въ значительной суммѣ—сталъ неправо судомъ поискивать съ нихъ это имѣніе. Несправедливое притязаніе Радзивилла всполошило всѣхъ Ходкевичей. Они назначили семейный съѣздъ у Іеронима, въ Вильнѣ, и здѣсь Иванъ, Карлъ и Александръ Ходкевичи, задѣтые за живое претензіей Радзивилла, обязали Іеронима, каштеляна виленскаго, чтобы онъ, въ отмщеніе сутягѣ, не выдалъ безъ ихъ согласія за мужъ Софію за Ивана Радзивилла. Чтобы отклонить отъ опекуна всякое подозрѣніе въ сопротивленіи женитьбѣ, Ходкевичи объявили къ Іерониму претензію въ земскомъ новогрудскомъ судѣ, въ томъ, что онъ будто бы потворствуетъ браку родственниковъ и что, по близкому родству Ходкевичей съ Радзивиллами, бракъ, по каноническому уставу, не можетъ быть совершенъ безъ разрѣшенія папы. Вмѣстѣ съ Іеронимомъ Ходкевичемъ обвинили, какъ соучастника въ противузаконномъ поступкѣ и Христофора Радзивилла, жена котораго и мать Ивана была дочь князя Константина Острожскаго, кіевскаго воеводы; Константинъ же Острожскій родился отъ Александры Олельковичъ.

Взбѣшенный Радзивиллъ, видя, что уловка эта могла разстроить его завѣтные планы въ отношеніи сына, объявилъ въ виленскомъ трибуналѣ искъ на Іеронима Ходкевича въ 100,000 копъ литовскихъ неустойки. Ему очень жалъ было двухъ княжествъ: Слуцкаго и Копыльскаго, (которое, за не уплатою Радзивилломъ долга, считалось собственностію Олельковичей), приданаго Софіи; при помощи этихъ княжествъ онъ разсчитывалъ поправить сильно разстроенный имъ въ молодости сеймиковыми банкетами и пирами въ Варшавѣ и Краковѣ фундушъ дома-

Радзивилловъ. Президентомъ трибунала былъ Юрій Радзивиллъ, поэтому Христофору, при помощи родства съ президентомъ, связей и вліянія своего на судей трибунала, было не трудно выиграть дѣло. Туибуналъ дѣйствительно присудилъ взыскать въ пользу Христофора всю поискиваемую имъ съ Ходкевича сумму, а въ случаѣ неуплаты приговорилъ послѣдняго къ „банниціи *)".

Дѣло это, разумѣется, увеличило ненависть обѣихъ сторонъ. Противники на каждомъ шагу и при всякомъ удобномъ случаѣ, старались дѣлать одинъ другому непріятности. Князь Иванъ Радзивиллъ сначала довольно часто посѣщалъ Софію, не смотря на распрю ихъ семействъ; въ послѣдствіи, замѣтя, что Ходкевичи смотрѣли съ неудовольствіемъ на его посѣщенія, онъ замѣнилъ посѣщенія корреспонденціей, но посланцевъ его, летавшихъ къ невѣстѣ по нѣскольку разъ на день, перестали наконецъ пускать на порогъ Ходкевичевскаго дома.

Ударъ этотъ глубоко поразилъ Христофора Радзивилла. Некративъ посѣщенія, сынъ его Иванъ могъ лишиться того расположенія Софіи, безъ котораго бракъ могъ не состояться, не смотря даже на согласіе опекуна ея. Сдѣлавшись равнодушною къ Ивану, она могла отказать ему. Тогда все проподало: всѣ труды, безпокойства и расходы, понесенные Радзивиллами дѣлались напрасными, а завѣтныя мечты овладѣть двумя богатыми княжествами могли разсѣяться, какъ миражъ; золотое дно ускользало изъ рукъ.

Чтобы хоть сколько нибудь поправить бѣду, воевода немедленно пригласилъ къ себѣ въ Вильну двѣнадцать са-

---

*) Банниціей называлось изгнаніе. Она подраздѣлалась на главную и меньшую. Первая заключалась въ томъ, что виновный присуждался къ изгнанію изъ всѣхъ коронныхъ земель рѣчи посполитой. Вторая состояла въ изгнаніи изъ одной, по назначенію, провинціи. Несостоятельные должники или упорствовавшіе въ платежѣ присужденнаго, подвергались банниціи съ конфискаціей имущества. (Прим. авт.)

мыхъ популярныхъ въ Литвѣ сенаторовъ, прося ихъ, чтобы они убѣдили Ходкевича дозволить сыну его бывать у княжны. Склонившись на эту просьбу, сенаторы съ подобающею важностію отправились къ Ходкевичу, но были встрѣчены олень холодно Іеронимомъ, который не могъ забыть обиды, недавно нанесенной ему Радзивилломъ рѣшеніемъ трибунала, почему далъ гордый отвѣтъ, заключающійся въ томъ, „что онъ, Ходкевичъ, самъ хорошо знаетъ свои обязанности, а время и мѣсто укажутъ, кто и какъ должны исполнять ихъ.“

Пока все это происходило, сталъ приближаться критическій день 6-го февраля, день бракосочетанія двухъ виновниковъ всего происходившаго. Обѣ стороны стали готовиться къ рѣшительной войнѣ. Радзивиллы къ наступательной, Ходкевичи къ оборонительной.

Еще въ 1599 г., какъ бы предчувствуя, что ссора между ними не рѣшится безъ участія оружія, они стали списывать въ Литвѣ своихъ сторонниковъ *), нанимать за границей отряды, окружать себя болѣе многочисленнымъ конвоемъ и вербовать друзей. Радзивиллъ сталъ во главѣ иновѣрцевъ. Всѣ мѣщане, купцы и ремесленники города Вильны, большая часть которыхъ были православными, съ радостію приняли его сторону, надѣясь въ случаѣ побѣды надъ католиками, извлечь изъ нея пользу для себя. По тойже самой причинѣ литовскіе паны и шляхта, большинство которыхъ были реформаты, тоже стали подъ знами своего гетмана (Христофоръ Радзивилъ былъ гетманомъ литовскимъ) съ своими людьми и отрядами. Нужно замѣтить, что въ то время польское и литовское дворянство любили жить на широкою ногу; каждый изъ нихъ старался имѣть свой дворъ, свиту и войско, или хоть небольшой изъ тщеславія отрядъ. Поэтому легко себѣ пред-

*) Подобные новобранцы назывались «списковыми», отъ списковъ, въ котовые они записывались. (Прим. авт.)

ставить сколько могъ собрать Радзивилъ войска. Кромѣ того, къ нему примкнули всѣ дворяне, жившіе при его дворѣ съ своими людьми, и его собственная рать. *) Словомъ, у Радзивилла собралось 4000 ч. конницы и 2000 ч. пѣшихъ.

Ходкевичи явились во главѣ католической партіи. Не имѣя того значенія въ Литвѣ, какимъ пользовался Радзивиллъ, они не могли собрать такое громандное войско. Однако наличная сила ихъ простиралась до 1600 ч. конницы и 600 пѣхоты при 24 орудіяхъ, которые и были тайно отъ противника введены въ домъ Ходкевичей, 4-го февраля, Иваномъ-Карломъ Ходкевичемъ (сдѣлавшимся потомъ извѣстнымъ полководцемъ Сигизмунда III-го). „А когда стало приближаться время къ назначенному сроку", говоритъ Нарушевичъ, „то Вильна, подобно Троѣ, воевавшей нѣкогда за Елену, увидѣла огромное число войскъ и орудій, готовыхъ къ бою".

Ходкевичи положили упорно защищаться и домъ ихъ, что принадлежитъ нынѣ учебному округу, былъ приведенъ въ оборонительное положеніе. Окна заткнули пуховиками и перинами, за которыми скрылись дула орудій; двери и ворота завалили землею и снѣгомъ. Въ наружныхъ стѣнахъ сараевъ и конюшень явились прорубленныя бойницы для ружейной стрѣльбы и тряпки стали превращаться подъ пальцами сердобольныхъ женщинъ въ корпію и бинты. Въ противуположность усиленной дѣятельности, какая кипѣла у Ходкевичей, въ домѣ Радзивилловъ, гдѣ помѣщается

*) Изъ болѣе замѣчательныхъ лицъ, принявшихъ сторону Радзивилла, были: три брата князей Острожскихъ: каштелянъ краковскій, воевода кіевскій и воевода волынскій, каждый съ 600 всадниковъ и 70 гайдуками; воевода смоленскій Абрамовичъ—50 всад.; Нарушевичъ, каштелянъ Жмуди 100 всадниковъ и 100 пѣшихъ; Замойскій канцлеръ и гетманъ коронный—200 всадниковъ; князь курляндскій—200 кирасировъ; великій канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и др.

нынѣ почтамтъ, пировала шляхта, попивая алембикувку и уписывая бигосъ гультайскій и литовскіе пулъ-генски, которыми щедро угощалъ Радзивиллъ.

4-го февраля Радзивиллъ отправилъ четырехъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ Ходкевичемъ и Софіей, но они кончились безуспѣшно, ибо посланные не удостоились быть допущенными даже къ княжнѣ.

Между тѣмъ, слухъ о распрѣ двухъ знатныхъ литовскихъ домовъ достигъ короля и онъ, желая предупредить безурядицу, отправилъ въ Вильну четырехъ сенаторовъ, въ томъ числѣ одного епископа, съ собственноручными письмами къ противникамъ, поручивъ имъ примирить обѣ стороны и во что бы ни стало не допустить ихъ до войны. Бѣдный король! Онъ не имѣлъ силы и средствъ употребить болѣе энергичныя мѣры противъ своеволія подданныхъ.

Оба противника, принявъ письма короля съ благодарностію за его заботливость и доброе желаніе, не думали однако оставить своихъ намѣреній. Сначала сенаторы отправились къ Ходкевичамъ, какъ сторонѣ слабѣйшей, и 5-го февраля принесли отъ нихъ Радзивалламъ слѣдующій ультиматумъ:

„Чтобы панъ воевода (т. е. Христофоръ Радзивиллъ) всѣ обязательства и записи (относительно княжны) формальнымъ порядкомъ уничтожилъ, чтобы онъ прекратилъ неправильную тяжбу съ ними, Ходкевичами, о долгѣ и убыткахъ и дѣло это отложилъ до сейма, на которомъ оно будетъ разсмотрѣно и рѣшено друзьями обѣихъ сторонъ, что князь Иванъ, если желаетъ, можетъ бывать у княжны, но при этомъ постоянно будетъ находиться съ нею и каштелянъ Іеронимъ Ходкевичъ; наконецъ, что по полученіи диспенсіи изъ Рима и добровольнаго согласія княжны, она будетъ выдана за мужъ за князя Ивана.“

На эти тяжелыя условія, Ходкевичи, при посредствѣ тѣхъ же сенаторовъ, получили отъ Радзивилла не менѣе гордую и колкую ноту такого содержанія:

„Что если панъ каштелянъ чувствуетъ себя и друзей своихъ обиженными Радзивилломъ, то послѣдній соглашается на ихъ судъ и, въ случаѣ признанія вины его, торжественно принесетъ имъ публичное извиненіе. Относительно же справедливаго иска его, Радзивилла, если Ходкевичъ желаетъ спасти законно и *гонорове* свое состояніе и не въ ущербъ ему, Радзивиллу, то, когда только признается это справедливымъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ готовъ поддержать Ходкевича хоть собственнымъ своимъ имуществомъ. Въ обезпеченіе своихъ словъ, онъ представляетъ поручительство князей Оострожскихъ: отца своей жены и ея брата, князя каштеляна краковскаго, и коль скоро панъ каштелянъ согласится на его условія, немедленно долженъ совершиться бракъ князя Ивана съ княжною". Радзивилъ не считалъ нужнымъ безпокоить папу благословеніемъ этого брака.

Кромѣ условій, предложенныхъ другъ другу враждовавшими, посредники предложили имъ и отъ себя слѣдующіе пункты мира, на которые, какъ они надѣялись, должно бы послѣдовать обоюдное согласіе противниковъ;

„Чтобы все дѣло отложить до сейма, на которомъ назначить день и мѣсто, гдѣ условленное число друзей съ обѣихъ сторонъ, съѣхавшись, разсмотрѣли бы ихъ претензіи. Въ случаѣ, если друзья не успѣютъ разборать дѣло и примирить противниковъ, тогда самъ король, какъ superarbiter, въ присутствіи тѣхъ же друзей, за недѣлю до окончанія сейма, самъ постановитъ окончательное рѣшеніе. Пока же наступитъ сеймъ, Ходкевичъ не долженъ ни съ кѣмъ заключать условій о замужествѣ княжны, посѣщать которую имѣетъ полное право князь Иванъ".

На этомъ гордый Радзивиллъ положилъ такую резолюцію:

„На нѣкоторыя изъ этихъ условій могъ бы согласиться, но не на всѣ. Въ особенности же я не долженъ окон-

чательно удовольствоваться рѣшеніемъ сейма или короля. Позволю себѣ замѣтить, что уважаю доброе желаніе и совѣты короля и друзей; но ни они не могутъ такъ чувствовать всего дѣла, какъ я, ни я не могу такъ чувствовать, какъ они".

Послѣ тщетныхъ усилій склонить къ миру Радзивилла, сенаторы обратились къ Ходкевичу; но тотъ ни одного пункта изъ предложенныхъ условій не принялъ. Наступилъ наконецъ рѣшительный день 6-го февраля. Испуганные жители города переселялись съ своими пожитками въ отдаленныя улицы и сосѣднія, покрытыя снѣгомъ горы, и тамъ съ лихорадочнымъ трепетомъ, ждали страшной катастрофы, которая должна была превратить въ пепелъ ихъ жилища.

Воевода собирался уже къ нападенію; онъ упросилъ друзей, чтобъ они приказали своимъ отрядамъ готовиться къ бою и созвалъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ къ обсужденію вопросъ; все-ли 6,000 войско, или только часть его употребить къ штурму дома Ходкевичей, такъ какъ узкость улицы, въ которой онъ находился, и преобладаніе въ войскѣ конницы дѣлали затруднительнымъ одновременную аттаку всѣми наличными силами. На совѣщаніи не обошедшемся, разумѣется, безъ приличной выпивки и закуски, прошло все утро и полдень. Совѣтъ много пилъ, ѣлъ и еще больше спорилъ; дѣло едва не дошло до драки. Наконецъ, положено было еще разъ, и въ послѣдній, отправить къ Ходкевичамъ парламентеровъ съ вопросомъ: выдаетъ ли сегодня панъ каштелянъ, согласно условію, княжну слуцкую Софію, за князя Ивана, готоваго уже къ вѣнцу?

Долго стучало посольство въ ворота Ходкевичевскаго дома, пока было впущено въ маленькую калитку. Здѣсь ихъ важно встрѣтилъ самъ каштелянъ въ сопровожденіи Юрія Мнишка, воеводы сандомирскаго (того, который поль-

зуется въ нашей исторіи не очень лестною извѣстностію, какъ покровитель и соучастникъ Лже--Димитрія) и нѣскольких иныхъ болѣе почетныхъ лицъ. Пришедшихъ не впустили въ верхніе покои, а пригласили войдти въ какой то темный и грязный чуланчикъ, вѣроятно въ мирное время исполнявшій должность курятника, теперь же превратившійся въ караульню. Подлѣ нея мѣрно и ровно шагалъ часовой съ обледенѣлыми отъ морозу усами.

Каштелянъ холодно выслушалъ вопросъ.

„Я готовъ исполнить обѣщанное и жду князя Ивана съ его друзьями", отвѣтилъ онъ имъ. „Представлю ему княжну, которую я не принуждалъ и не отговаривалъ отъ брака, и какой Богъ надоумитъ ее дать отвѣтъ, пусть такъ и кончится дѣло. Съ своей стороны я готовъ присягнуть, что не знаю ея мнѣнія". Ходкевичъ, какъ видно, сталъ уступчивѣе.

Онъ предложилъ пришедшимъ идти къ княжнѣ и удостовѣриться отъ нея самой въ справедливости его словъ, равно и узнать мнѣніе ея о предстоящемъ бракѣ. Но послы отказались, ссылаясь на то, что не были уполномочены представляться ей.

При входѣ и выходѣ посланные имѣли случай сдѣлать бѣглую рекогносцировку дома, котораго наружность, грозная и мрачная, какъ лице воина передъ минутой рѣшительной битвы, составляла рѣзкій контрастъ съ миролюбивымъ видомъ своихъ сосѣдей. Все говорило здѣсь о скорой битвѣ ясневельможныхъ пановъ. На крышахъ домовъ, конюшенъ и сараевъ, толпилась вооруженная челядь, изъ-за дымовыхъ трубъ, изъ всѣхъ слуховыхъ оконъ выглядывали суровыя лица импровизованныхъ гверильясовъ, воодушевленныя алембикувкою, на которую въ критическую минуту не скупился Ходкевичъ. Скрытыя въ окнахъ и бойницахъ

шмиговницы 1), гаковницы 2) и фузеи 3) только ждали сигнала, чтобы красноречиво привѣтствовать непріятеля, если бы тотъ двинулся по узенькой улицѣ къ воротамъ дома. Вездѣ было тихо и мертво, какъ въ воздухѣ, за минуту передъ грозою. Только со двора несся неясный зловѣщій шумъ, гдѣ бивакомъ ресположились рейторы, резервъ крѣпости. Привязанныя къ коновязямъ осѣдланныя лошади ихъ, чинно жевали сѣно, по временамъ вздрагивая отъ холода; нѣсколько человѣкъ суетилось въ разныхъ углахъ, складывая въ правильныя кучки ядра и фашину, а часовые, притопывая ногами, грѣлись у своихъ постовъ. Придайте всему этому освѣщеніе клонившагося къ западу зимняго солнца, гаснущіе лучи котораго скользятъ по стали и желѣзу, длинныя тѣни отъ зданій и людей, и вы получите картину, достойную мрачной кисти Рембрандта.

Посланцы сообщили обо всемъ видѣнномъ Радзивиллу, не преминувъ увеличить силу непріятеля, чтобы отклонить Радзивилла отъ его намѣреній. Еще разъ друзья и сенаторы приступили съ увѣщаніями къ воеводѣ. Между тѣмъ закатилось солнце и наступилъ вечеръ. Радзивиллъ рѣшилъ наконецъ не начинать враждебныхъ дѣйствій, во избѣженіе гибели и несчастій, какія бы отъ этого послѣдовали. Онъ распустилъ войско на ночлегъ, разставивъ его по квартирамъ въ городѣ. Вѣроятно воевода понялъ, что разъ начатая война, исходъ которой былъ неизвѣстенъ, могла бы протянуться долго и вызвать его на огромнѣйшіе расходы. Поэтому, должно быть, онъ не спѣшилъ употребить въ дѣло силу и оружіе, которое изъ гордости и самолюбія онъ

1) Громоздскія малаго калибра пушки: 5, 8 и 10 фун.

2) Родъ длиннаго ружья, обдѣланнаго въ дерево, изъ котораго стрѣляли при помощи станка, тоже что у насъ были пищали или аркебузы.

3) Самопалы или мушкеты. Люди, вооруженные ими, назывались фузелерами. (Прим. авт.)

не положилъ бы пока не сдѣлался или побѣдителемъ или побѣжденнымъ.

Не отвѣчая Ходкевичу на его послѣднее предложеніе, онъ прождалъ до полуночи вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, одѣтымъ въ свадебный нарядъ, съ поѣзжанами и ксендзомъ, облаченнымъ въ ризы для вѣнчанія. Когда пробило двѣнадцать, всевода торжественно объявилъ въ залѣ, приготовленномъ къ свадьбѣ, что онъ, какъ всѣ видятъ, желалъ исполнить свое слово и обѣщаніе и готовъ былъ повѣнчать своего сына въ назначенный день, но что виновникомъ не исполненія этого не онъ, а Ходкевичъ. Неудавшуюся свадьбу замѣнили по этому щедрымъ жертвоприношеніемъ Вакху, которое длилось цѣлыхъ двѣ недѣли, причемъ истреблено было баснословное количество вина и яствъ.

Недоразумѣніе между двумя фамиліями продолжалось еще, но уже не съ такою блестящею обстановкою. Длилось оно до 8-го іюня 1600 г., когда дѣло было рѣшено въ трибуналѣ. Исполненіемъ же рѣшенія, т. е. вступленіемъ въ бракъ княжны Софіи съ княземъ Иваномъ, что случилось 1-го октября того же года, оно наконецъ кончилось. Свадьба совершилась въ Брестѣ, очень тихо и скромно. Вскорѣ князь Иванъ лишился своей супруги, о которой такъ сильно хлопотали и онъ и отецъ его, но за то достались ему желанныя княжества: Слуцкое и Копыльское.

Распря эта посѣяла навсегда антитипатію между Иваномъ Радзивилломъ и Иваномъ-Карломъ Ходкевичамъ, которая еще болѣе усилилась, когда король сталъ оказывать болѣе благоволенія Ходкевичу и вслѣдъ за тѣмъ далъ ему староство Дудское. Зависть къ сопернику понудила Ивана Радзивилла принять дѣятельное участіе въ партіи магнатовъ, поднявшихъ „рокошъ“ противъ короля за его вторичную женитьбу, противную желаніямъ поляковъ. Когда мятежники были разбиты предъ Гузовомъ и принесли королю повинную, то король отдалъ даже ненадежнаго Радзи-

вилла подъ надзоръ Ходкевича. Естественно, что при зависимости другъ отъ друга скоро вспомнилась давнишняя непріязнь, вспыхнула ссора и Радзивиллъ опять сталъ собирать войско. Къ счастію, дѣло не дошло до самовольной расправы и ограничилось тѣмъ, что Радзивиллъ принесъ жалобу на Ходкевича королю и сенату и когда послѣдній призналъ его во всемъ виновнымъ, то онъ рѣшился извиниться предъ Ходкевичемъ сначала письменно, а потомъ и лично, въ Вильнѣ.

Вотъ какія дѣла творились въ прежнее время въ домахъ, занимаемыхъ нынѣ учебнымъ округомъ и почтамтомъ.

I. Бутвиловскій.

(*Вил. Вѣст.*)

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

НРАВЫ ПОЛЬСКИХЪ МАГНАТОВЪ.

Pamiętnik anekdotyczny z czasow Stanisława Augusta, z rękopismu wydany przez J. I. Kraszewskiego. Poznan 1867 г.

(Окончаніе *).

II.

Переходимъ къ біографіи князя Яблоновскаго. Князь Іосифъ Яблоновскій, воевода новогрудскій, „мужъ науки и знанія", по выраженію біографа, принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени и былъ однимъ изъ претедентовъ на польскую корону по смерти Августа III, Когда же польскимъ королемъ сдѣлался Станиславъ Понятовскій, новогрудскій воевода, обманутый въ своихъ надеждахъ, разгнѣванный на весь народъ, уѣхалъ въ Саксонію. Здѣсь онъ основалъ ученое общество, и вскорѣ тамошняя академія поднесла ему титулъ почетнаго члена, а

---

*) См. 6 кн. Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г.

когда онъ получилъ отъ императора Леопольда орденъ Золотаго Руна, то это обстоятельство, по словамъ біографа, еще больше прибавило ему важности. Живя за границей, онъ разыгрывалъ роль мецената. Такъ онъ часто былъ приглашаемъ на публичные экзамены и велѣлъ чеканить на своей счетъ и съ своимъ штемпелемъ золотыя медали, цѣной отъ 20 до 50 червонныхъ золотыхъ, которыя и раздавалъ лучшимъ ученикамъ. Но, наконецъ, ему наскучила подобная жизнь, и онъ возвратился въ свои имѣнія. Играть постоянно роль человѣка, дорожащаго интересами науки, было не по душѣ польскому пану. Другихъ интересовъ не было, политическая роль не удалась и вотъ, по возвращеніи домой, поселившись въ деревнѣ, онъ отъ науки перешелъ къ пьянству.

Чтобъ сколько-нибудь замѣнить утраченную польскую корону и чѣмъ-нибудь походить на короля, князь Яблоновскій въ своемъ имѣніи, посреди большаго пруда, на островѣ, построилъ замокъ. Въ этомъ замкѣ, между другими апартаментами, была особая аудіенцъ-зала, гдѣ онъ, на королевскій манеръ, принималъ подвластную ему шляхту и арендаторовъ своихъ имѣній. Днемъ отдачи своихъ имѣній въ аренду и срокомъ платежа арендной платы онъ назначилъ 19-е марта (день своихъ именинъ), и этотъ день праздновался слѣдующимъ любопытнымъ образомъ.

Въ девять часовъ утра князь, богато одѣтый, повѣсивъ на себя всѣ ордена, окруженный богато одѣтыми слугами, которые, въ его воображеніи, исполняли обязанность камергеровъ, садился въ бархатное, обшитое галунами, кресло, стоящее въ аудіенцъ-залѣ на возвышеніи подъ балдахиномъ. Шляхта и арендаторы его имѣній, одѣтые въ праздничные костюмы и въ воеводскіе мундиры, сходились въ переднюю и отсюда уже, поодиночно, по предварительному докладу, являлись передъ очи князя; величественно сидѣвшаго на тронѣ подъ балдахиномъ.

Каждый арендаторъ, неся въ мѣшечкѣ сумму, слѣдующую за аренду, золотомъ, входилъ въ залу и, низко поклонившись три раза князю, высказывалъ свои поздравленія со днемъ именинъ въ возможно униженныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ. Кончивъ поздравительную рѣчь, шляхтичъ клалъ съ почтеніемъ у подножія трона запечатанный мѣшечекъ съ деньгами съ надписью отъ кого, сколько и за какую именно землю, и, выслушавъ отвѣтъ, становился сбоку аудіенцъ-залы, въ ожиданіи пока всѣ другіе арендаторы выполнятъ подобную же церемонію. Первому пришедшему приходилось стоять очень долго, потому что арендаторовъ было много, каждый изъ нихъ долженъ былъ говорить долго, отвѣты были длинны и по-барски неповоротливы, а потому вся церемонія тянулась нѣсколько часовъ.

Жена князя, наравнѣ съ управляющими и съ содержателями фольварковъ, не была избавлена отъ подобной же церемоніи; она также являлась съ поздравленіемъ къ подножію трона своего супруга.

По окончаніи аудіенціи и по сложеніи всѣхъ денегъ отъ арендаторовъ, имениникъ, окруженный всѣми арендаторами его имѣній и всѣмъ дворомъ, отправлялся въ замковую церковь, гдѣ отправлялась торжественная обѣдня. Послѣ обѣдни, часу въ первомъ, съ тою же самою церемоніей и въ томъ же порядкѣ князь-воевода возвращался въ покои.

Сбоку столовой залы находился его кабинетъ, обитый дорогими турецкими матеріями, и въ немъ ставились особенно богатое кресло для князя и маленькій столикъ. Когда князь входилъ въ кабинетъ, двери за нимъ тотчасъ же затворялись и все общество, слѣдовавшее за нимъ, останавливалось передъ затворившимися дверями въ залѣ. Князь оставался въ кабинетѣ одинъ; когда случалось, что какой-нибудь князь, воевода, каштелянъ или гетманъ пріѣзжалъ на именины, то, въ такомъ случаѣ князь принималъ его въ кабинетѣ. Но это бывало очень рѣдко;

князь не любилъ быть съ равными, замѣчаетъ біографъ, и немного принималъ достойныхъ особъ.

Для всѣхъ пріѣхавшихъ гостей давался обѣдъ въ большой залѣ. Хозяйка садилась съ гостями за столъ, а имениннику, сидѣвшему нѣсколько часовъ на тронѣ, достоинство не позволяло сидѣть за общимъ столомъ; онъ обѣдалъ отдѣльно въ своемъ кабинетѣ. Когда среди обѣда доходило дѣло до тостовъ за здоровье высокаго именинника, двери кабинета отворялись и все сидѣвшее за столомъ общество вставало при звукахъ музыки, трубъ и выстрѣлахъ, и пило за здоровье хозяина. Вслѣдъ затѣмъ князь пилъ за здоровье всего общества и двери снова затворялись.

Гости ѣли и пили долго. Князь въ это время изъ принесенныхъ ему въ мѣшечкахъ дукатовъ дѣлалъ свертки по нѣскольку дукатовъ. Когда обѣдающимъ давали знать, что князь изъ кабинета другими дверями уже вышелъ въ танцовальную залу, все общество, сильно уже подпившее, быстро поднималось изъ-за столовъ и спѣшило къ князю. Въ танцовальную залу ему приносили столикъ съ приготовленными свертками золота, а дѣти арендаторовъ подходили къ нему съ выученными поздравительными рѣчами и стихами, и князь каждому изъ нихъ давалъ свертокъ съ золотомъ. Каждый изъ дѣтей, получивъ подарокъ, долженъ былъ почтительно поцѣловать его руку.

Затѣмъ начинались танцы. Если князь былъ расположенъ танцовать, онъ участвовалъ въ танцахъ, и дама, удостоившаяся его выбора, считала это за особенную честь. Гости танцовали до поздней ночи, а вечеромъ замокъ былъ иллюминованъ и устраивался фейерверкъ.

Такимъ образомъ, ежегодно, безъ малѣйшихъ измѣненій, праздновались именины князя Яблоновскаго. Арендаторы его имѣній получали большія выгоды отъ аренды княжескихъ земель и, отдавая князю почести, за глазами смѣялись надъ нимъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ князю бы-

ло дѣйствительное униженіе шляхетскаго равенства, замѣчаетъ біографъ, но большія выгоды, получаемыя арендаторами отъ аренды, съ избыткомъ вознаграждали за минувную непріятность, которую каждый изъ нихъ испытывалъ въ день княжескихъ именинъ.

Ни съ кѣмъ въ жизни князь Яблоновскій не имѣлъ процесса. Судебный процессъ равнялся для него оскорбленію, умаленію его чести, правъ онъ былъ, или нѣтъ—самое появленіе передъ судьями жестоко оскорбляло его гордость, а потому онъ избѣгалъ процессовъ всевозможными способами, не жалѣя денегъ въ виду грозящей бѣды—явиться въ судъ.

Если кто изъ окрестныхъ жителей пріѣзжалъ къ князю, дворовое войско, которое онъ содержалъ не для военныхъ замысловъ и нападенія на сосѣдей, какъ то было у другихъ магнатовъ, а для отдаванія военныхъ почестей,—не допускало, чтобъ пріѣзжій въѣзжалъ во дворъ замка; черезъ мостъ къ замку нужно было идти пѣшкомъ. Пришедшему въ замокъ ауденція не вдругъ давалась: надобно было просить ее нѣсколько времени. Рѣдко, однакожъ, кому отказывали въ чести видѣть князя, который считалъ за удовольствіе не отказывать никому въ подобной просьбѣ, лишь бы она была вѣжлива и покорно выражена. Если же кто позволялъ себѣ какую-либо невѣжливость относительно князя, то былъ отправляемъ за стражей подъ арестъ. Князь, легко раздражаясь, даже собственную дочь отсылалъ нѣсколько разъ съ солдатами подъ арестъ.

Не смотря на чудачество князя, множество дворянъ толпилось вокругъ него круглый годъ, съ утра до вечера. Былъ бы только человѣкъ порядочный, говоритъ біографъ, хорошаго росту и шляхтичъ,—ни одному желающему у него служить князь не отказывалъ въ этомъ. Если на кого нибудь изъ окружающей шляхты князь сердился, то въ наказаніе запрещалъ являться къ себѣ на глаза. Нака-

занный такимъ образомъ шляхтичъ, сидя въ какомъ нибудь фольваркѣ, отбывалъ положенное наказаніе. Князь же записывалъ въ точности срокъ, когда виновный былъ наказанъ, и день, въ который наказаніе должно кончиться, и впродолженіе этого времени часто спрашивалъ окружающихъ дворянъ: „Что дѣлаетъ №№? сильно тоскуетъ? Что же? обѣщаетъ исправиться?“ А иногда къ этому прибавлялъ: „Правда, вѣдь это большое наказаніе не видѣть лица своего пана.

По окончаніи срока наказанію, виноватый приходилъ съ печальнымъ лицемъ еще разъ попросить прощенія у пана, обѣщая исправиться. Князь читалъ ему наставленіе и все кончалось обыкновенно тѣмъ, что виноватый получалъ пару лошадей или нѣсколько дукатовъ. Шляхта поочередно добивалась этого наказанія—не видѣть лица пана, чтобы потомъ получить подарокъ.

Къ концу жизни, къ прежнимъ странностямъ князя Яблоновскаго присодинилось еще чудачество особаго рода. По временамъ, среди бѣлаго дня, князь раздѣвался до послѣдней рубашки и, оставшись одинъ въ комнатѣ, гдѣ всего болѣе было зеркалъ, любилъ прохаживаться и разсуждать самъ съ собою, надѣвъ на себя всѣ орденскія ленты. Стоя передъ зеркаломъ въ такомъ нарядѣ, князь распространялся о своемъ величіи, умѣ и значеніи.

— Ктожъ я такой? спрашивалъ онъ громко самого себя. Князь.... но этого мало. Богачъ и министръ?... и того еще мало. Король польскій? и того мало. Епископъ и кардиналъ?... мало. Я—римскій императоръ! но и этого мало. Нѣтъ, я—папа римскій!—заключалъ онъ, но, не много подумавъ, продолжалъ: нѣтъ, и этого для меня мало, и нѣтъ такой власти на землѣ, которая была бы не мала для меня...

Претендетъ на польскую корону, „мужъ науки и знанія“, князь Яблоновскій умеръ на 70-ъ гогу отъ рожденія, всѣми

уважаемый и оплакиваемый,—прибавляетъ авторъ „Воспоминаній",—проведя остатокъ дней такъ же, какъ провелъ всю жизнь, не измѣняя нимало своихъ привычекъ, занятій и церемоніала торжественнаго пріема въ день своихъ именинъ.

На біографіи графа Іосифа Гоздскаго авторъ „Воспоминаній" долѣе всего останаливается, сообщая малѣйшія подробности его жизни и дѣятельности. Біографъ безпрестанно вострогается своимъ героемъ, стараясь указать читателю всѣ его достоинства. Не раздѣляя сочувствія автора „Воспоминаній" къ графу Гоздскому, нельзя не замѣтить, что на этой личности стоило остановиться долѣе. Жизнь его и многочисленныя похожденія самаго разнообразнаго свойства представляютъ много любопытнаго для читателя, знакомя насъ съ правами польскаго магната прошедшаго столѣтія и наводя на многія поучительныя мысли и выводы.

Графъ Іосифъ Гоздскій былъ единственнымъ и послѣднимъ изъ мужескаго поколѣнія представителемъ нѣкогда славной въ Польшѣ фамиліи Гоздскихъ, связанной близкимъ родствомъ съ знатнѣйшими домами въ странѣ. Въ его жилахъ текла кровь польскихъ королей Михаила Вишневецкаго и Яна III. Вмѣстѣ съ знатнымъ происхожденіемъ и значительнымъ богатствомъ, которое должно было перейдти къ нему отъ отца, Іосифъ Гоздскій соединялъ счастливую наружность, энергическій характеръ, довольно хорошее воспитаніе и веселый нравъ. Съ молодыхъ лѣтъ отличался онъ отвагою и мужествомъ; негдѣ только было ихъ выказать, хотя онъ давно искалъ случая. Первый случай, который ему представился и которымъ онъ началъ свою рыцарскую дѣятельность, былъ такого рода.

Однажды старикъ Гоздскій, возвратясь домой, разсказалъ сыну о случившемся съ нимъ печальномъ происшествіи, о томъ, какъ министръ и коронный маршалъ Бѣ-

линскій, споря съ нимъ о какомъ-то дѣлѣ, закричалъ: „молчи, а то ты въ 24 часа отправишься на тотъ свѣтъ". Власть короннаго маршала была неограниченна, и старикъ не нашелся что отвѣтить. Сынъ, выслушавъ жалобу отца, быстро вышелъ изъ дому и отправился съ двумя слугами во дворецъ министра. На дорогѣ они, совершенно неожиданно, встрѣтили ѣдущаго Бѣлинскаго. Двое слугъ остановили лошадей, а самъ Гоздскій, отворивъ дверцы кареты, осыпалъ Бѣлинскаго жестокою бранью и давъ ему пощечину, прибавилъ: „научись уважать людей".

Возвратившись домой, Гоздскій разсказалъ все отцу и дядѣ. Зная мстительный характеръ короннаго маршала, невозможно было и думать оставаться долѣе въ Варшавѣ и потому, въ туже ночь, молодой Гоздскій отправился въ Пруссію, гдѣ въ это время начиналась семилѣтняя война, и тамъ, подъ именемъ Славинскаго, поступилъ адъютантомъ къ генералу Малаховскому. Между тѣмъ, умеръ Бѣлинскій и старикъ Гоздскій просилъ сына возвратиться въ отечество.

Возвратившись въ Варшаву, онъ нашелъ отца, уже женившагося во второй разъ, и между мачихою и пасынкомъ, съ перваго ихъ свиданія, установились отношенія самыя непріязненныя. Мачиха старалась всѣми силами вооружить мужа противъ сына и даже попыталась было отравить пасынка, подсыпавъ ему въ чай яду. Отецъ отправилъ его въ свои подольскія имѣнія и отдалъ ему въ управленіе два староства.

Однажды, когда въ Каменцѣ-Подольскомъ, гдѣ жилъ Гоздскій, собрались у него гости и порядочно подпившій хозяинъ, потѣшая ихъ, стрѣлялъ изъ пистолета въ бросаемые изъ окна апельсины, комендантъ крѣпости, услышавъ выстрѣлы, выслалъ солдатъ, и Гоздскаго, какъ капитана военной службы, велѣлъ взять подъ арестъ. Гоздскій долженъ былъ провести ночь подъ карауломъ. На другой день

комендантъ одумался и, сожалѣя о своей горячности, велѣлъ освободить Гоздскаго изъ-подъ ареста. Тотъ возвратился домой и рѣшился наказать коменданта за оскорбленіе.

Надобно сказать, что Гоздскій, будучи въ прусской службѣ, не разъ дрался на дуэляхъ и почти всегда оставался побѣдителемъ. Онъ любилъ забавляться ими и теперь, сидя дома, а потому окружилъ себя дворянами, единственнымъ достоинствомъ которыхъ было умѣнье драться на дуэляхъ. Годскій вызвалъ коменданта, но когда тотъ, отказываясь подъ разными предлогами отъ вызова, не явился въ назначенный день и часъ на дуэль, Гоздскій съ своими пріятелями рѣшилъ, что коменданту надобно дать батоги. Счастливая мысль пришедшая ему въ голову, не давала ему покоя, и онъ началъ приготовляться къ ея исполненію. Прежде всего онъ отправилъ въ городъ свою шляхту, переодѣтую въ крестьянъ, такъ что, спустя нѣсколько дней, въ его городскомъ домѣ собралось слишкомъ шестьдесятъ чековѣкъ, которые и были тамъ спрятаны. Напослѣдокъ пріѣхалъ подъ вечеръ и самъ Гоздскій съ товарищами и съ нѣсколькими слугами. Когда въ назначенный часъ ночи всѣ были въ сборѣ и все было готово, заперли ворота и Гоздскій началъ поить своихъ сподвижниковъ для приданія имъ большей храбрости. На другой день въ семъ часовъ утра всѣ вышли на площадь въ числѣ 80 человѣкъ; напавши въ расплохъ на гарнизонъ, взяли сначала главную гауптвахту, а потомъ овладѣли всѣми караулами у воротъ. Между тѣмъ комендантъ успѣлъ спрятаться въ одномъ костелѣ, и поиски, продолжавшіеся три часа, оказались напрасны. Извинившись передъ офицерами и объяснивъ имъ цѣль нападенія, Гоздскій позволилъ своимъ людямъ разграбить домъ коменданта. Все здѣсь было перерублено и изломано, многое расхищено, бездна вещей летѣла изъ оконъ на улицу. Кон-

чивъ все, Гоздскій съ своимъ войскомъ отправился къ себѣ въ деревню. Только спустя нѣсколько часовъ послѣ нападенія, комендантъ осмѣлился оставить свое убѣжище и возвратиться въ разрушенный домъ. Онъ тотчасъ отправилъ двѣ эстафеты: одну къ отцу Гоздскаго, а другую къ гетману коронному, подробно описавъ все случившееся.

Мачиха Гоздскаго, получивъ въ отсутствіе мужа письмо комендата, успѣла настроить отца противъ сына. Старикъ Гоздскій въ пылу страшнаго гнѣва лишилъ сына всего наслѣдства, предоставивъ все состояніе дочери своей отъ втораго брака, бывшей впослѣдствіи за мужемъ за княземъ Нассаускимъ. Кромѣ того, въ отвѣтъ на жалобу комендата, Гоздскій написалъ письмо къ гетману, прося его судить поступокъ сына по всей строгости законовъ, безъ всякаго снисхожденія.

Гетманъ назначилъ военный судъ по этому дѣлу. Молодой Гоздскій былъ отправленъ подъ стражею въ Каменецъ-Подольскій. Судьи, видя въ его поступкѣ поруганіе закона, выразившееся ясно въ нападеніи на крѣпость, принимая въ соображеніе происшедшую отъ того смерть нѣсколькихъ человѣкъ, покушеніе на безопасность коменданта и общественное спокойствіе, присудили Гоздскаго къ смертной казни. Но, посылая смертный приговоръ на утвержденіе гетмана, судьи не забыли выставить и смягчающія обстоятельства, въ родѣ того, что молодой человѣкъ, послѣдній потомокъ знаменитой въ Польшѣ фамиліи, подаетъ большія надежды, что лишеніе его жизни въ то время, когда отечество настойчиво требуетъ защитниковъ, было бы невознаградимою потерей. Судьи признавали въ немъ рыцарское сердце и несомнѣнные военные таланты. На основаніи этихъ соображеній, судьи просили о милосердіи. Самъ гетманъ былъ вполнѣ согласенъ съ ихъ доводами. Зная лично преступника и не менѣе судей уважая въ немъ послѣднюю вѣтвь фамиліи Годзскихъ и рыцарскія качества,

онъ замѣнилъ смертную казнь двухъ-лѣтнимъ заключеніемъ. Но, спустя съ небольшимъ годъ, Гоздскій былъ освобожденъ по ходатайству графини Коссаковской и поселился у нея.

Живя въ домѣ Коссаковской и все еще не получая прощенія отъ отца, который, подстрекаемый мачихою, не переставалъ сердиться на сына, Гоздскій задумалъ ѣхать во Францію. Онъ только еще думалъ объ этой поѣздкѣ и, можетъ быть, не скоро бы исполнилъ свое намѣреніе, еслибъ одинъ случай не ускорилъ его отъѣзда. Однажды, когда онъ ѣхалъ въ каретѣ съ Коссаковскими, одинъ изъ нихъ сказалъ ему какую-то дерзость. Гоздскій схватилъ его за голову и быстро выбросилъ вонъ изъ его же кареты. Послѣ этого онъ уже не могъ долѣе оставаться въ домѣ радушно пріютившей его Коссаковской.

Въ это время умеръ отецъ Гоздскаго, но матеріальное положеніе нашего героя отъ того немного улучшилось. Хотя по смерти отца онъ получилъ 100,000 польскихъ злотыхъ (15 тысячъ рублей), но этого было очень недостаточно. Онъ не могъ обойтись безъ дворянъ, безъ псарни, безъ коней, жилъ то въ Варшавѣ, то во Львовѣ, хотя никакого состоянія не имѣлъ. Правду говоря (добавляетъ біографъ), онъ содержалъ себя большею частью жалованьемъ, которое получалъ отъ различныхъ паней, потому что онъ былъ у очень многихъ въ милости, какъ молодой человѣкъ красивый, родовитый и веселый въ обществѣ. Кромѣ того, онъ пользовался большимъ кредитомъ, такъ какъ всѣ знали, что онъ долженъ получить большое наслѣдство отъ дядей своихъ, съ материнской стороны Гумецкихъ, неимѣвшихъ дѣтей. И дѣйствительно, когда оба бездѣтные Гумецкіе умерли, третья часть ихъ огромнаго состоянія досталась на долю Іосифа Гоздскаго, но онъ давно уже жилъ въ счетъ будущихъ благъ и незадолго до смерти Гумецкихъ уступилъ свое право на наслѣдство за 180 тысячъ полькихъ золотыхъ. На эти

деньги онъ купилъ себѣ городъ Ярычевъ и, какъ собственникъ, былъ выбранъ посломъ на сеймъ 1768 года. Одинъ Гоздскій, говоритъ біографъ, не соглашался съ предложеннымъ русскимъ проектомъ и одинъ онъ не подписалъ конституціи. Когда потомъ король, желая задобрить его, предлагалъ ему даже кресло въ сенатѣ, этотъ *правдивый республиканецъ,* заботившійся всего болѣе о благѣ отечества, отвергъ всѣ предложенія, восклицаетъ біографъ и, вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказываетъ нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видна, по его мнѣнію, благородная натура его героя.

Живя во Львовѣ, Гоздскій дрался на дуэли съ сыномъ генерала Веймарна, потерявшимъ на этомъ поединкѣ руку. Товарищи Веймарна, въ отмщеніе, вздумали напасть ночью на квартиру Гоздскаго. Предупрежденный объ этомъ намѣреніи, Гоздскій не только не испугался нападенія, а напротивъ, оставшись дома, съ нетерпѣніемъ ждалъ рокового часа. Велѣвъ какъ можно лучше освѣтить свою квартиру, затворивъ ставни оконъ, чтобы съ улицы не было ничего видно, Гоздскій спряталъ четырехъ своихъ людей, а самъ, полураздѣтый, куря трубку, ожидалъ прибытія военныхъ. Когда они вошли въ домъ, хозяинъ притворился спящимъ. Въ комнату вошли сначала два знакомые Гоздскаго и одинъ изъ нихъ, подойдя къ постели, началъ будить хозяина, притворившагося пьянымъ. Когда же въ комнату вошли уже всѣ и начали между собою совѣщаться съ чего начать, Гоздскій, совершенно неожиданно закричавъ громкимъ голосомъ слугѣ, спрятавшемуся въ передней: „запри хорошенько двери,“ быстро вскочилъ съ постели съ палашомъ въ рукѣ и, обратясь къ растерявшимся офицерамъ, закричалъ: „господа, дѣлайте то, зачѣмъ пришли!“ Началась свалка, Гоздскій, говоритъ біографъ, молодецки рубилъ палашомъ направо и налѣво, а когда офицеры схватились за стулья и столы, по командѣ хозяина выскочили

люди изъ засады и начали помогать господину, ободрявшему ихъ словами: „дѣти, бейте сколько станетъ силы!“ Офицеры просили пощады, но не внималъ ихъ мольбамъ разсвирѣпѣвшій хозяинъ; только тогда, когда офицеры уже были сильно избиты, Гоздскій прекратилъ битву, отобралъ у избитыхъ до полусмерти враговъ оружіе и полумертвыхъ велѣлъ сбросить съ лѣстницы.

Мы утомили бы вниманіе читателей, еслибъ, слѣдуя за словоохотливымъ авторомъ „Воспоминаній,“ стали также подробно, какъ и онъ, разсказывать всѣ похожденія этого симпатическаго для біографа героя, одного изъ послѣднихъ польскихъ пановъ, при изложеніи подвиговъ котораго, авторъ такъ краснорѣчиво распространяется о польской вольности и республиканской свободѣ, какими будто бы наслаждался польскій народъ передъ паденіемъ польскаго государства. Мы пропускаемъ описаніе многихъ дуэлей Гоздскаго, отдавая вмѣстѣ съ авторомъ полную справедливость рыцарской его храбрости. Мы хотимъ обратить особенное вниманіе читателей на тѣ преобладающія черты характера героя, въ которыхъ, за хвалеными признаками храбрости и мужества, видѣнъ грубѣйшій произволъ ясновельможнаго пана, полное неуваженіе къ закону, совершенное пренебреженіе къ правамъ ближняго, дикое самоуправство, ясно и вѣрно характеризующее нравы тогдашняго польскаго общества и степень благоустроенности польскаго государства.

Въ числѣ личныхъ враговъ Гоздскаго былъ одинъ Потоцкій. Женившись на дочери своего эконома, онъ, спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы, началъ ссорится съ женою, сѣкъ ее розгами и отсылалъ подъ стражу. Защиты женѣ ждать было не откуда. Узнавъ объ этомъ, Гоздскій послалъ сказать мужу, чтобъ онъ лучше обращался съ женою. Взбѣшенный панъ велѣлъ сказать защитнику, что не его дѣло вмѣшиваться въ семейныя дѣла. Встрѣтившись

через нѣсколько времени во Львовѣ, старые враги еще больше разсорились. Спустя нѣсколько дней, Гоздскій съ надворной милиціей изъ восьмидесяти храбрыхъ людей неожиданно, среди бѣлаго дня, напалъ на домъ Потоцкаго. Нападеніе было такъ неожиданно, что гарнизонъ Потоцкаго былъ не въ состояніи дать отпоръ. Гоздскій, взявъ приступомъ домъ, увезъ пани Потоцкую отъ мужа, помѣстилъ ее въ монастырѣ, а самъ отъ ея имени началъ дѣло о разводѣ. Потоцкій въ страшномъ гнѣвѣ на отца жены, который, какъ онъ думалъ призвалъ на помощь Гоздскаго, отнялъ у него всѣ его имѣнія и выгналъ его самого. Потомъ, спустя нѣсколько недѣль, воспользовавшись отъѣздомъ Гоздскаго изъ Львова, Потоцкій съ своимъ войскомъ напалъ на монастырь, гдѣ жила жена и повезъ ее домой. Между тѣмъ Гоздскій, бывъ въ это время въ Ярычевѣ и узнавъ о нападеніи на монастырь, не тратя ни минуты, отправился въ погоню съ своею милиціей и нагналъ Потоцкаго на дорогѣ. Дѣло дошло до сраженія между милиціями двухъ пановъ: Гоздскій побѣдилъ и опять отбилъ жену у Потоцкаго. Въ этомъ сраженіи съ обѣихъ сторонъ погибло нѣсколько человѣкъ. Съ торжествомъ проводилъ онъ пани Потоцкую во Львовъ; но такъ какъ ни въ одномъ монастырѣ ее уже не принимали, боясь гнѣва и мести мужа, Гоздскій оставилъ ее у себя въ домѣ. Напрасно Потоцкій съ свѣжимъ войскомъ старался силою взять жену изъ дома Гоздскаго, напрасно нѣсколько разъ онъ нападалъ на городъ Ярычевъ, мѣстопребываніе своего врага, каждый разъ онъ былъ отбиваемъ. Видя невозможность взять жену силою, Потоцкій послалъ сказать владѣтелю Ярычева, что если онъ не выдастъ ему жены добровольно, то городъ будетъ сожженъ. „Жены тебѣ не отдамъ,"—отвѣчалъ Гоздскій, „потому что ты ея не стоишь; угрозы твоей не боюсь, потому что не привыкъ ихъ бояться. Если ты мой Ярычевъ сожжешь, то вѣдь есть на чемъ тебѣ отплатить; тогда я всѣ твои пять мѣстечекъ сожгу."

Характеристичны эти переговоры двухъ пановъ, готовыхъ изъ-за личнаго дѣла заставить страдать тысячи невинныхъ. Хороша общественная безопасность при этихъ безпрерывныхъ сраженіяхъ и нападеніяхъ другъ на друга.

Послѣ такого разговора опять не обошлось безъ борьбы, безъ потери нѣсколькихъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. Такія отношенія между ними продолжались болѣе двухъ лѣтъ; наконецъ, они случайно съѣхались въ Глинянахъ. Потоцкій пріѣхалъ первый. Гоздскій, узнавъ, что онъ въ Глинянахъ, не медля ни минуты и не давая ему времени для приготовленія, привелъ свою милицію въ боевой порядокъ, и оставивъ одну часть въ засадѣ, съ остальными напалъ на домъ, въ которомъ остановился Потоцкій. Нападеніе было неожиданно и застало его въ расплохъ, отдыхавшаго съ дороги. Не смотря на это, Потоцкій защищался мужественно, говоритъ авторъ, хотя люди Гоздскаго окружили со всѣхъ сторонъ его домъ, а люди Потоцкаго всѣ были пьяны. Послѣдній думалъ было бѣжать, но попался въ руки нападавшихъ и, какъ плѣнникъ, долженъ былъ согласиться на тѣ условія мира, которыя продиктовалъ ему счастливый побѣдитель. Условія эти были слѣдующія: 1) Потоцкій долженъ былъ согласиться на разводъ съ женою; 2) онъ долженъ былъ безотлагательно вознаградить отца жены за отнятыя у него имѣнія; 3) эти условія должны быть выполнены въ теченіе четырехъ недѣль; въ противномъ случаѣ дѣло должно было кончиться поединкомъ между ними.

Потоцкій долженъ былъ принять эти условія, но, съ своей стороны, онъ прибавилъ: 1) чтобъ Гоздскій послѣ развода женился на бывшей Потоцкой; 2) чтобъ передъ свадьбою онъ записалъ на ея имя сто тысячъ злотыхъ; 3) чтобъ возвратилъ Потоцкому забранное у него оружіе. Въ заключеніе они размѣнялись портретами и рѣшили, говоритъ біографъ, свято хранить мирный трактатъ, подписанный ими въ Глинянахъ.

Такъ кончилась война между двумя ясновельможными панами, война, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ.

Въ продолженіе ссоры съ Потоцкимъ, у Гоздскаго не было недостатка въ другихъ приключеніяхъ. Всѣ они объясняются шляхетностью характера героя, говоритъ біографъ.

Гоздскому понравилась одна очень красивая женщина, жена какого-то секретаря, львовскаго жителя, и потому онъ очечь часто бывалъ у нея. Мужъ, желая избавиться отъ непрошеннаго соперника, подговорилъ четырехъ товарищей, и всѣ впятеромъ рѣшились напасть на Гоздскаго и проучить его какъ слѣдуетъ. Когда счастливый любовникъ явился, по обыкновенію, къ своей возлюбленной, секретарь съ товарищами устроили засаду на лѣстницѣ, для нападенія на возвращавшагося Гоздскаго. Пани, узнавъ о намѣреніи мужа, предостерегла Гоздскаго объ опасности, совѣтуя ему уйти боковыми лѣстницами, но Гоздскій, охотникъ до битвъ всякаго рода, рѣшился сражаться. Онъ вышелъ въ сѣни съ палашомъ въ рукѣ и громко ругая и мужа, и его товарищей, насмѣхался надъ ними, говоря, что ни за что не выйдетъ изъ дому. Спрятавшіеся заговорщики сначала молчали, но когда расходившійся Гоздскій началъ ругаться самыми отборными выраженіями, они выскочили изъ засады и побѣжали верхъ по лѣстницѣ. Выбравъ удобное для себя положеніе, Гоздскій началъ молодецки защищаться палашомъ, владѣя имъ въ совершенствѣ. Прежде всего онъ отрубилъ носъ самому хозяину, а потомъ нѣсколькими ударами успѣлъ сильно ранитъ и его товарищей, едва справлявшихся съ непривычнымъ для нихъ оружіемъ, и довелъ ихъ до того, что они, побросавъ оружіе, просили пощады. Взявъ пять голыхъ палашей, Гоздскій съ этими трофеями спокойно вышелъ изъ дома, грозно повелѣвъ мужу не мстить женѣ. Панъ секретарь до смерти помнилъ

это сраженіе и долженъ былъ покорно переносить продолжавшіеся визиты Гоздскаго къ его женѣ.

Другое дѣло въ такомъ же родѣ еще болѣе, по мнѣнію біографа, рисуетъ благородную личность его героя.

Гоздскій началъ посѣщать жену одного чиновника, не обращая вниманія на мужа и ни мало не стѣсняясь въ своихъ посѣщеніяхъ. Это вывело изъ терпѣнія мужа и онъ велѣлъ сказать Годздскому, что дастъ ему сто батаговъ, если онъ осмѣлится еще разъ явиться къ нему въ домъ. Узнавъ объ этой угрозѣ, Гоздскій въ ту же минуту, верхомъ, взявъ съ собою двухъ людей, какъ можно скорѣе отправился въ домъ грозившаго ему чиновника. Пріѣхавъ туда около 10 часовъ вечера, когда господа уже спали, Гоздскій, не долго думая, входитъ въ спальную комнату съ палашомъ въ рукѣ и, видя супруговъ, лежащихъ въ постели, обращается къ женѣ съ такою рѣчью:

— Я узналъ только сегодня вечеромъ во Львовѣ, что мужъ вашъ хочетъ мнѣ дать сто батоговъ; для этого-то собственно я теперь и явился.

Жена начала оправдывать мужа, а испуганный супругъ притворился спящимъ. Гоздскій, положивъ возлѣ постели свой палашъ огромной величины, которымъ рѣдко кто могъ владѣть кромѣ его, велѣлъ служанкѣ себя раздѣть и, помѣстившись на одной постели съ супругами, съ другой стороны возлѣ жены, спокойно спалъ до бѣла дня. Мужъ же такъ испугался, что на разсвѣтѣ успѣшилъ убраться изъ дому. Проснувшись, Гоздскій поинтересовался узнать о здоровьи мужа и жены, разсказавшей ему объ его испугѣ и бѣгствѣ изъ дому. Гоздскому хотѣлось дождаться его возвращенія, но напрасно: мужъ не возвратился и къ вечеру. Пріятно проведя день съ красивою женой, Гоздскій позднимъ вечеромь, не торопясь, вернулся во Львовъ. Въ тотъ же день мужъ прислалъ ему почтительное письмо, извиняясь въ своей болтливости и униженно прося объ отпущеніи вины.

Хотя состояніе Гоздскаго было очень плохое, но такъ какъ было извѣстно, что его ожидаетъ богатое наслѣдство, то въ кредитѣ ему не отказывали: купцы, ремесленники и даже капиталисты готовы были исполнять его требованія, отчасти въ ожиданіи полученія имъ наслѣдства, а главнымъ образомъ потому, что боялись его, прибавляетъ біографъ, и въ подтвержденіе этого разсказываетъ слѣдующій случай:

Ботатый армянинъ Вартановичъ, торгующій виномъ, однажды среди ночи осмѣлился отказать Гоздскому въ присылкѣ вина. На другой день Гоздскій велѣлъ своимъ людямъ силою взять Вартановича и посадить въ подвалъ своего дома. Испуганный армянинъ, зная, что его ждетъ страшное наказаніе, извинялся, просилъ прощенія, даже плакалъ, прося отпустить его, но все было напрасно. „Не плачь", сказалъ ему Гоздскій, „ничего особеннаго я тебѣ на этотъ разъ не сдѣлаю, но и безъ наказанія уйти ты не можешь". Купивъ у него бочку вина, Гоздскій велѣлъ вылить ее въ кадку, въ которую обыкновенно стекала дождевая вода, и потомъ велѣлъ Вартановичу, подъ угрозою строжайшаго наказинія, сидѣть за этой кадкой и подчивать виномъ всѣхъ проходящихъ по улицѣ, причемъ, подавая каждому стаканъ вина, Вартановичъ долженъ былъ всякій разъ повторять слѣдующія слова: „Глупъ былъ Вартановичъ, что пожалѣлъ вина для ясневельможнаго графа Гоздскаго." Поставленный для наблюденія за нимъ слуга долженъ былъ слѣдить за точнымъ выполненіемъ наказанія, и Вартановичъ болѣе полудня торговалъ такимъ образомъ.

Когда австрійское правительство велѣло всѣмъ панамъ распустить надворную милицію, тогда и Гоздскій долженъ былъ, скрѣпя сердце, распустить свое войско, съ которымъ онъ совершилъ столько блестящихъ подвиговъ. Новые порядки давали себя чувствовать: не подчиниться имъ было нельзя. Вскорѣ послѣ изданія этого распоряженія, графъ Гвичіарди, встрѣтившись съ Гоздскимъ въ гостяхъ у губер-

натора, между прочимъ, обратился къ Гоздскому по-нѣмецки: „А что, графъ, вы нынче тихо сидите во Львовѣ, когда у васъ не стало милиціи.“ Гоздскій ему на это замѣтилъ, что вѣдь можно обойтись и безъ палаша, были бы только руки. Нѣмецъ принялъ это на своей счетъ и погрозилъ арестомъ, но разсердившійся Гоздскій закричалъ: „Молчи, дуракъ“ и, схвативъ его одною рукой за шиворотъ, такъ сильно толкнулъ, что Гвичіарди пролетѣлъ всю залу и долго лежалъ на полу отъ боли и страха. Губернаторъ, зная характеръ Гоздскаго, говоритъ біографъ, покончилъ дѣло миромъ, но Гвичіарди не забылъ оскорбленія. Когда онъ сдѣлался директоромъ полиціи, нѣсколько человѣкъ нѣмцевъ, обиженные Гоздскимъ, искали случая омстить ему за обиду. Одинъ изъ нихъ, по имени Тестмейеръ, бывшій офицеръ австрійской службы, пришедши въ театръ, въ ложу Гоздскаго, громко закричалъ его фамилію, сравнивая его съ героемъ шедшей въ то время пьесы смѣшнымъ юношей.

„За то, что ты говоришь глупости“, сказалъ Гоздскій, „я вызываю тебя на дуэль, потому что не могу иначе какъ рыцарскимъ способомъ вознаградить себя за оскорбленіе“.

Тестмейеръ отвѣчалъ, что дуэли закономъ запрещены и что онъ драться не будетъ.

Но не запрещено бить палкой такихъ, какъ ты, закричалъ Гоздскій, и, вытолкнувъ его изъ ложи въ коридоръ, началъ бить палкой по плечамъ. На крикъ Тестмейера выскочили его товарищи, бывшіе уже на-готовѣ, и всѣ бросились на Гоздскаго, который храбро защищался бывшею у него въ рукахъ палкой; но когда одинъ изъ противниковъ отнялъ у него палку, Гоздскій, пользуясь близостью лѣстницы, сталъ хвать своихъ противниковъ одного за другимъ и со всю силой бросалъ ихъ съ лѣстницы внизъ. Четверо съ выломленными руками и ногами, громко крича отъ боли, лежали внизу; остальные, менѣе пострадавшіе, привели полицію. Шумъ былъ большой, но

въ это время кончилось представленіе, публика выходила изъ ложъ и потому, за громадной толпой, полиція не могла арестовать виновнаго, особенно когда бывшіе въ театрѣ поляки густою толпой окружали соотечественника и дали ему возможность выдти изъ театра. Между тѣмъ герой нашъ, схвативъ нѣмца и раскачивая по воздуху на всѣ стороны, расталкивалъ его ногами толпу, а потомъ вышедъ на улицу, бросилъ едва живаго, самъ сѣлъ въ экипажъ и въ ту же ночь уѣхалъ изъ Львова. Когда на другой день директоръ полиціи прислалъ Гоздскому приглашеніе явиться въ полицію ему отвѣчали, что графъ еще вчера выѣхалъ въ Варшаву. Нѣмцы долго помнили эту исторію, замѣчаетъ авторъ, и съ-тѣхъ-поръ боялись задѣвать поляковъ.

Между тѣмъ наступило для нашего героя время старости, время болѣзней всякаго рода; delicta juventutis, какъ самъ онъ выражался, давали себя чувствовать. Но все это не измѣнило его характера, не убило въ немъ гордости и всегдашняго презрѣнія къ людямъ бѣднымъ и незнатнымъ. Больной безъ ногъ, Гоздскій выдерживалъ до конца роль польскаго магната. Сокрушаясь о гибели отечества, этотъ сынъ польской ойчизны, ничѣмъ въ сущности себя незаявившій на пользу народа, теперь пишетъ ярыя посланія къ Костюшкѣ и къ нѣкоторымъ своимъ друзьямъ, оплакиваетъ судьбу отечества, проклинаетъ враговъ его. Письма эти переписываются его пріятельями и въ тысячахъ экземпляровъ раздаются соотечественникамъ. Этого достаточно: авторъ ихъ причисленъ къ числу великихъ людей своего отечества.

Въ 1797 году умеръ Гоздскій. Біографъ заключаетъ свой очеркъ самымъ сочувственнымъ отзывомъ о своемъ героѣ.

———

„Воспоминанія" неизвѣстнаго автора, на которыхъ мы такъ долго остановились, кромѣ всего нами разсказаннаго, содержатъ въ себѣ еще біографіи Костюшки, ксендза Коллонтая, князей Чарторижскихъ, князя Раздивилла, ксендза Млодзѣевскаго и другихъ. Біографіи эти очень коротки и, передавая болѣе или менѣе извѣстные факты, не представляютъ интереса для читателей.

Серг. Никольскій

Варшава, 14-го іюня
1868 года.

Спб. Вѣд.

СЛАВЯНИНЪ.

Słowianin, dwutygodnik polityczny, redagowany przez Turowskiego. Lwow 1868.

На страницахъ „Дневника" дано было въ свое время краткое библіографическое извѣстіе о двухъ-недѣльномъ журналѣ „Славянинъ", издающемся во Львовѣ, съ іюля 1868. года. Мы нарочно воздерживались отъ подробнаго разбора этого изданія до тѣхъ поръ, пока направленіе, духъ и цѣль его не выскажутся сколь возможно полнѣе. Нынѣ мы получили уже пять нумеровъ „Славянина", заключающихъ въ себѣ достаточно данныхъ, чтобы сдѣлать безошибочное сужденіе объ этомъ журналѣ.

Прежде всего, рекомендацію „Славянину" составляютъ имена ихъ издателей: Туровскаго, издававшаго до 1863 года журналъ подъ названіемъ „Литературная Библіотека"— и Рапацкаго, одного изъ лучшихъ польскихъ публицистовъ въ Галичинѣ, человѣка съ твердыми убѣжденіями и сильною энергіей. Оба эти писателя, особенно же послѣдній, обладаютъ основательною эрудиціей по славянскому вопросу, и отличаются зрѣлостью мысли и безпристрастіемъ политическихъ взглядовъ. Достоинства издателей отражаются и на ихъ изданіи. „Славянинъ" не принадлежитъ къ

тѣмъ легкимъ литературнымъ явленіямъ, которыя появляются и исчезаютъ безъ слѣда, легко прочитываются, и тотчасъ забываются; напротивъ, „Славянинъ“ требуетъ основательнаго и не торопливаго чтенія, потому что читатель почти во всѣхъ его статьяхъ встрѣчается съ серьезною и глубоко обдуманною рѣчью, содержаніе которой составляютъ научно обработанные матеріалы изъ области исторіи, этнографіи, экономіи, статистики и пр. Такими пріемами изложенія не насилуются ничьи убѣжденія, и читатель самъ собою приходитъ къ тѣмъ безпристрастнымъ выводамъ, которые необходимо вытекаютъ изъ поставленнныхъ посылокъ. Содержаніемъ „Славянина“ ясно обрисовывается кругъ его читателей. Этотъ журналъ можетъ составлять пищу только для людей съ научнымъ образованіемъ, и достаточнымъ внутреннимъ развитіемъ.

Направленіе „Славянина“ строго и неуклонно проведено чрезъ всѣ до сихъ поръ появившіеся его выпуски. Главная задача этого журнала заключается въ сближеніи славянъ между собою вообще, и изъ нихъ поляковъ съ русскими въ частности. Исходя отъ убѣжденія, что моральная рознь въ славянскомъ мірѣ обусловливается равнодушіемъ славянскихъ племенъ одного къ другому, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ прошедшей судьбой и настоящимъ положеніемъ единокровныхъ элементовъ, „Славянинъ“ поставилъ себѣ задачею, придерживаясь строго научной почвы, знакомитъ родственныя славянскія племена съ ихъ исторіей, литературой и соціальнымъ бытомъ. Такимъ образомъ, обозначивъ то поле, на которомъ должно произойти славянское объединеніе, почтенный журналъ выступилъ въ открытую борьбу съ антиславянской польской партіей, и вопреки системѣ польскихъ заграничныхъ газетъ, говоритъ между прочимъ о Россіи и ея отношеніяхъ къ полякамъ безкорыстное слово истины. Понятно, что такое изданіе должно было крѣпко не понравиться

тѣмъ ложнымъ польскимъ патріотамъ, которые весь свой патріотизмъ полагаютъ въ ожесточенной ненависти къ Россіи. „Народувка,“ „Дневникъ Львовскій“ и „Дневникъ Позванскій“ осыпали вновь появившійся журналъ градомъ ругательствъ, доносовъ и клеветы, при чемъ, дабы подорвать существованіе „Славянина,“ такъ называемый галиційскій жондъ народовый наложилъ даже запрещеніе на этотъ органъ. Мы съ своей стороны можемъ только искренно пожалѣть объ этой ослѣпленной враждѣ, боящейся взглянуть прямо въ глаза правдѣ.

Въ подтвержденіе нашей общей характеристики новаго журнала, и для ближайшаго съ нимъ ознакомленія приведемъ вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ лучшихъ статей его, хотя признаемся, дѣлать между статьями выборъ довольно трудно, потому что каждая изъ нихъ имѣетъ свое достоинство по отношенію къ извѣстной сферѣ знаній.

Въ первомъ выпускѣ, въ статьѣ подъ названіемъ: „Западные славяне,“ почтенный журналъ, очерчивая между прочимъ главные моменты польской исторіи, говоритъ, что нѣмецкое давленіе, казалось, долженствовало бы соединять между собою славянъ чешскихъ и польскихъ для отпора мертвящему вліянію, но на дѣлѣ славянскія племена пользовались каждымъ случаемъ, чтобы ослаблять другъ друга. Въ этотъ направленіи особенно далеко зашли поляки въ своихъ усиліяхъ оттягать земли русскія. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ русскими противъ германцевъ, они предпринимали рядъ походовъ на Кіевъ, отъ которыхъ ничего существеннаго не пріобрѣли, но успѣли разжечь въ русскихъ къ себѣ справедливую непріязнь. Это же братоубійственное стремленіе поляковъ на Русь продолжалось при Владиславѣ Локеткѣ и Казимірѣ. Затѣмъ мрачными красками рисуется растлѣвающее вліяніе на польскіе общество іезуитовъ и необузданнаго выборнаго начала съ его liberum veto. Кто идеализируетъ положеніе

тогдашней Польши, говоритъ авторъ, тотъ не видитъ сущности дѣла, а одну только его оболочку. Далѣе ближайшимъ поводомъ паденія Польши автовъ считаетъ непризнаніе езуитами и шляхтой человѣческихъ правъ за крестьянами и казаками,—и свидѣтельствуетъ, что при первомъ распаденіи польскаго государства, Россія не захватила себѣ ни одного клочка изъ его исторической земли; напротивъ, отъ Россіи отошла къ Австріи Червонная Русь съ частями Волыни и Подоліи. Россія же, въ лицѣ Александра I, отстояла польскую народность въ границахъ теперешняго Царства Польскаго. Это фактъ, котораго отрицать нельзя, замѣчаетъ авторъ. Что было бы съ польской народностью, спрашиваетъ онъ, если бы Висла была назначена границею между Россіей и Прусіей?

Авторъ признаетъ, что Царство Польское пользовалось до возстанія 1831 года такимъ благосостояніемъ, которое не встрѣчается въ исторіи Польши, и съ укоризной относится къ тѣмъ псевдо-патріотамъ, которые, возбужденіемъ революціи, разрушили внутреннее экономическое довольство. Очертивъ, наконецъ, положеніе польской народности, въ предѣлахъ трехъ державъ, авторъ требуетъ равноправности для галицкихъ русскихъ, наравнѣ съ поляками.

Въ статьѣ, подъ названіемъ: „Отрывки изъ этнографіи Галичины“ приводятся, съ рѣдкимъ въ полякѣ безпристрастіемъ, изъ многихъ нѣмецкихъ авторитетныхъ источниковъ, статистическія данныя, идущія въ разрѣзъ съ парадоксомъ заядлой польской партіи, состоящимъ въ томъ, что „niema Rusi.“ Статья эта читается всякимъ образованнымъ человѣкомъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Вотъ нѣкоторые изъ нея отрывки: Славяне въ Галичинѣ представляютъ двѣ родственныя отрасли: польскую и русскую. Съ 1848 года, русскіе галичане, когда выступили съ требованіями признанія правъ своей народности, возбудили о себѣ различныя мнѣнія. Одни стали утверждать, будто бы рус-

ская народность отличается только религіозною обрядностью, другіе считали ее провинціальною особенностью польской народности, а русскій языкъ—нарѣчіемъ польскаго. Народное ли раздраженіе, или политическіе виды вызвали такія мнѣнія, но во всякомъ случаѣ вызвали ихъ съ ущербомъ для истины. Народъ русскій въ Галичинѣ представляетъ народность особенную отъ польской, хотя и родственную ей. Русскую этнографическую особенность статья очень обстоятельно и подробно доказываетъ качествами русскаго языка, психическими и физіологическими свойствами, оттѣнками внутренняго быта и пр. Самыя же полновѣсныя данныя заимствуются изъ статистики. Такъ, по послѣдней переписи, въ восточной Галичинѣ числится: русскихъ 2,021,346; поляковъ—692,050; армянъ—2,382; нѣмцевъ—23,049; евреевъ—345,005. Изъ числа 12-ти уѣздовъ восточной Галичины, въ пяти находится русскихъ 70—80%, въ четырехъ 60—70%, въ одномъ—56; и въ двухъ 40—50%. Процентъ русскаго населенія значичительно увеличится, если изъ общаго счета исключить города, жители которыхъ по преимуществу поляки. Къ этой статьѣ приложена прекрасно сдѣланная этнографическая карта восточной Галичины.

Обращаютъ также на себя вниманіе статьи въ Н. 2 „Настоящее положеніе Галичины,“ гдѣ говорится объ экономической несостоятельности поляковъ и „планы будущей политики“, гдѣ сдѣланъ разборъ политической брошюры г. Коминковскаго, вышедшей подъ вышеприведеннымъ названіемъ еще въ 1867 году, но съ умысломъ незамѣченной польскою журналистикой, хотя или правильнѣе потому, что брошюра эта отличается трезвостію мысли и безпристрастно-вѣрнымъ политическимъ сужденіемъ. Отдавая справедливость этой статьѣ, редакція какъ будто забываетъ свое собственное племенное происхожденіе и отрѣшается отъ вѣковыхъ предразсудковъ своей національ-

ности. Припоминая вкратцѣ исторію Польши, безпощадный г. Коминковскій замѣчаетъ: „Тамъ, гдѣ мы имѣли быть, насъ не было, а были мы и теперь находимся въ противоположномъ лагерѣ.“ Авторъ выставляетъ на видъ то, что когда ѣхали чехи въ Москву, признавая это полезнымъ своимъ интересамъ, „мы осыпали чеховъ градомъ безумныхъ словъ по всей линіи отъ Львова до Познани, хотя это не помѣшало имъ выполнить свое желаніе.“ Авторъ имѣетъ мужество признавать, что поляки энергичны лишь для революцій, въ промежуткахъ же между революціями воцаряется полная апатія, которою и объясняется ихъ жалкое экономическое состояніе въ Галичинѣ. Ссылаясь на историческіе факты, г. Коминковскій высказываетъ ту глубокую мысль, что народы, какъ и отдѣльные люди, измѣняютъ формы своей жизни, и даже религіозныя вѣрованія, которыя поляки считаютъ нарушимыми только подъ карою смерти. И въ этомъ-то кроется причина несостоятельности поляковъ въ смыслѣ политическаго дѣла.

Повторяемъ, что приводить лучшія статьи „Славянина“ значило бы приводить ихъ почти всѣ, — такъ много въ нихъ правды. По этому ограничимся только перечнемъ остальныхъ, болѣе другихъ выдающихся статей. Въ первомъ нумерѣ, кромѣ двухъ нами разобранныхъ, заключаются слѣдующія замѣчательныя статьи: „Періодическая печать въ Россіи“, обстоятельно написанная, „Населеніе Венгріи“; во второмъ—за исключеніемъ двухъ, тоже резюмированныхъ нами, помѣщено хорошее описаніе Черногоріи, въ третьемъ „Нѣсколько замѣчаній о русско-галицкомъ дѣлѣ.“ „О литературной взаимности славянъ,“ „Политическое обозрѣніе“; въ четвертомъ „Статистическій обзоръ славянства“, „Населеніе Литвы“; въ пятомъ „О пропинаціи“, „Мѣстные экономическіе интересы“, „Политическое обозрѣніе“ и проч.

Кореспонденція „Славянина“ отличается болѣе или ме-

нѣе вѣрными взглядами, отрѣшенными отъ польскихъ предразссудковъ. Такъ напримѣръ, въ письмѣ изъ Вильны, мы находимъ, слѣдующія строки: „Бѣдная Литва много вѣковъ была игралищемъ Польши. Послѣ продолжительной и упорной борьбы, лишенная самостоятельности, Литва посвятила все своему новому отечеству, и дѣлила съ нимъ одну лишь недолю, потому что счастливыхъ дней съ 1569 года было немного. И что же этимъ выиграла бѣдная Литва? Снискала ли по крайней мѣрѣ уваженіе и любовь поляковъ? Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! Поляки послѣднимъ возстаніемъ втянули Литву въ страшную пропасть, и не смотря на то, все таки и теперь слышатся въ Варшавѣ возгласы, исполненные лжи и поруганія, но ни мало не говорящіе о братской пріязни. Не говоримъ вообще, но подразумѣваемъ частности. Ошибаются тѣ, которые доказываютъ и пишутъ, что Литва тоже самое что и Польша; говорятъ такъ съ преднамѣренною цѣлью ввести въ ложь и обманъ другихъ. Есть еще въ Литвѣ люди, которые въ польщизнѣ видятъ свое спасеніе и будущность, но большинство думаетъ иначе, особенно послѣ недавнихъ бѣдствій повстанья. Литвинъ сдѣлался католикомъ, усвоилъ польскій языкъ, но все-таки остался литвиномъ; измѣнился даже тотъ, кто воображаетъ, что онъ родовитый и настоящій полякъ. Литвинъ хочетъ быть только литвиномъ, и чаетъ лучшей будущности не отъ Польши.“

Въ кореспонденціи изъ Петербурга, полученной редакціею на русскомъ языкѣ, предсказывается успѣхъ „Славянину“, если онъ не отдалится отъ своей программы, и не позволитъ себѣ увлечься чувствомъ въ ущербъ разуму. „Поляки уже дошли, говорится въ этомъ письмѣ, до крайнихъ граней своихъ грезъ, испробовали всѣ планы, и до дна испили горькую чашу. Мы должны учиться исторіи и пользоваться ея уроками, дабы въ будущемъ избѣжать ошибокъ, идти прямымъ путемъ къ достиженію возможнаго благополучія“.

Чтобы проводить эти честныя, но непріятныя полякамъ идеи, нужно имѣть огромный запасъ мужества, самоувѣренности, и гражданской отваги, а также являться во всеоружіи науки предъ многочисленной враждебной въ Галичинѣ партіей. Тѣмъ искреннѣе сочувствіе наше и всѣхъ здравомыслящихъ людей къ дѣятельности „Славянина“. Отъ всей души желаемъ, чтобы поляки, особенно же нашей провинціи, вняли голосу разсудка, и прониклись миролюбивымъ духомъ „Славянина“, для собственнаго своего благденствія и счастія. Желательно также, чтобы этому жарнулу былъ облегченъ входъ въ наши предѣлы. Галиційскій жондъ, держась своей избитой тактики, между прочими клеветами, разгласилъ, будто бы „Славянинъ“ издается на „московскіе рубли“ (sic!), но сомнительно, чтобы онъ пользовался отъ насъ даже грошами, потму что до сихъ поръ, по какому то странному упущенію, не разрѣшена даже подписка на него въ нашихъ провинціяхъ, хотя журналъ этотъ ничего не могъ бы принести съ собою кромѣ пользы.

Поставимъ въ эпилогъ нашей статьи мотивы дѣятельности „Славянина“, заявленные въ его програмѣ; „Слава всѣмъ славянамъ, мирѣ всѣмъ народамъ, добрыя побужденія всѣмъ людямъ“. *Л.*

ЕЩЕ ОТЗЫВЪ «СЛАВЯНИНА» О ПОЛЯКАХЪ.

Въ № 1 *Славянина* за 1869 годъ обращаетъ на себя вниманіе весьма замѣчательная статья подъ заглавіемъ: „Славяне-не славяне“. Въ небольшой замѣткѣ, которую редакція предпосылаетъ этой статьѣ, говорится, что содержаніе ея представляетъ сводъ мнѣній русскихъ правительственныхъ сферъ и полуофиціальныхъ (!) органовъ о стремленіяхъ польскаго дворянства возстановить границы 1772 и объ отношеніи, въ какое вслѣдствіе того поставило себя

это дворянство къ идеѣ славянской солидарности. Ошибочно или вѣрно замѣчаніе редакціи, это вопросъ постоpонній; но статья сама по себѣ заключаетъ столько исторической правды и обрисовываетъ политическое положеніе многочисленной польской партіи съ такою искренностію и въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что составляетъ въ независимой польской прессѣ новое и совершенно непривычное явленіе. Вотъ сущность содержанія означенной статьи, воспроизводимой въ сокращеніи.

Въ исторіи человѣчества нѣтъ примѣра, чтобы какая либо раса, раздробившись на отдѣльныя группы, выдѣлила изъ себя такую вѣтвь, которая была бы непріязнена всѣмъ племеннымъ инстинктамъ своей расы и которая соединила бы собственные интересы съ интересами враговъ своего племени. Изобразивъ въ подкрѣпленіе этого положенія этнографическую солидарность между племенными группами нѣмецкими и италіянскими, неизвѣстный авторъ указываетъ на прискорбное исключеніе изъ общаго правила въ расѣ славянской, выдѣлившей изъ себя польское племя, въ средѣ котораго выработался полякъ-шляхтичъ. Гдѣ бы ни находился полякъ этого покроя, онъ продолжаетъ оставаться всегда непріязненнымъ для славянъ и во всемъ поступаетъ наперекоръ славянскимъ интересамъ. Чрезъ всю исторію, какъ древнюю, такъ и новѣйшую, проходитъ неустанная борьба съ славянами этой отродившейся отъ славянства вѣтви, которая вноситъ и поддерживаетъ въ родственныхъ сферахъ прискорбный раздоръ политическій, письменный и общественный, и которая обнаруживаетъ упорное стремленіе выдѣлиться какимъ либо способомъ изъ славянскаго рода. *Поляки шляхта* это положительно *славяне-не славяне.*

Въ самыя отдаленныя эпохи своего историческаго существованія они вздорили со своими единоплеменными сосѣдями. Съ русскимъ народомъ они никогда не имѣли со-

гласія и мира. Когда одна половина (южная) этнографической группы Россіи политически соединилась съ ними на условіяхъ равноправности, свободы и самоуправленія, поляки-шляхта не думали и не старались объ укрѣпленіи своихъ связей съ этою частію русскаго народа. Напротивъ, они сдѣлали все, чтобы испортить эти связи и сдѣлать ихъ невыносимыми для южной Руси. Употреблена была всяческая энергія, достойная лучшаго дѣла, чтобы оттолкнуть отъ себя южно-руссовъ, и они отвернулись отъ поляковъ-шляхты сами. Подъ вліяніемъ племенныхъ инстинктовъ южно-русская народность соединилась съ сѣверною половиною русской этнографической группы и до сихъ поръ живетъ съ нею въ полнѣйшемъ политическомъ и духовномъ единеніи.

Поляки-шляхта дѣйствовали во вредъ славянскимъ интерессамъ и тогда, когда, имѣя всѣ данныя къ моральному и политическому сліянію съ чехами, приняли и въ отношеніи къ нимъ враждебное положеніе. Въ новой исторіи, именно въ началѣ XIX вѣка, они стали подъ французскія знамена, чтобы идти противъ русскихъ въ ту эпоху, когда вся Европа возстала противъ деспотизма и военныхъ ужасовъ Наполеона I.

Часть польской этнографической группы находится подъ австрійскимъ скипетромъ, вмѣстѣ со многими другими славянскими группами. Эти послѣднія всѣ не чужды мысли всеславянскаго, по крайней мѣрѣ, духовнаго объединенія. Только поляки-шляхта вносятъ въ это семейство какой то странный диссонансъ. Въ „Славянской Бесѣдѣ“ въ Вѣнѣ встрѣчаются представители всѣхъ славянскихъ народностей русскіе, чехи, словаки, сербы, болгары, поляки. У всѣхъ (первыхъ) наблюдается что то родственное, соединяющее ихъ во едино. Всѣ имѣютъ интерессы, которые, встрѣчаясь въ какомъ либо пунктѣ, сходятся въ одной общей идеѣ. Одни только поляки не привносятъ съ собою ничего свя-

вующаго. Они изображаютъ изъ себя выродившихся ацтековъ въ средѣ европейскихъ національныхъ родовъ,—маніаковъ, неразумѣющихъ всеобщественнаго, современнаго политическаго языка. Словно застыли они въ понятіяхъ тѣхъ временъ, когда еще не была открыта Америка, не было изобрѣтено книгопечатаніе, и люди жили только для войны и разбоя. Съ этими понятіями они придвинулись въ XIX столѣтіе. Всѣ другіе славяне ощущаютъ потребность совокупныхъ усилій для пріобрѣтенія того, чего имъ недостаетъ, именно освобожденія отъ чуждыхъ вліяній, силы для защиты своихъ интерессовъ, высшаго развитія, которымъ тщеславится предъ славянами западная Европа, счастія, которымъ не могутъ похвалиться славяне... Только поляки идутъ въ разрѣзъ этимъ общимъ стремленіямъ, ища невозможнаго всюду, гдѣ только появляются, и въ высшей степени невозможнаго добиваясь отъ Россіи. Какъ мономаны, они не понимаютъ своего отчаяннаго положенія, а болѣзненное ихъ воображеніе говоритъ имъ, вмѣсто величественныхъ, причудливые образы будущности. Какъ, всякая этнографическая особность, неспособная къ политической жизни, поляки-шляхта убѣждены, что они то собственно только и способны созидать высшія политическія формы.

Въ этомъ отношеніи шляхетные поляки уподобляются евреямъ. Эти послѣдніе никогда не оказывали способности къ политической жизни. Они утратили свое царство, свой Іерусалимъ, потому что не умѣли управиться съ своимъ царствомъ, шли противъ вѣка, противъ исторіи, противъ жизни, а эта жизнь, эта исторія своимъ суровымъ приговоромъ выгнала ихъ изъ отечества и разсѣяла по всей вселенной. Евреи не измѣнили своего типа, не утратили своихъ житейскихъ способностей, но не пріобрѣли политической мудрости и все еще питаютъ вѣру въ пришествіе Мессіи и въ возрожденіе іудейскаго царства съ его столицею Іерусалимомъ, потому что считаютъ себя избраннымъ народомъ Божіимъ.

Такими же избранниками Божіими считаютъ есбя и поляки-шляхта. Подобно евреямъ, они никогда не выказывали способности къ политической жизни; какъ и евреи, поляки—безспорно народъ даровитый и поэтичный и также наравнѣ съ евреями утратили свое королевство, свою Іудею-Польшу, свой Іерусалимъ-Варшаву, потому что не умѣли владѣть королевствомъ и управлять народомъ. Такъ же точно они шли на перекоръ вѣку, исторіи, жизни и точно также утратили отечество, царство, хлоповъ, Варшаву, точно также не измѣнили своего типа и темперамента, не потеряли творчества, талантовъ, поэзіи, но при всемъ томъ и не пріобрѣли политической мудрости. Поляки-шляхта по прежнему остаются политически неспособною группою и питаются мечтаніями о пришествіи своего Мессіи и воскресеніи польскаго королевства въ Варшавѣ.

Никто не можетъ обвинить исторію въ томъ, будто бы она произнесла несправедливый судъ надъ поляками. Каждый народъ несетъ такую участь, какую самъ для себя приготовилъ. Приговоръ исторіи бываетъ жестокимъ на столько, на сколько народъ оказывается неспособнымъ къ счастливой жизни. Если народъ страдаетъ, то никого не имѣетъ права обвинять въ своихъ страданіяхъ, кромѣ самого себя. Поляки-шляхта обыкновенно взваливаютъ свои несчатія на москалей; но повторяемъ: каждый народъ испытываетъ такую судьбу, какую самъ себѣ подготовилъ. Американцы и англичане счастливы, сравительно со многими народами, потому что сами много поработали для своего счастья; китайцы далеко остали отъ европейскихъ народовъ, потому что предаются взлюбленному ими квіетисму; туркамъ неугодно было подчиниться требованіямъ вѣка и цивилизаціи, и теперь приходится имъ или убираться въ Азію, подальше отъ цивилизаціи, или умирать на правомъ берегу Дарданеллъ; французы—охотники до

разнообразія и въ теченіе полувѣка умудрились испытать многоразнообразія въ формахъ правленія. Польской шляхтѣ еще во времена независимаго королевства хотѣлось, во что бы то ни стало, искоренить это государство, и она достигла своей цѣли: она предоставила его неурядицѣ и безправію, сумасбродствовала на сеймахъ, угнетала свой народъ и довела его до нищеты и отупѣнія въ такой степени, что народу было рѣшительно все равно, кому бы ни принадлежать, лишъ бы не польской шляхтѣ. По утратѣ своего царства польской шляхтѣ оставалось подчиниться своей судьбѣ, которую сама себѣ устроила, и стараться по мѣрѣ возможности улучшить свое положеніе, поработать для собственнаго блага; но она не захотѣла трудиться. Она стремиась только возвратить свое государство, взваливши всю тягость труда на плечи хлоповъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи поляки-шляхта не только не вступили въ солидарность съ славянами, въ союзѣ съ которыми могли бы обрѣсти свое спасеніе; но и между собою, подѣлившись на партіи, ведутъ неустанно междуусобицы. Едва лишь они подступятся къ дѣлу, тотчасъ партія Чарторыжскаго ссорится съ партіею Платера, сторонники Платера—съ сторонниками Мѣрославскаго, приверженцы Мѣрославскаго—съ правительствами, и каждая изъ этихъ фракцій желала бы поставить своего короля въ государствѣ, созданномъ ихъ воображеніемъ. Графъ Бисмаркъ въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ по поводу нѣмецкаго партикуляризма выразился недавно, что „если бы нѣмцы имѣли деньги, то каждый изъ нихъ поставилъ бы для себя своего короля“. О польской шляхтѣ можно сказать, что если бы воскресло ихъ несчастное государство, то каждый шляхтичъ самъ себя выбралъ бы въ короли и воевалъ бы съ другими, подобными себѣ, королями, чтобы обратить ихъ въ хлоповъ.

Всего замѣчательнѣе, продолжаетъ неизвѣстный авторъ, то обстоятельство, что польская шляхта, которой ничто не удается, не хочетъ или не можетъ разумно обсудить свое положеніе. Вѣдь въ сущности не во всемъ же виновата Москва. Почему же всѣмъ удается хоть что нибудь, а шляхтѣ ровно ничего? Поляки шляхетской партіи до сихъ поръ не могутъ уразумѣть, что уже пора отказаться отъ средневѣковыхъ понятій и проникнуться идеями XIX вѣка. Ладья ихъ давно разбита бурею; они плаваютъ по морю на обломкахъ, и пусть бы уже спасились такимъ способомъ, если онъ имъ нравится; но дѣло въ томъ, что своими ничтожными щепками они хотятъ пробить бока кораблей великихъ и сильныхъ.

Польская шляхта не хочетъ соединить свою судьбу съ сильнѣйшими племенами. Она еще не развилась до такой высоты, чтобы познать силу народности въ широкомъ смыслѣ, но переживаетъ лишь періодъ партикуляризма, который Европа начинаетъ энергически отрицать. Поляки-шляхта не хотятъ быть славянами, а только поляками; но покуда не сольютъ своихъ интересовъ съ интересами своей славянской расы, до тѣхъ поръ будутъ въ Европѣ чѣмъ то въ родѣ американскихъ и австралійскихъ дикарей, которые вымираютъ отъ прикосновенія къ нимъ европейской цивилизаціи.... Впрочемъ, какъ кажется, въ нѣкоторыхъ сферахъ польско-шляхетской партіи уже зарождаются начала нравственнаго переворота.

Такъ говоритъ польскій независимый органъ. Съ своей стороны, какъ ни отрадный симптомъ начинающагося прозрѣванія въ нѣкоторыхъ польско-шляхетскихъ сферахъ, можно указать на вновь появившуюся въ Галиціи политическую брошюру (Maran atha) графа Борковскаго, въ концѣ которой почтенный публицистъ и политическій дѣятель высказалъ мысли, во многихъ сходныя съ вышеприведенными. Между прочимъ, говоря о томъ, что поля-

камъ Австріи не предстоитъ никакой будущности, авторъ предполагаетъ, будто бы въ отдаленномъ ремени польскій языкъ и польская литература сдѣлаются классическими и и будутъ продолжать свое существованіе только въ словаряхъ, а живымъ языкомъ будто бы станетъ русскій языкъ. По его убѣжденію, поляки тогда лишь начнутъ нормальное существованіе, когда перестанутъ желать Польши, а пойдутъ на встрѣчу славянству.

(*Веч. Газ.*)

Содержание 11-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи“ за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.